

п а т њ а н а ш у р а н

Х А О З А Р

Татьяна Шуран

Хаозар

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23576923

ISBN 9785448500220

Аннотация

Я стала лепить, стараясь распределять жар так, чтобы камень светился изнутри и застывал снаружи. У меня получилось что-то вроде распятия из женской фигурки. Ноги у неё были огненные, с яркой кровавой нотой, середина – как остывающая лава, а верхняя часть – как нежная молочная река.

Содержание

I. Первые сны	5
II. Белая роза	48
III. Океан	70
IV. Страж	92
V. Око будущего мира	148
Конец ознакомительного фрагмента.	202

Хаозар

Татьяна Шуран

Иллюстратор Полина Яковлева

© Татьяна Шуран, 2017

© Полина Яковлева, иллюстрации, 2017

ISBN 978-5-4485-0022-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

І. Первые сны

1

«Я иногда задумываюсь: что такое память? Всё, что мы помним, – настоящее или нет? Возможно, те, кто ничего не помнит, как раз и живут по-настоящему? А нас воспоминания только путают. Ведь если душа, допустим, вечна, то и вспоминать, наверное, не о чем? Всё происходит прямо сейчас. А стало быть, можно вмешаться в собственные воспоминания и поменять их... И получится как бы новая жизнь... Или она тоже уже будет чьим-то забытым воспоминанием?

Интересно, можно ли начать абсолютно новую жизнь? Наверное, для этого нужно поймать момент между воспоминаниями. И что тогда? Там будет место без памяти? Абсолютное творчество? Или абсолютная пустота? Да и бывает ли что-нибудь абсолютным? Может быть, память сложнее, чем кажется? Что, если это не просто цепочка нанизанных друг за другом событий? Может быть, где-то в глубине памяти скрывается источник всего нового – память о том, чего не было... и память ни о чём».

– Жанна! – раздался вопль матери. – Сколько можно сидеть со своими бреднями? Тебя все ждут, мы выезжаем на охоту.

Жанна торопливо бросила диктофон – у людвы для та-

ких целей, конечно, использовались гусиные перья, но здесь, в Чейте, представители высшей расы хоть и притворялись для забавы людьми, всё же не стесняли себя в плане комфорта и не отказывались от техники, работавшей на неизвестной человечеству энергии альрома. Правда, чтобы использовать такую технику, нужно было сначала подкрепить силы кровью людей, но этот нюанс никого не смущал, даже наоборот: обитатели Чейте научились превращать добычу люмэ в весёлое развлечение.

Замок Чейте был главной резиденцией кэлюме – или, по выражению людвы, вампиров – на земле. Как считалось – всех вампиров, хотя Жанна помнила, что были и другие – те, кто не захотел покинуть Пульс... но со временем вспоминать их становилось всё труднее. Память о ранних годах постепенно угасала... и сейчас Жанна едва могла представить себя ребёнком, хотя это было... всего каких-то сто лет назад. А ведь раньше жизнь воспринималась так ярко... Там, рядом с Пульсом, она пребывала словно в другом, бессмертном мире. Жанна запомнила Пульс как гигантский, сверкающий белым светом цветок. Его лепестки напоминали прозрачные волны с пеной из жгучего серебра... А теперь Жанна даже не смогла бы ответить себе с уверенностью, что такое Пульс. Цветок был приветливым, добрым, только постоянно чем-то встревоженным, и часто о чём-то мысленно переговаривался с заботливыми воспитателями, на которых Жанну обычно оставляли родители, а сами отправлялись гулять в лес. Жан-

на любовалась исполинскими фигурами своих старших друзей – они казались потоками радужных лучей, льющимися с неба, – но почти ничего не понимала в их таинственной мысленной речи, озарённой вспышками обрывочных видений. Жанна знала только несколько случайных фраз на этом наречии – альде – потому что родители не хотели, чтобы она училась родному языку, хотя сами между собой тоже не всегда разговаривали по-человечески... Теперь альде, похоже, превращался в мёртвый язык. Новое поколение вампиров – пробуждённые души, бывшие люди – в нём не нуждалось.

Первая рождённая кэлюме на земле, наследница непобедимой империи бессмертных, воспитанная в убеждении, что в этом мире можно всё, – Жанна могла бы ни в чём себе не отказывать. Но под «всем» подразумевались, по существу, грабежи, распутство, убийства и беспробудное пьянство. Если эта бессмысленная и, с точки зрения Жанны, прескучная гнусность была «всем» – тогда Жанне не хотелось «ничего». По счастью, с самого начала она видела мир как бы сквозь двойную перспективу, в преломлении. Земные тени долетали до неё неясно, неправдоподобно. С ранних лет перед её внутренним взором раскрывались совершенно другие картины: безымянный мир из прозрачного света и ясного пламени. Сперва она по наивности рассказывала о них всем и каждому, спрашивая, что за чудесные воздушные города и небесные реки она видит, но, заметив, в какое мрачное настроение её рассказы приводят отца, затихла. Она не пони-

мала, на что тут сердиться. Огненные видения были её единственной отрадой в сыром и грязном мире людей. Но Жанна ещё не понимала, что родители, занятые в основном собой, — не надёжная опора в жизни, и слушалась каждого взгляда.

Видения становились всё отчётливее, и Жанна, как смогла, сама объяснила их себе, втайне считая свои мечты своим истинным домом. Светлые небеса, в которые погружалась её душа, когда она оставалась одна, дарили ей чувство абсолютного покоя и бесконечной силы, проницавшей всё её существо, как лучи исполинского далёкого светила, и она словно бы сама растворялась в его блеске и плыла где-то высоко, высоко над землёй, созерцая всю вселенную, похожую на бездонный вихрь многих душ, многих жизней... Это чувство никак нельзя было сравнить с тем, что могла дать власть над безликими людьми в тусклом мире.

Жанна никогда даже не задумывалась о том, что к земной жизни можно относиться серьёзно, хоть сколько-нибудь ею дорожить. Она и не подозревала, что среди кровожадных кэлюме, охочих до жертв и экстравагантных развлечений, слывёт особой замкнутой и неприступной. Она знала только, что родители ею не слишком довольны — они рассчитывали, что она станет менее «рассеянной» после того, как её увезли от Пульса, и старалась быть послушной, хотя с годами накапливались вопросы. Что значили эти споры изначальных кэлюме вокруг Пульса, свидетельницей которых ей пришлось стать в детстве? Почему родители уехали? И, глав-

ное, как они собираются жить дальше?.. (Мысль о том, чтобы удовольствоваться псевдолюдским прозябанием, ей и в голову не приходила).

В кровавых охотах, которые любила мать, Жанна участвовала только для вида; просто выезжала вместе со всеми и, скрывшись от глаз сородичей, неспешно прогуливалась верхом по горному лесу, занятая своими мыслями. В играх с людвой она не находила ровным счётом ничего волнующего и, в частном порядке, придерживалась аскетического принципа: невозмутимо вводила жертву в транс и выпивала один-другой стакан крови, не более, – без душераздирающих сцен, без убийств, – хотя привычно наблюдала за хищными увеселениями других обитателей вампирского замка. Мать, которую раздражали её сдержанность и «бесчувственность», дразнила Жанну «мечтательницей» и уверяла, что эта особенность перешла к девушке от отца, от чего тот, впрочем, всегда решительно отрекся и был, в общем-то, прав: Жанна росла совершенно не похожей на родителей, и вообще ни на кого из сородичей. Её единственным другом и собеседником был Пульс – и хотя он не отвечал ей, она чувствовала отсвет его серебряных лепестков где-то там, глубоко под землёй – Жанна всегда обращалась к нему, уверенная, что он слышит, и надеясь, что он однажды он заговорит.

Она не винила своего мистического друга за молчание. Исполинский разумный цветок альрома питал жизненной энергией всех кэлюме, но родители Жанны сами предпочли

отдалиться от него и перестали помогать стражам, пытавшимся общаться с Пульсом. Как Жанне объяснили, некоторые изначальные верили, что альрома можно поднять в небо. Жанна поняла только, что с Пульсом было связано нечто прекрасное, но с ним случилось что-то непоправимое, а потом родители забрали её от Пульса и его ревнителей и перевезли сюда, в Чейте. Они считали, что среди людей жить лучше, хотя Жанна в глубине души с этим не соглашалась.

Отъехав от замка на приличное расстояние, она остановилась на берегу илистого, серебрившегося в свете луны озера и вспомнила о цветке.

«Доброе утро», – только и сказала она.

1

Полновластной хозяйкой вампирского замка была мать Жанны – Рада, герцогиня Островичи. Именно ей пришлось в голову присвоить людской дворянский титул и приобрести земли в собственность. Она же ввела традицию устраивать «охоту»: днём выпускать узников, томившихся в застенках замка, а после захода солнца отправляться за ними в погоню через лес. Жанна подозревала, что жертвы были для матери лишь предлогом, а основная прелесть мероприятия состояла в том, чтобы мчаться сквозь лес всю ночь, пока не падёт лошадь. Рада любила скорость, опасность и страсть. Жажда крови, запахи леса, грязь из-под лошадиных копыт и биение Пульса где-то под землёй сливались для неё в один безумный

круговорот, и единственный, кто наблюдал за этим спокойно, с нежной улыбкой на мертвенно-бледных губах, был отец Жанны, Дьёрдь. Рада как-то сказала ему, беззаботно расточая винно-красные отсветы дерзких взглядов: «Мне кажется, я бы даже хотела выехать на солнце. Бросить вызов. Вот с кем интересно было бы потягаться. И хотя бы я сгорела, всё равно».

Неудивительно, что даже преданные сторонники, те, кто последовал за Радой, оставив Пульс и других изначальных, чтобы жить среди людей, всё же считали свою повелительницу бешеной, безумной. «Отчаянная храбрость – это, может быть, и неплохо, – заметил как-то один из её многочисленных любовников, – но ведь она вообще не различает нормальную жизнь и опасность. Трудно назвать смелой душу, которая в принципе не понимает, что такое страх».

Муж Рады, Дьёрдь, был далёк от того, чтобы формулировать оценки, – он обожал её. Слушая вдохновенный план какой-нибудь очередной авантюры, он только покорно улыбался и почтительно целовал ей руку, хотя на лице его часто отражалось тайное страдание. Он мучительно боялся её потерять, и ещё больше – что она будет несчастна. Порой с башни замка он наблюдал за стремительно и бесцельно мечущейся по полям всадницей в багряном раздуваемом платье, и его ласковые глаза лучились никому не понятной радостью и тревогой. Рада часто уезжала на всю ночь в лес и возвращалась только на рассвете, когда стремительно бегущие

по краю неба сизые облака уже озарялись отсветом приближающегося светила.

– Я боюсь смотреть в её будущее, – как-то сказал он Жанне. – Я чувствую, что она будет очень одинока.

– Почему? – спросила Жанна. Отец пожал плечами. Потом мельком взглянул в небо – но Жанна заметила серебристый отсвет, появлявшийся в его глазах в минуты пророческого вдохновения. Он добавил отчуждённым тоном, словно думал в это время о чём-то другом:

– Мы все исчезнем. Мы ведь можем превратиться в людву.

– Правда?.. – изумилась Жанна.

– Да... Не сразу, конечно. Но постепенно память уйдёт. Мы просто забудем, кто мы. И даже не заметим этого.

Коварная перспектива смутила Жанну. Возможно ли, чтобы кэлюме, свет земли, стали настолько чуждыми сами себе?..

– А ты?.. – неуверенно возразила она. – Разве вы не вместе?

– У меня нет больше сил, – Дьёрдь грустно покачал головой, серебро его глаз угасло, и он устало прикрыл тяжёлые матовые веки. – Я ничего не хочу.

1

Именно тогда у Жанны зародилось стремление взять на себя ту ношу, о которой говорил отец, – разделить судьбу всей расы, спасти всех... Ведь не случайно же они, Остро-

вичи, считаются повелителями вампиров. На первый взгляд получалось, что Рада объявила себя госпожой над земными кэлюме из тщеславия, прельстившись роскошью и чувственными удовольствиями, но не намекнул ли отец, что её не так-то легко понять?.. Может быть, за всем происходящим есть какой-то скрытый смысл, своя, глубинная мудрость?

Жанна попыталась обратиться к прошлому, разобраться, кто она на самом деле... и первое, что вспоминалось, – раздражённый голос отца, который, проявляя в общем-то несвойственную ему требовательность и злобу, уводил её от непостижимых огненноликих исполинов со словами: «Не забивайте ей голову. Она этого никогда не увидит».

Но он ошибался. Жанна многое видела из того, о чём говорили изначальные, и знала, что всё это – правда. Её нынешняя жизнь казалась ей лишь мгновением, как пауза между двумя вздохами, и вот-вот она откроет глаза – и увидит море света, бесконечно глубокое, бездонное. Жанна чувствовала, что все кэлюме прибыли оттуда и все обязательно туда вернутся. Ссоры родственников поначалу казались совершенно беспредметными. Как можно говорить о каком-то падении? Ведь твоя небесная родина – у тебя внутри. И, что бы ни происходило вокруг тебя, достаточно обратиться к своей душе, – и ты снова вернёшься в царство высшей любви и неземного покоя.

Однако постепенно Жанна с прискорбием поняла, что никто её убеждений не разделяет. Она заметила, какое дей-

ствие оказывает на изначальных кровь тину и, главное, сам факт необходимости пить эту кровь. Их благородные души преисполнились презрения и отвращения к самим себе. Попытки Жанны объяснить, что самобичевание – отнюдь не признак смирения, что только с радостью принимая испытание, можно его преодолеть, успеха не имели. Может быть, именно в этом разгадка? Может быть, мама ушла от изначальных именно поэтому?

В доме хранилось несколько портретов Рады. Их все создал Дьёрдь – запечатлённые в камне кровью и альрома, очерченные неземными тенями фрески. С них мама смотрела такой, какой была внутренне, по существу: россыпью рдяных лучей, матовых, прозрачных, ярких, ясных... и всегда беспечных, всегда радостных. Она была похожа на зарю. Рассвет.

Но сквозь потоки алого света проступали и настораживающие черты. Жанна пристальнее всматривалась в блуждающую на пунцовых губах жадную, бездумную улыбку, в источающие дразнящий пламень властные тёмные глаза. Пышные распущенные кудри раздувались над неподвижными алебастровыми плечами, как ночной шторм. Всё просто: такой женщине хочется отдать жизнь. Дьёрдь запечатлел на своих картинах образ самой страсти и чувственности: стихийная сила, которая соблазняет и пугает, и разрушает, и остаётся всегда одинокой, и нет того, кто разделит бы это одиночество, кто научился бы любить ту, кого невозможно не желать.

А что, в таком случае, любовь? В чём смысл любви? Возможно, любить – значит чувствовать высшее предназначение души, скрытое даже от неё самой. Это и есть высшее чувство.

Жанна поняла, что запуталась. Всё это красиво звучало, но... Честно говоря, трудно было любить маму. Да она, такое впечатление, и не нуждалась в любви (хотя отец утверждал обратное). Она была такой взбалмошной, жестокой, эгоистичной... порой просто вульгарной. Иногда она казалась Жанне сборищем всех пороков под одной обольстительной оболочкой. Во всём, что Рада вытворяла, не просматривалось ни крупицы смысла.

1

Не далее как вчера она заявила такое, что даже Дьёрдь ей возразил, и у них чуть не вышла размолвка. Дождавшись, пока приближённые основательно напьются – Дьёрдь не пил – Рада (не настолько пьяная, как хотела казаться) ляпнула мимоходом: почему бы, дескать, не уничтожить Пульс? Он только «фонит». Раз он всё равно почти погас, пусть уходит в развоплощение, кэлюме и без него прекрасно справятся. Это он, а не Рада, вызывает брожение умов. Если бы не возня вокруг Пульса, все давно бы присоединились к Островичи и жили без забот.

Дьёрдь, услышав такое соображение, даже отшатнулся – возможно, оттого, что ему подобная мысль тоже приходила

в голову. Он никогда не скрывал, что веяние альрома для него мучительно.

– А... самому... Чалэ, ты показывала... эти свои... планы... – спросил он, опустив глаза.

Рада принуждённо улыбнулась.

– Нет, Дьёрке. Я давно уже ни с кем не делюсь своими мыслями просто так, – она помолчала. – Я научилась ставить телепатический заслон. Он и сейчас стоит. Здесь. – Дьёрдь опустил голову. – Я хотела сначала с тобой посоветоваться.

Дьёрдь вздохнул, потом отошёл к окну; Рада настороженно наблюдала за ним. Он неохотно поглядел в небо и покачал головой.

– Я вижу в твоём будущем страшные испытания, – без улыбки сообщил он, хотя Рада обычно посмеивалась над его предостережениями, называя их «сентиментальностью». – А в своём... – он запнулся, – ничего. Это значит: без тебя.

Рада рассмеялась.

– Дьёрке, ну ты уж определись, буду я или нет.

Он неопределённо посмотрел на неё, словно не видел.

– Ты станешь другой. Забудешь меня. Впрочем... – он вздохнул и отвернулся, – бессмысленно пытаться помешать тому, что предрешено. Такова твоя судьба. Ты не остановишься. И, может быть... так лучше.

связывавшую кэлюме с миром света. Жанна не смогла ни понять этого, ни простить, но о ней и не вспоминали.

Дальнейшие события развивались с абсурдной неумолимостью, словно сами собой. Рада ввязалась в войну против других изначальных. Дьёрдь сделал вид, что его всё устраивает, и как будто чего-то ждал. Жанне просто не верилось, что всё это всерьёз. Да и потом, она надеялась, что гордые стражи светлого цветка, огненноликие ангелы, памятные ей с детства, сумеют за себя постоять и как-нибудь оградят Пульс от ребяческого, бессмысленного, самоубийственного, в сущности, изуверства... Под началом Рады служили в основном пробуждённые, неопытные души. Жанна стыдилась возражать, когда Рада с легкомысленным смехом хвасталась, что ей удалось «кое-кого там убить», но однажды мама дошла до того, что привезла в Чейте взятого в плен раненого изначального, чтобы наглядно продемонстрировать подчинённым «ещё какую смертность» стражей. Она созвала во двор всё население замка и подробно разъяснила сомневающимся в успехе кампании, что всего-то и надо – покрошить светимость серебром, вбить в сердце кол и отрезать голову. Дьёрдь наблюдал за триумфом возлюбленной, зажав себе руками рот. Приговорённый озирался на столпившихся вокруг любопытных, испуганных, беспощадно-молчаливых сородичей, как будто не узнавал.

Видимо, впечатление от бесчинств Рады отозвалось далеко за пределами крепостных стен. После очередной стычки

в Чейте вернулась роковая новость: изначально заманили Раду в ловушку и убили. До сих пор они поступали со своими врагами рыцарски, лишь отбивая их атаки, к потерям в Чейте не привыкли, нахально объясняя свою безнаказанность превосходством в силе, а не ущербностью во всём остальном. Однако, осуждая мать, Жанна ни на мгновение не задумывалась, каким кошмаром станет жизнь изгнанников, отрёкшихся от Пульса, без неё, без её беспечного, самоуверенного смеха, словно обещавшего, что всё закончится хорошо, что они просто играют...

Дьёрдь узнал о смерти Рады прежде других и, видимо, ещё до того, как она погибла. Он долго не выходил из своих покоев, и никто не осмеливался его тревожить. А когда вышел, это был уже совершенно другой человек. Жанна предполагала, что смириться с утратой ему будет нелегко, но когда увидела его, поняла, что потеряла не только мать, но и отца, и лучше бы он умер. От его прежней личности не осталось ничего, но самое главное – он стал похож на Раду, словно все её пороки перешли к нему. У него появились похожие жесты, похожие интонации в разговоре. А в те моменты, когда переставал быть «Радой», Дьёрдь превращался в тёмного двойника себя самого.

Он стал вспыльчивым, хитрым, мстительным, капризным и неправдоподобно жестоким. Новый повелитель Чейте быстро показал, что способен собственноручно убить любого из сородичей, кто как-то неправильно на него посмот-

рел, или сказал что-то не то, или вспомнил о чём-то лишнем, а лучшее применение для людвы – это готовить из них ванны и купаться в их крови. Выяснилось, что Дьёрдь отлично знает – словно специально следил – все тайные связи, все слабости, все секреты подчинённых – даже будущие – и не замедлит пустить это знание в ход, если будет в плохом настроении – а в плохом настроении он бывал теперь часто. Атмосфера всеобщего страха и недоверия, воцарившаяся в замке в считанные дни после смерти Рады, не шла ни в какое сравнение с прежним легкомысленным и беспечным существованием.

В то же время с головокружительной скоростью выросла мощь вампирского клана. Извращённое сознание Дьёрдя без остановки извергало теперь одну дьявольскую интригу за другой, как кошмарные сны, и в несколько лет вампиры проникли в людские тайные общества, аристократические дворы, церковь; на окружающих Чейте землях началась полная анархия, а от изначальных не осталось почти никого. Пульс отгородился непроницаемым покровом и исчез.

До сих пор путь развития, избранный расой, казался Жанне каким-то недоразумением. Она привыкла оставаться в стороне, скромная роль чудаковатой дочери всемогущих повелителей её устраивала. Теперь Жанна поняла, что придётся действовать против отца. После смерти Рады самой страшной угрозой расе оказался не кто-нибудь, а именно он. Жанна попыталась нащупать Пульс, но он был закрыт

и не отвечал. В глубине души она почему-то верила, что где-то здесь, рядом, идёт другая, настоящая жизнь, просто её не видно. А между тем небытие подбиралось ближе и уже грозило поглотить, одного за другим, всех кэлюме, и Жанну с её несбывшимися мечтами... Пора было признать правду: безрадостные будни, сбитые гвоздями корыстных забот, вражды и непонятных Жанне страстей, всё равно коснутся её, как бы она ни скрывалась. Жанна поняла, что земной мир нужно пережитрить. Притвориться, что ты в нём есть, а на самом деле тебя нет.

1

Жанна попыталась возродить хоть что-нибудь из мудрости изначальных. Она знала, что в древности кэлюме обладали огромными знаниями, но за последний век деградация расы достигла карикатурных форм: некоторые кэлюме опустились по своим духовным запросам ниже людей. Нередко встречались вампиры, которые даже не слышали об изначальных и нимало не интересовались ни происхождением расы, ни своим предназначением на земле. «Естественным» теперь считалось убеждение, что жизнь даётся душе для того, чтобы украсть как можно больше вещей, как можно больше помыкать людьми и как можно больше заниматься сексом. Жанна не удивилась бы, если бы обронённый мимоходом каприз Рады однажды осуществился и кэлюме настолько сравнялись бы с людьми телом и духом, что солнечные лучи

перестали бы им вредить.

Жанна знала, что когда-то, ещё до её рождения, Дьёрдь занимался вопросами трансмутации земного вещества, но сейчас к нему нечего было и пытаться подступиться с разговорами на эту тему. Зато достойные внимания личности попадались среди смертных. Жанна едва поверила в свою удачу, случайно разыскав нужную информацию у людвы. Порывшись в близлежащем человечестве, она обнаружила и лабораторные опыты, и специальные трактаты. Тину называли это «алхимией».

Жанна заинтересовалась и тоже начала опыты. В одном из подвалов замка она оборудовала лабораторию, где никто не нарушал её уединения – сородичи были слишком заняты увеселениями, не прекращавшимися круглые сутки. Жанна же почувствовала, что нашла, где не ожидала, то, что отчаялась извлечь из куда-то спрятавшегося Пульса и окончательно свихнувшегося отца. Причудливые метафоры и рисунки в алхимических книгах не составляли тайны для интуиции высокоразвитого существа; они напоминали гармоничную речь растерянных, печальных ангелов, оставшихся в далёком детстве, на угасающем дне воспоминаний... Именно так изначальные говорили о полёте альрома, о нежгучем серебре, о высшей любви – эспальдо, что значит «истинная близость», перетекание одних энергий в другие... Где они сейчас – её прекрасные призрачные учителя?... Впрочем, Жанна твёрдо отдавала себе отчёт: изначальные, даже если

кому-то из них удалось выжить, вряд ли стали бы надёжными помощниками. Они сами себе не смогли помочь. А вот люди – более закалённый материал. И, похоже, своими силами достигли кое-каких ценных знаний. По-видимому, истинная мудрость всё же не исчезает бесследно, даже если кто-то её временно забыл.

Насколько Жанна поняла, суть того, что предлагалось в «алхимии», состояла в трансмутации души. Как происходит превращение вещества – так же должно происходить и превращение личности. Например, вода: если непрерывно нагревать глыбу льда, она растает, закипит и испарится. Точно так же и душа, если охвачена непрерывным горением – стремлением к высшей цели – из холодной и застывшей превратится в текучую, изменчивую, бурную, а потом станет легче воздуха, поднимется ввысь, воспарит... И, возможно, вернётся вновь на землю, чтобы повторить весь круг сначала?

Аналогичные трансформы происходили со всеми веществами в недрах земли, вопрос заключался только во времени: за миллионы лет уголь превращался в алмаз, и не потому ли драгоценные минералы ценились так высоко, что в их душе хранилась память тысячелетий?

В «алхимии» работа души уподоблялась «превращению свинца в золото». А «философский камень», дарующий бесконечное изобилие и вечную молодость, был ничем иным, как бессмертной частью личности, истинным «Я».

Изучение «алхимии» позволило Жанне понять ошибку, совершённую отцом, да и другими изначально. Они искали спасительную духовную субстанцию где-то извне. Например, Дьёрдь пытался получить люмэ из минералов. Остроумная затея, но для преобразования требовалось кое-что посерьёзнее. «Алхимики» связывали процессы синтеза новых химических элементов с использованием внутренней творческой энергии личности, с эволюцией сознания. Именно поэтому они называли свои опыты «Великим делом».

Наблюдая за самоотверженными монахами-учёными, Жанна прониклась симпатией к людям. Некоторых «коллег» она даже навещала в открытую. «Алхимики» искренне считали призрачное видение своей «мистической сестрой», ведущей их по пути духовного посвящения, хотя в действительности Жанна понимала не больше их, да и перспектива неожиданно вляпаться где-нибудь в серебро немного нервировала. Одно Жанна поняла определённо: всё, что касалось земных минеральных веществ, для кэлюме не подходило, учитывая разницу в восприятии стихий – к примеру, земной «огонь» вампиры не чувствовали, а земное «серебро» действовало как «огонь»... Предстояло изобретать новую, предназначенную для другой расы «алхимию», подключив неизвестный людям, но жизненно важный для кэлюме фактор – альрома. Однако Жанна уловила самую суть метода и решила, что если ей суждено когда-нибудь собрать вокруг себя сторонников, то она организует сородичей в такой же,

как у «алхимиков», закрытый орден посвящённых – специалистов по превращению собственной души.

1

Благодаря в принципе более развитым, чем у людей, духовным силам и природным способностям Жанна быстро достигла значительных успехов и, в частности, действительно научилась не только изменять химический состав любого вещества, но и просто материализовывать вещи из воздуха. Увлёкшись изысканиями, она не учла, что её манипуляции вряд ли ускользнут от Дьёрдя, и забыла, какую опасность представляет отец. Он вроде бы не интересовался её жизнью, дни и ночи проводя в беспробудном пьянстве в гигантском подземном зале, где даже со стен лилось вино. Однако Жанне пришлось пожалеть о своей неосмотрительности, когда однажды за ужином ей любезно подали расчленённый труп одного из её невольных, но старательных сотрудников, талантливого учёного-францисканца. Жанна в замешательстве подняла глаза – отец смотрел на неё и издевательской улыбкой.

– Попробуй, – насмешливо посоветовал он. – У людвы душа находится в крови. Так ты даже лучше с ним сработаешься.

Жанна поднялась и, хотя обычно веля себя очень сдержанно, даже холодно, в этот раз в бешенстве сказала первое, что пришло в голову:

– Берегись, отец. Как бы тебе самому не занять его место. Я тоже умею резать на куски.

Дьёрдь смотрел на неё с неопределённым выражением, но без раскаяния: скорее, он был похож на человека, которому предложили новую, занимательную игру, и вот он пытается понять правила. Потом его мраморно-бледные губы снова сложились в характерную для него злую, вызывающую улыбку.

– Буду только рад, – обронил он.

Жанна поразмыслила и с высоко поднятой головой царственно опустилась на место.

– Отнесите это в мои покои, – повелительно сказала она слугам, указав на «блюдо». Для знакомого смертного она решила сделать исключение и предать бранные останки земле, как полагается у людей. Дьёрдь уловил эту её мысль и взглянул на неё с любопытством. «Повернись ко мне всем своим сердцем и не отталкивай меня из-за моей черноты, потому что солнце изменило мой цвет, а вода покрыла моё лицо и земля загрязнилась от трудов моих», – мысленно процитировала она ему один из алхимических трактатов, непринуждённо попивая люмэ из кубка; Дьёрдь, кажется, ни слова не понял и отвернулся.

1

Пикировка закончилась настороженным нейтралитетом. Жанна подумывала о том, чтобы устроить небольшое по-

казательное выступление – побивать, например, с пленников цепи, а на обитателей замка наслать временный паралич и посмотреть, как палачам и жертвам понравится обмен ролями – тоже в своём роде круговорот вещества – но решила выждать. Дьёрдь, со своей стороны, видимо, прошёл через похожее искушение и остановился на аналогичном выборе. Обоим ясно было, что история их разногласий всё равно получит неприятное продолжение.

Жанна перешла к экспериментам с альрома. Здесь ейгодились и отцовские разработки по кристаллам; в глубине души она восхищалась изобретательностью его гения, глубокого, пусть и безвозвратно померкшего, и сожалела о том, что такой блестящий ум оказался недостоин себя самого. «Алхимия альрома» раскрывала новые горизонты в плане владения сознанием вообще. Опыты подвели Жанну к революционному предположению: отпечатки альрома в кристаллах – это и есть фрагменты чужой памяти. Коллективная память расы существует вовне. И она многомерна во времени. Если её потоки подвергнуть целенаправленному воздействию, они станут превращаться, как свинец – в золото. Власть прошлого начнёт ослабевать, и откроется будущее. Жанна пришла к убеждению, что подняться над духовной нищетой их нынешнего существования можно только через очищение общей памяти.

Она принялась экспериментировать, пытаясь уловить в окружающих потоках альрома отблески чужих сознаний,

всматриваться в них; порой возникало ощущение, что её личность исчезает, что она может не вернуться. От глубоких погружений в совершенно чуждые здешним условиям энергии у неё так изменялась температура тела, что по возвращении в физический мир ей случалось превратиться в нечто наподобие ледяной статуи или, наоборот, найти всю комнату обгоревшей; иногда после опытов она лежала в бреду или чувствовала себя совершенно разбитой... Потоки альрома подвергали равновесие сознания серьёзному испытанию – как горный водопад, обрушившийся на голову – но Жанна добивалась контроля над движениями своей души, опираясь на свойства минералов. То фокусируя, то рассеивая внимание в кристалле, как луч, она училась замедлять и ускорять ход времени и однажды увидела странный сон.

0

Я спускался по узкой тёмной лестнице, сдавленной между сырых стен. Рассеянный свет дотягивался откуда-то сверху, но туда нельзя было вернуться. Наконец лестница вышла в пустой больничный коридор с выбеленными стенами, будничной скамейкой и рядами одинаковых дверей. Это был нижний этаж больницы, на котором держали только тех, кто никогда отсюда не выйдет. И я знал, что Рада заражена, и вылечить её невозможно, поэтому нужно убить, чтобы другие не заразились, а иначе она всё равно умрёт, и вообще она уже не та, что прежде. И я пришёл, только чтобы с ней по-

прощаться, но когда увидел её в палате, понял, что она совершенно здорова. Мне сказали, что она ничего не понимает и что ей не будет больно, но она сидела на кровати и смотрела по сторонам совершенно ясным, спокойным взглядом, и улыбнулась мне такой приветливой, беспечной улыбкой. Я просто глазам поверить не мог и неуверенно подошёл к ней, упрямо ища на её лице следы безумия, но их не было.

– Послушай, ты что, здорова? – с ужасом спросил я. Она ласково поглядела на меня и ничего не ответила.

– Но ведь они же тебя убьют, – через силу проговорил я, подумав, что, может, она ещё не знает, но по её лицу было понятно, что она отлично знает и всё, что я хочу сказать, и всё, что они собираются сделать, и ещё больше. Но я всё равно не мог понять, как она может быть такой спокойной и зачем вообще нужен этот абсурд, и почему она оставляет меня одного.

Тут в комнату вошли врачи, уложили её на каталку, пристегнули зачем-то эластичными ремнями, хотя очевидно было, что она вовсе не сопротивляется, и куда-то повезли. Я просто не мог поверить, что всё так и будет продолжаться.

– Да скажи ты им, что ты нормальна! – взмолился я, вцепившись в каталку с краю, но она молчала и словно бы думала о чём-то своём. У меня было такое чувство, как будто меня здесь вообще нет. Ну, допустим, она почему-то не против умереть, но как они могут волочь на смерть совершенно невинного человека? Откуда у них такая уверенность,

что это нужно сделать?.. Я беспомощно оглянулся на врачей и понял, что их не остановить, они вообще ничего не слышат, а Рада слышит, но не отвечает. И, наверное, лучше было дать им уйти, заставить себя принять всё это, но я начал орать, как ненормальный, цепляться за каталку, за стены, за врачей, пытаюсь заставить их не то что остановиться, но хоть взглянуть на меня. В жизни никогда так не кричал и никого ни о чём так не просил, но никто даже не оглянулся. Они все ушли от меня один за другим, и она ушла вместе с ними.

1

Жанна пришла в себя с таким ужасным чувством, словно действительно кричала без остановки. Горло распухло, ресницы слиплись от слёз, мышцы ныли, как будто она в самом деле пыталась остановить бесконечно идущую мимо толпу. Но, как говорится: «ora et labora». Тяпнув стаканчик люмэ для поддержания сил и умывшись, Жанна принялась размышлять.

Она почти не сомневалась, что видела смерть матери глазами отца. И что эта сцена существует сама, независимо от того, участвует в ней в данный момент кто-то или нет. Она могла прокручиваться раз за разом, нимало не изменяясь, как испорченная пластинка. Таково свойство альрома. Возможно, Дьёрдь даже не видел этот сон и никогда не увидит. Неизвестно, что именно он видел перед тем, как сошёл с ума. Но чтобы освободиться от этих энергий, нужно про-

жить каждое воспоминание, с ними связанное.

И Жанна снова принялась за поиски. Смотреть кошмары не хотелось, но она найдёт способ с ними справиться.

0

Я сидел возле постели Рады в комнате, которая, наверное, считалась уютной, но мне казалась душной: без окон, с золочёными стенами, лепниной на потолке и пушистым ковром на полу. Вокруг тяжёлой дубовой кровати с тёмным пологом стояло множество оплывших белых свечей, особенно у изголовья, как вокруг покойницы, Рада была одета в белый погребальный наряд, но только она была жива. Лицо её казалось усталым и растерянным, и вообще она побледнела и похудела, хотя по-прежнему выглядела спокойной. Когда я вошёл, она посмотрела на меня как будто с вопросом, словно ожидала, что я ей объясню, что происходит. Я без сил опустился в кресло возле кровати, хотел что-то сказать и так и зарыдал, опустив голову на руки. Мне казалось, у меня больше нет никого на всём свете. А потом я вдруг понял, что это просто невозможно, чтобы мы расстались. Что я верну её хоть из-под земли. Неважно, что такое на самом деле смерть, для меня её больше не было. Я просто почувствовал это в своей душе. Для меня она никогда не умрёт. Мы вечно будем вместе.

– Я не отпущу тебя. Ты никуда не уйдёшь, – сказал я. Она посмотрела на меня с робкой улыбкой и протянула руку, бо-

лезненно-прозрачную, казавшуюся невесомой.

– Я буду приходить к тебе, – сказала она словно издалека. – Прощай, – она страдальчески улыбнулась, и вдруг красный свет потёк по комнате, как кровавая река, и её образ растворился, растаял, а красная тьма стала сворачиваться, сгущаться и...

1.

...у Жанны возникло странное чувство, которого она не знала прежде. У рождённых кэлюме в принципе отсутствовало обоняние, они не знали запахов. Первый и единственный раз в жизни Жанна ощутила вязкую, удушливую волну – густой запах крови.

1

Пересекая на следующий день многолюдный общий зал, Жанна предпочла бы твёрже стоять на ногах. Впрочем, нельзя же вечно отсиживаться в подвале. Плюхнувшись на своё место, она с опозданием заметила, какой у Дьёрдя измученный вид – словно его всю ночь резали на куски, и по его злобному взгляду Жанна поняла, что ей предстоит неприятный разговор, который не заставил себя ждать.

– Какого чёрта ты лазаешь по альрома? – без предисловий рявкнул отец, едва войдя в её комнату, куда Жанна поднялась после завтрака, нимало не сомневаясь, что Дьёрдь последует за ней. Очевидно, её духовные успехи от него

не укрылись; всё-таки он был изначальным.

Жанна устало откинулась на жёсткую спинку неудобного кресла.

– А какого чёрта ты этого не делаешь? – со скукой поинтересовалась она. Жанна отдавала себе отчёт в том, что опыт и силы отца были огромны, и в глубине души жалела, что он оказался не в состоянии продолжать борьбу. С ним работа пошла бы лучше. Дьёрдь понял её ответ в том смысле, что она рассчитывает на успех в деле, с которым он сам не справился, и злобно усмехнулся.

– Много о себе понимаешь, – возразил он. Жанна прикрыла глаза.

– Будем считать это моей маленькой слабостью, – ровным голосом предложила она. – Кто-то пьёт сутки напролёт, кто-то занимается сексом со всеми своими слугами, кто-то завёл себе гарем – очевидно, от бессмертной тоски по безвременно почившей жене – ну а кто-то, от нечего делать, лазает по альрома.

Даже с закрытыми глазами Жанна чувствовала, как Дьёрдь в бессильной ненависти жжёт её взглядом, сжимая и разжимая кулаки. Грустно, в глубине души она понимала его, но его вечно недовольный, наглый тон просто не оставлял места для сочувствия. Быть снисходительной с ним никак не получалось. Жанна вспомнила мать – жадную до впечатлений, беспечную. Та тоже никого кругом себя не замечала. Да, они были достойны друг друга. Будь Рада жива, с ней

тоже пришлось бы разговаривать, как с глухонемой.

– Я... запрещаю тебе... – выплюнул наконец Дьёрдь, словно ядом подавился, – так говорить со мной, и... тем более... лезть мне в душу...

Жанна открыла глаза и холодно посмотрела на него. Потом поднялась – он отступил, словно ожидал, что она сейчас бросится на него.

– Отец, твоё притворство – безрассудство, – терпеливо пояснила она. – Раны, нанесённые общему сознанию, должны быть залечены, иначе дальше будет ещё хуже. Я подозреваю, что раса имеет коллективную душу. Я младше тебя, и то успела заметить, как мы деградируем. Какое-то происходит... я не знаю... дробление, измельчение... – увлекшись, Жанна прошлась по комнате. – Каждое следующее поколение слабее предыдущего. Ты же знаешь, мы такими не были. Мне кажется, что этот мир чужой для нас, что мы здесь случайно... – Жанна умоляюще обернулась к отцу, который смотрел на неё, как на привидение. – Расскажи мне, что тебе известно об альрома? О чём вы тогда спорили... насчёт Пульса?..

При её последних неуверенных словах его лицо побледнело так, что казалось, дальше уже невозможно, и окончательно превратилось в бездушную маску.

– Ничего подобного не было, – провозгласил он с такой торжественностью, словно играл на сцене, и поднял к небу абсолютно безумный взгляд. – Кэлюме всегда жили на этой

земле. Никто ничего не знает. Пульс, изначальные – это глупые побасенки, на которые не стоит тратить время. Что касается тебя, дочка, – он перевёл на неё ненавидящий взгляд, – ты с детства страдала галлюцинациями.

На мгновение Жанна засомневалась; он говорил так убедительно. Но потом она почувствовала, что он сочиняет всё это из страха и отчаяния.

– Это неправда, отец, – тихо сказала она. Дьёрдь надменно усмехнулся.

– Это не та правда, которая устраивает тебя, – возразил он. – Ты ведь у нас умненькая, ты уже поняла, что в нашей вероятностной вселенной всё относительно?

Про себя Жанна выразила противнику почтение. Всё-таки Дьёрдь – мастер психологической игры, хоть и кажется порой опустившимся до последнего скотства. А может – мелькнула новая мысль – он только притворяется сумасшедшим?

– То есть тебя текущий вариант устраивает? – вздохнула она и обвела комнату рукой.

– Я уверен, что ничего изменить нельзя, – заявил Дьёрдь с таким самодовольством, словно речь шла о его личной службе.

– Тогда не лезь, – прозаически предложила Жанна. Дьёрдь посмотрел на неё, как на безнадежно больную, и направился к выходу.

– Пульс надо было уничтожить с самого начала, – неопределённым тоном заметил он уже за дверью, и Жанна поняла

его ответ в том смысле, что близка к успеху.

2

Я шёл по улице глядя в пяточок асфальта под ногами и раздумывал не лучше ли снять номер в мотеле чем возвращаться домой, правда мысли немного путались потому что я был малость под кайфом. Да и денег кажется не было, во всяком случае недостаточно. Я решил пойти домой потому что вдруг мне позвонил бы Нил, хотя мне казалось что если я ещё раз увижу родителей я кого-нибудь убью. Строго говоря они жалеют что взяли меня я им не родной сын, но раз это такая проблема тогда нечего было и брать. А я вообще не помню своего детства, вроде родители у меня сгорели или что-то в этом роде. Так говорят а я сам не знаю. Мы живём в Бухаресте в старинном доме, в котором от бывшего величия осталась просторная мраморная лестница почти стоптанная простолюдинами вроде нас, а залы поделены на соты маленьких клетушек, в которых обитает всяческое отребье в том числе мы. Я позвонил в дверь и мне даже открыли, мачеха была заплаканная и сразу ушла. Честно говоря плохо помню, когда я в последний раз был дома. Отчим наверно пьяный спал, потому что меня так никто и не ударил, но тут зазвонил телефон и я ушёл к себе.

Не знаю, может если бы я был не под кайфом и мог несколько более связно выразить свою мысль, Нил не сказал бы, что уезжает. В общем-то я знал что он приехал сюда

только на время школьных каникул, просто мне казалось что у нас бессмертная любовь. Конечно характер у меня не сахар, и я бывает могу поломать что-нибудь из вещей, но это потому что мне не хватает слов. Сейчас я понял что всё это время скорее идеализировал Нила он был как бы из другого мира, наверное потому что вырос в более благополучной семье, то есть в некоей семье по крайней мере. Конечно, глупо было надеяться, что он заберёт меня куда-то я честно говоря не знаю где он жил, но мне представлялось что-то светлое, хотя я конечно никогда не обсуждал это с ним. Короче в итоге так получилось, что я молча повесил трубку.

Свет в комнате я не включал и почти ничего не видел. За окном в облаке электрического света горели: сначала верёвки с постельным бельём, потом плавный изгиб крыши, а дальше – высокое ночное небо, совсем прозрачное в сравнении с тем, что близко. И будь я проклят, если на верёвках не висели две простыни: красная и белая. Они раздувались на ветру, и по ним скользили влажные блики уличных фонарей, яркие и одновременно нежные. Я лёг на кушетку под окном, стряхнув с неё какой-то хлам, и кажется что-то разбилось. Вообще я думаю, что окно это скорее угол, хотя как посмотреть.

0.

Ему снилось, что посреди долины течёт глубокая, светлая река. А на дне реки стоит неподъёмная железная ржавая ван-

на. И поэтому нельзя нырять. Но даже если плывёшь осторожно, всё равно скорее всего ударишься о покатую железную стенку, или заденешь громоздкий чугунный кран с фигурными вентилями, или порежешься обрезком почерневшей водопроводной трубы. Почти никто не мог переплыть реку, не поранившись об ванну. Он сопротивлялся быстрым волнам, стараясь держаться подальше от ванны, и самым странным ему казалось, что все делали вид, будто так и должно быть. Ему не хватало простора и глубины.

1

Жанна открыла глаза и не сразу сообразила, где находится. Потом она всё же поняла, что представшее ей видение хоть и было пережито ею, как настоящее, осталось, по-видимому, в какой-то другой эпохе и цивилизации. Некоторое время она размышляла над причудливым внутренним состоянием молодого человека, чей поток сознания удалось уловить. Она задавалась вопросом: не было ли всё это каким-то символом? Могла ли полученная информация пригодиться в дальнейших исследованиях? Так, например, юноша определённо находился под действием наркотических веществ. Не было ли именно это причиной контакта? Жанна предполагала, что на сознание расы можно выйти с помощью альрома, но так и не поняла, был ли обнаруженный ею молодой человек кэлюме... похоже, что не был. Получается, она проводит опыты наугад? Что, если альрома тут вообще ни при

чём?..

Жанна с сомнением перевела взгляд на кристаллы, разбросанные по столу, и решила с целью получения новой информации повторить ровно тот же самый опыт, что и в первый раз, и проверить, изменится ли что-нибудь и что.

0

Мне снилось, что я в большой круглой башне, и скоро меня должны казнить, это уже решено. Впрочем я давно ждала в этой башне приговора и знала, что казнь – лишь вопрос времени. В башне была только одна комната, на самом верху, и в ней только одно окно, очень маленькое и узкое. Из него я видела начало дороги, спускавшейся куда-то под гору, и цветущие деревья.

Перед казнью мне разрешили погулять возле башни. Я спустилась по винтовой лестнице вниз и увидела небольшой двор, а во дворе ждал могучий чёрный конь, мышцы которого бугрились, как стальные, под мягкой бархатной кожей, отливавшей серебром. И я подумала, что раз меня в любом случае убьют, то не всё ли равно, если я немножко сбегу напоследок. Хотя я знала, что мне обязательно помешают уехать, я прыгнула на коня, и мы полетели вниз по извилистой горной тропе. Честно говоря, не знаю, как мне удавалось уклоняться от низко нависших ветвей, а коню – поворачивать на крутых склонах; помню только, что несущаяся мне навстречу тёмная зелень и каменистая дорога доставля-

ли мне огромную радость, ведь я наконец-то дышала полной грудью. Тут перед нами открылась влажная цветущая долина, а в ней – шумная река, и мы с разбегу въехали в воду, подняв тучу брызг. В жизни так не смеялась, не чувствовала себя так легко. Я поняла, как мне ужасно не хватало движения и света.

2.

Проснувшись, Лили уже не помнила свой сон; осталось только ощущение свежести и полёта. Впрочем, ей некогда было сентиментальничать: весь день загружен до отказа. Просмотреть светскую хронику и журналы мод; обзвонить подруг; не меньше четырёх часов придётся провести в салоне красоты, а там уже и до ночи недалеко, учитывая, что сейчас полдень. Выложив себе на тарелку в качестве завтрака пару консервированных персиков (больше ничего в холодильнике не нашлось), Лили глубоко задумалась над тем, какую из лондонских дискотек имеет смысл посетить сегодня. Брайен наверняка снова потащит её в «Атмосферу», и публика там правда собиралась любопытная, но для зрелищности заливали танцпол пеной, и вся одежда пропитывалась жутким синтетическим запахом – в последний раз после свидания с Брайеном платье пришлось просто выбросить, тем более что оно было ещё к тому же порвано. Существовала ещё Саманта, которая давно предлагала собраться большой компанией и просто покататься по ночным улицам... попро-

бовать один спецнапиток в винном баре, другой – в пабе... Саманта – отличная девчонка, наследница одной из богатейших семей Пятой республики, они с Лили вместе учились в колледже. Совсем не зануда, вот если бы только её мобильный телефон умолкал хоть иногда. Да и среди друзей у неё попадались довольно странные личности: как-то раз Лили угораздило оказаться за одним столом с нежнейшей, как цветок, девушкой, которая весь вечер в подробностях рассказывала про свой аборт...

2

...не знаю, как меня не вырвало прямо в тарелку с шоколадным фондю. Кстати говоря, мои родители скептически воспринимают моё увлечение активной клубной жизнью и считают, что неплохо бы мне получить какую-нибудь профессию. Иногда я с ними даже соглашаюсь, особенно наутро, после бурной вечеринки. Но если, например, известно, что в том или ином заведении видели принцессу Элис, для меня это очень весомый повод выйти в свет. Леди Элис для меня – икона стиля, я могу часами обсуждать, во что она одета, её причёску и макияж, и уж тем более её нового мужа – молодой грек, ослепительный зеленоглазый красавец – они недавно вернулись из свадебного путешествия, но вместе я их ещё нигде не видела... что показывает, как я порой бываю далека от светской жизни! Честно говоря, всем лондонским дискотекам я предпочитаю вечеринки в пальмовых

рощах Гоа!

Родители у меня – довольно продвинутые люди, совсем не зануды. Хотя на самом деле я приёмная дочь. Но своих у них нет, так что они не скупаются и терпят все мои капризы почти безропотно. Считается, что у меня травмирована психика, так как мои настоящие родители погибли при довольно странных обстоятельствах. Я считаю, что это дело прошлое, но миф о «личной трагедии» развенчивать не тороплюсь, ведь он позволяет мне получать от приёмных предков всё, что я захочу. Кстати говоря, вчера...

2.

...она видела ту самую красную сумку из кожи питона с розой ручной работы на лицевой стороне, о которой читала в «Вог», и так и не поняла, чем кроме цвета и металлического планшета эта «лимитированная серия» отличается от сумок из весенней коллекции. Обсудив новость по телефону с подругами, Лили так и не пришла к окончательному решению: имеет ли смысл покупать сумку? – и безнадёжно опоздала на сеанс талассотерапии, как вдруг позвонил Брайен и пригласил её в «Атмосферу» – Лили просто...

2.

...поверить не могла, что его туда пустят! Этот клуб, кажется, был самым модным местом Лондона, туда вечно стояло три очереди. Одна для тех, кто точно не попадёт, дру-

гая для тех, кто по спискам, и третья – для знаменитостей и звёзд первой величины... Оказалось, Брайен как-то исхитрился получить членство, и я согласилась, потому что...

2.

...Джессика уже обзавелась ухудшенной версией белоснежного норкового манти, в котором я блистала на вечеринке в субботу – все только на меня и смотрели. Танцевать в шубке, правда, было жарковато, так что пришлось её снять, и я осталась в облегающем пурпуровом платье с вырезом сзади до талии – в сочетании с гладкой высокой причёской и диадемой Chopard это выглядело потрясающе! Джессечно пытается мне подражать и покупает такие же вещи, как у меня, – вот только внешние данные у нас настолько разные, что мой стиль ей совершенно не идёт. Я выгляжу, как настоящая английская аристократка: высокий рост, худощавая фигура, светлые волосы и гладкая розовая кожа, – хотя я родилась в Венгрии. Но с моими настоящими родителями мы жили где-то в глуши, чуть ли не посреди леса, и я толком ничего не помню об этой стране, кроме...

2.

...глубокая ночь. Когда отец вернулся, то стал уговаривать маму переехать, но она была не в себе. Они снова заспорили, а Лили с братом закрылись в детской и стали обсуждать, есть на их семье проклятие или нет. Десятилет-

ним близнецам такие вещи казались ужасно захватывающими, и хотелось, чтобы проклятие было. Мама говорила что-то интригующее во время припадков, но отец запрещал им слушать её. Так или иначе, родители никогда не выходили на улицу до наступления темноты, а днём закрывались в подвале. Мама часто плакала и говорила, что «из-за этого» погибли её родители, и если проклятие не остановить, то оно перекинется на детей. Но она к тому же рассказывала о каких-то голосах, видениях из других жизней и вообще вела себя странно, так что близнецы порой склонны были согласиться с отцом в том, что она просто повредила умом, особенно после того, как пришлось провести несколько дней с ней наедине, потому что...

2.

...поверить не могу! Леди Элис в пятый раз вышла замуж! Я так и бросилась к газетному ларьку, совсем забыв, что мне срочно нужно купить ещё одни туфли. Да, точно... Свадьба состоялась на родине жениха, в Греции... Я принялась жадно листать страницы журнала, на обложке которого красовалась фотография принцессы... Туфли Louboutin, украшения Tiffany Feathers, часы Chanel J12, костюмы Lacroix, Valentino, Chanel... похоже, там был весь цвет общества! Жених хорошо смотрелся в светлом костюме, красиво оттенявшем его смуглую кожу – принцессе этот мужчина определённо идёт... то есть подходит... что, в общем-то, одно

и то же. Зажав журнал в руке, я торопливо зашагала по Оксфорд-стрит, почти не глядя на витрины. Боже, надо срочно позвонить Саманте – вдруг она...

2.

...так и не поняла, ни что отец убит, ни кто в кого стрелял. Просто в доме вдруг оказалось сразу очень много людей. Куда делся брат, Лили не заметила, а её саму схватили и потащили...

2.

...не говоря уже об этой великолепной норке. Едва взглянув на витрину, я уже знала, что манто идеально подойдёт к тому пурпурному платью с вырезом на спине, которое я заказала Elie Saab. Интересно сочетать вещи, сделанные знакомыми дизайнерами специально для тебя, с вещами, которые подвернулись под руку. Ведь модные журналы нужны не для того, чтобы покупать вещи буквально по рекомендации, а для того, чтобы прочесть, забыть и делать шопинг, находясь под общим впечатлением, оставшимся в подсознании. Вообще, одеваться – это как медитировать: правильную вещь покупаешь, когда сами собой складываются опыт, накопленный со времён школьных воротничков, особенности фигуры и тенденции сезона. Только бы норка прошла по длине, ведь она почти...

...мать. Стоя посреди комнаты, она держала над собой зажённую керосиновую лампу, которая, как показалось Лили, буквально взорвалась в её руках, и огненный плащ мгновенно покрыл всю фигуру. Горящие волосы развевались у неё над головой, а мама, вытянув вперёд руки, шагнула к двери, а потом выбежала в коридор. Кто-то закричал:

– Стреляй! Она не сгорит! – и ещё женский голос из другой части дома:

– Ты сказала, что они под контролем!

Мужчина, державший Лили, дёрнул её за руку, намереваясь увести, мама пробежала ещё несколько шагов по коридору и буквально испарилась – осталось пустое место.

1

Лили вздрогнула и проснулась. В последнее время этот кошмар повторялся чаще. Странно, в бодрствующем состоянии она, казалось, совсем не думала о смерти родителей. Как ни крути, они были довольно странными людьми, а мать и вовсе душевнобольной, да и отец, по-видимому, не лучше, раз подолгу оставлял двух малолетних детей с очевидно неуравновешенной особой, которая в итоге покончила с собой – а ведь могла поджечь весь дом. В том, что ей просто показалось, якобы мать испарилась, Лили была совершенно уверена: она тогда, кажется, вообще отвернулась, потому что мужчина, который её держал, потянул её к двери. Люди, ко-

торые забрали её из дома, нашли замечательную приёмную семью; Лили спрашивала о брате – ей ответили, что он убежал в лес, но его обязательно найдут и позаботятся о нём. Однако больше она никогда не видела этих людей, а приёмные родители ничего не знали о Тео. Потом она перестала спрашивать. Ей не хотелось вспоминать.

Зазвонил телефон. Лили взяла трубку, свободной рукой перебирая бутылки в баре. Обычно по утрам она предпочитала холодный коктейль с шампанским, бодрящий и лёгкий, но сейчас хотелось чего-нибудь покрепче.

– Дочка, ты уже проснулась? – полился из трубки тёплый голос приёмной матери.

– Да, – просипела Лили и, откашлявшись, повторила: – Да, недавно.

– Милая, почему бы тебе не заехать к нам с папой сегодня вечером? Нам нужно обсудить с тобой важную новость. Видишь ли, кто-то хочет купить тот дом в Венгрии. Ну, тот, который достался тебе после...

0.

...снилось, что я – вода на дне глубокого океана. Я смотрела на солнце сквозь воду. Тела не было, только текущие волны, переливающиеся одна сквозь другую. Я чувствовала слои воды, бесконечные прозрачные пласты, составляющие океан. Слои ближе к поверхности были тёплыми, с растворёнными в них золотыми лучами, пронизанные светом.

Это была вода, открытая солнцу. Но в глубоких расщелинах и ямах на дне океана таилась другая вода – та, которую ничто не тревожило, которой не достигало даже солнце. Я чувствовала, что быть этой водой значит всегда быть собой.

1.

Жанна медленно открыла глаза. Знакомая лаборатория выглядела непривычно, словно она смотрела на свои вещи чужими глазами. Интересно, сколько времени прошло? Кажется, она отсутствовала целую жизнь. С усилием разжав онемевшие пальцы, Жанна отложила камень, который держала в руке, размяла затёкшие мышцы – тело едва слушалось, словно какое-то время в нём отсутствовала жизнь. Когда Жанна сверилась со счётчиком, измерявшим положение Земли относительно Солнца с точностью, о которой и не мечтали составители людских календарей, оказалось, что с момента, когда она начала повторный эксперимент, прошло всего несколько секунд.

II. Белая роза

0

Перед ней лежал не совсем настоящий город. Он скорее напоминал селение вообще, а не какое-то конкретное место. У него не было ни центра, ни плана. Только узенькие, извилистые улочки и нагромождённые один вплотную к другому невысокие дома с кокетливыми коваными крылечками, глубоко посаженными окнами и нахохленными островерхими крышами. Жанна смотрела на город издалека, с вершины горы. Чёрные и блестящие, словно целиком отлитые из обсидиана здания и улицы оведал прозрачно-голубой звёздный сумрак. Но главной достопримечательностью был серебристый монорельс. Изгибаясь в ночном воздухе плавной дугой, он спускался с неизмеримой высоты, с горы, минуя поросшие хвойным лесом каменистые склоны, окунался в чернильную темноту молчаливых улиц, легко следовал изгибам причудливой городской архитектуры, а в тех местах, когда вид казался ему неинтересным, нырял под землю – потом снова выныривал и вёл точную линию дальше. Где он кончался, оставалось под вопросом, но Жанна почувствовала, что нужно поближе взглянуть на город. Тут у неё над головой заскрипели железные петли, и подъехал вагончик наподобие того, какие бывают в парках аттракционов. Она осторожно залезла внутрь, и вагончик поехал вниз.

Из долины поднимался туман, колёса влажно скрипели. Ей не терпелось разглядеть дома вблизи. Было темно, и Жанна видела всё как бы урывками. Кроме обсидиана, улицы покрывало ещё много чугуна. Вычищенные до блеска чугунные решётки заслоняли почти каждое окно, над дверями висели тяжёлые кованые фонари, но ни один из них не горел. В рассеянном свете звёзд поблёскивали выпуклые булыжники мостовой и угольно-чёрные черепичные крыши. Зато горячий, огненно-рыжий свет лился из длинных, узких стрельчатых окон, и все внутренние помещения домов были ярко освещены. Но ни внутри, ни снаружи здесь не было ни души.

Это казалось особенно странным, учитывая, что в комнатах царил жуткий беспорядок. Такое впечатление, что там не убирались в принципе. Некоторые комнаты сошли бы даже за антикварную барахолку. Кое-где попадались старинные часы с кукушкой или напольные часы с маятником, конечно, давно и безнадёжно остановившиеся. На кроватях громоздились ворохи самого разнообразного тряпья, как в полузаброшенных дачах, где вещи, не пригодившиеся дома, дружно доживают свой век и общими усилиями обогревают хозяев в период межсезонных холодов: лоскутные одеяла вперемешку с пожелтевшими от старости крахмальными кружевами, пёстрые цыганские платки поверх побитых мохью шерстяных пледов. На стенах, заклеенных выцветшими обоями в цветочек, висели в деревянных рамках потускневшие чёрно-белые фотографии. Покрытые ржавыми

пятнами зеркала, казалось, предназначались специально для того, чтобы заткнуть за них записки, открытки, маскарадные маски, новогоднюю мишуру и высохшие полевые цветы. На столах царил форменный бедлам: там теснились сахарницы, маслѐнки, нарезанный и обкусанный хлеб, раскрытые коробки шоколадных конфет, чашки с недопитым чаем; взгляд вылавливал стайки ажурных серебристых подстанников, горы блюдец, тускло-зелѐный графин с отколотым куском фигурной пробки в узком горлышке, смятые, пожелтевшие от старости салфетки, ворохи газет, почерневшие ножки цветов в тусклой от пыли стеклянной вазе...

Тут вагончик нырнул в подземелье, и больше Жанна ничего не видела. Она почувствовала сырость; где-то в глубине звенела капель. Вагончик двигался к воде.

1.

Жанна открыла глаза. Новое видение, хоть и не походило на эпизоды из чужой жизни или чьи-то сны, отчего-то показалось ей небессмысленным; по ощущению, она так нащупала что-то важное, что-то, имеющее отношение к духовной реальности всей расы, но перевести эти образы на язык обычного мира казалось невозможным. Вроде бы что за сложность: сидеть в полудрёме и размышлять, но Жанна чувствовала усталость, словно все силы её организма испытывали предельную нагрузку. Она проверила кристаллы: по счастью, всё записывалось, движение альрома

оставляло след, по которому впоследствии можно будет вернуться... но сейчас хотелось отдохнуть. Выйти на природу, прогуляться по крепостным стенам или в садах возле замка, на которые Жанна привыкла не обращать внимания, слишком занятая своими исследованиями... Ей впервые пришло на ум, что земной мир не так уж бесполезен.

1

Иногда она жалела, что лишена дневного светила. С детства у неё сохранилось ощущение, что когда-то и она, и другие, ей подобные, жили в мире, полном света, гораздо более изобильного, чем здесь. В мыслях людей, работавших на природе, днём, когда сияло солнце, Жанна видела густой летний зной, бледные соцветия дикого винограда, наполнявшие воздух тяжёлым ароматом, и чувствовала, что когда-то и у неё было родина, более лучезарная, более цветущая, которой теперь лишены все, вынужденные скрываться во мгле, в заточении людских предрассудков. Она давно оставила попытки поговорить об этом с отцом или ещё с кем-то из ныне живущих кэлюме, но мысль о временности и какой-то искусственности настоящего положения вещей была Жанне привычна – что по здравому размышлению трудно было бы объяснить.

Она редко показывалась на шумных празднествах, в последнее время вообще избегала сородичей, но ей не удалось бы смешаться с толпой, даже если бы она пыталась.

Виной ли тому её происхождение или, как (по крайней мере вслух) считал отец, вредный характер, Жанна отличалась от других кэлюме даже внешне. Если она не применяла гипноз, чтобы ввести свой облик в традиционные человекоподобные рамки, то её светимость цвета тёмного серебра напоминала разлитые в воздухе густые потёки блестящей краски, а тело, наоборот, казалось полупрозрачным и бесплотным. Своеобразия добавляли и непропорционально длинные руки и ноги, и огромные бесцветные глаза в глубоких, как колодцы, глазницах. Вдобавок Жанне было удобнее не ходить, а плавать над землёй или неподвижно висеть в воздухе, причём она не превращалась в туман и летала именно в телесной форме, что на кэлюме – которые сами служили для людей неисчерпаемым источником суеверного ужаса – производило довольно устрашающее впечатление. Впрочем, завсегдатаи вампирской резиденции к ней привыкли – Дьёрдь во всеуслышание объяснял особенности дочери тем, что у неё не всё в порядке с головой, а поскольку других объяснений не поступало, обитатели Чейте удовлетворились этим и при случайной встрече, отвесив беглый поклон, спешили по своим делам – лицам, занимавшим официальные посты, кланялись куда почтительнее, а ей – так, из-за семейного положения. Однако Жанна знала, что любой неожиданный поступок с её стороны воздвигнет между ней и сородичами новую стену настороженности и отчуждения; несмотря на невзрачную роль юродивой, все неосознанно улавливали

её внутреннюю отрешённость, возвышавшую её над другими без специальных усилий с её стороны. Жанну отличала природная, естественная царственность и такая мощь, глубина и цельность духа, что жизнь остальных представителей расы рядом с ней превращалась в пену на поверхности океанских волн.

Всё же отсутствие родственной души тяготило Жанну; она чувствовала себя одинокой, ненужной. В действительности она предпочла бы общение на равных «пугающему эффекту» своего присутствия, но в какую именно форму должны были облечься эти особые отношения, которые устроили бы её, она не знала. Жизнь в этом вопросе не предлагала разнообразия примеров, а Жанне хотелось какой-то возвышенной, совершенной дружбы, в которой раскрылись бы лучшие силы её души, чего-то вроде мистерии – ни много ни мало. Окидывая мысленным взглядом своё окружение, Жанна пренебрежительно усмехалась своим мечтам.

1

Углубившись под сень чёрной листвы по узкой дорожке сада, она слышала меланхоличные звуки – кто-то играл на простенькой народной разновидности цитры. Созвучия были однообразные, но вздохи струн – глубокие, приятные; Жанне понравилось, как ноты нежно тают в воздухе, и она потихоньку направилась на звук. Собственно, мелодии как таковой не было: похоже, кто-то просто пробо-

вал инструмент, время от времени задумчиво замолкая или роняя в ночную тишину вопросительные аккорды; тогда ноты ссыпались со струн, как горсть капель. Жанна поплавала в переливах ночного ветра, наблюдая; как все рождённые кэлюме, она отлично видела в темноте. Играла богато одетая статная дама, в одиночестве сидевшая на скамейке в саду. Светлый ореол покрывал её фигуру, как мягкие лепестки, озарял жёсткие складки атласного платья цвета белого воска, алебастровую кожу, гладко зачёсанные и убранные под жемчужную повязку блестящие платиновые волосы. Жанна подобралась поближе и, когда струны смолкли, прошелестела из темноты:

– Неплохо. В своём роде, – в устах Жанны это был редкостный комплимент. Дама не удивилась и не оглянулась, а вместо этого смерила оценивающим взглядом инструмент.

– Да. Не арфа, – задумчиво согласилась она, и обе рассмеялись.

1

Жанна, из вежливости, спустилась на землю и некоторое время прогуливалась под руку с новоявленной компаньонкой, с интересом прислушиваясь к стуку её туфель по камням и шелесту крахмальных кружев.

– Вы ведь Мария Надашди, верно? – Жанна смутно припомнила одну из участниц коллективного выборного органа – Совета Королев, основной административной силы

в Чейте и вампирском сообществе в целом. Обычно вампиры жили рассеянно, беспорядочно, и всё же порой искали общества себе подобных, а в силу исторических причин именно Чейте считался вотчиной кэлюме. Сначала центром притяжения служила Рада Островичи, привившая сородичам вкус к роскоши, легкомысленным развлечениям и всякого рода излишествам; потом поднялась волна вакханалий и казней, связанных с желанием Дьёрдя отомстить за её смерть; наконец, наметились зачатки самоорганизации, и некоторые наиболее ответственные ромеи объединились, чтобы взять в свои руки управление хозяйством и гарнизоном, служившим в основном для урегулирования проблем с местными жителями. Конфликты возникали не столько из-за нападений вампиров на людей, сколько из-за политической обстановки в стране, где феодалы-католики воевали против соседей-протестантов, и все вместе – против вторгшихся с востока турок-мусульман, а крестьяне надрывались на работе подобно тягловому скоту. Кэлюме органично вписались в кровавую картину всеобщего зверства, невежества и бесправия и плавно переходили к образу жизни типичных европейских землевладельцев.

– Я родилась в Венгрии, – мягко сказала Мария со своей сияющей улыбкой; она походила на белого лебедя, бесшумно и плавно скользящего по тёмным волнам. – Вышла замуж, не зная, что он кэлюме, и переехала сюда. Постепенно и мне открылся истинный свет. А в прошлой жизни

у меня остались дети от первого брака – сейчас они уже старенькие, – Мария рассмеялась. Историю можно было назвать необычной: как правило, переезды в Чейте заканчивались для смертных быстро и не в их пользу. Интересно, о чём думал тот, кто её сюда привёз? Хотел просто позабавиться, или правда любил?

– А ваш нынешний муж? – спросила Жанна.

– Гуляет где-то, – неопределённо махнула рукой дама. – Сейчас я уделяю гораздо больше внимания политике, чем семье. Заинтересовалась, знаете ли, историей. У нас, открытых свету, для этого больше возможностей. Писать и читать меня, правда, научил ещё первый муж, а вы знаете, что образование для женщины в наши времена – редкость, но книги, которые можно достать на венгерском языке, – это сплошь проповеди да описания сражений против турок, – Мария снова засмеялась. Жанне вспомнились неподъёмные тома, испещрённые причудливыми рисунками, которые отец после смерти матери куда-то увёз, а также и собственные штудии над передававшимися из рук в руки в недрах монашеских орденов алхимическими трактатами, и в душе согласилась с мнением Марии, но вслух осторожно сказала:

– Огромную мудрость можно почерпнуть из альрома. Возможно, высшее знание существует само по себе, а то, что написано в книгах, – лишь малая часть.

– Да, ведь должен существовать источник всего этого? – живо откликнулась Мария, обведя рукой окрестности и под-

разумеая то ли Чейте, то ли весь мир. – Наших превращений, например... Как вы думаете, отчего это происходит? Вы верите в Пульс? – неожиданно спросила она. Жанна смутно припомнила своё детство – эти картины были словно из другого мира.

– Вы имеете в виду легенду, – медленно проговорила она, – что на самом деле альрома – это цветок...

– Который сначала рос на поверхности, но потом, под тяжестью наших грехов, опустился под землю, – подхватила Мария, улыбаясь; для неё этот слух явно был не более чем красивой версией: вот уже около двух столетий прошло с тех пор, как раса переняла традиции и привычки смертных, предав забвению всё, что не способствовало укреплению земного благополучия.

– Но, в таком случае, – неуверенно заметила Жанна, – получается, что этот Пульс можно найти.

– Что ж, цель достойная, – рассмеялась Мария. – Всяко лучше, чем пьянствовать без перерыва только потому, что подагра нам не грозит...

Жанна тоже улыбнулась.

– Пробуждённые души должны лучше чувствовать источник альрома, – предположила она. – Мне трудно судить, я – рождённая.

– Да, я слышала эту историю... – машинально отозвалась Мария и деликатно умолкла. Жанна удивилась.

– Какую именно? – поинтересовалась она. Мария замя-

лась.

– Ну, что, вроде как... были там какие-то существа, более могущественные... от которых и произошли кэлюме... и что вроде они проклинали... или что-то наподобие... ээ... ромеи Раду... за то, что она отказалась им подчиняться, – неловко закончила она, очевидно заметив, что по отношению к своим реальным прототипам легенда не очень-то тактична.

– Любопытная версия, – озадаченно протянула Жанна; похоже, «проклятием, в результате которого родился ребёнок-мутант», местный фольклор был обязан остроумию её отца.

– Но ведь вы, Жанна, ведёте такой замкнутый образ жизни, – виновато возразила Мария, опустив голову, чтобы скрыть румянец. – Если бы вы участвовали в делах замка, слухов было бы меньше... Посудите сами, какой... хм... из вашего отца правитель... я извиняюсь...

– С моей точки зрения, какие подданные, такой и правитель, – сдержанно возразила Жанна, отчего-то вспомнив убийство Рады и впервые в жизни ощутив при этом нечто вроде горечи – или, вернее, отвращение, которое она втайне всегда испытывала ко всему вампирскому двору. Мария отстранилась.

– Вы ошибаетесь... Есть и... ну, так сказать... нереализованные силы, которые... ждут... их надо просто направить... Я, признаться, давно хотела поговорить с вами, но случая не представлялось, – вдруг заявила Мария, твёрдо взглянув

на неё. – А чем вы, собственно, занимаетесь?

1

Жанна стала заглядывать в гости к нечаянной собеседнице. Марии в Чейте принадлежали уютные, удобно обставленные апартаменты, залитые тёплым светом многочисленных изящных ламп из венецианского стекла, устеленные мягкими восточными коврами, узоры на которых горели и переливались, как расплавленное золото. Жанна обычно листала собранные Марией книги, валяясь прямо на ковре, а Мария перебирала струны арфы, сочиняя что-нибудь своё, хотя любила и произведения людских композиторов.

– Воля твоя, но есть в арфе какая-то несуразность, – разглагольствовала Жанна, вертя иллюстрированный том «Сказок 1001 ночи» то боком, то вверх ногами. – Такой громоздкий инструмент – арфой не то что оглушить, а и убить можно, если как следует размахнуться – но при умелом обращении позволяет извлекать самые нежные звуки из всех, которые я когда-либо слышала.

– Да, в цыганский оркестр с этим не возьмут, – согласилась Мария, листая ноты произведения, написанного специально для неё композитором Монтеверди, с которым она была лично знакома. – Довольно трудно танцевать, подыгрывая себе на арфе.

Жанна оценивающе посмотрела на свою полупрозрачную руку.

– Дрынть-дрынть-дрынть... ум-ца-ца, – неизвестно к чему провозгласила она и вернулась к пролистыванию книги, которую снова повернула ногами вниз, а головой – вверх. – Что слышно в Совете?

– На мой взгляд, гораздо важнее: что слышно за его пределами, – возразила Мария, рассеянно перебирая струны одной рукой.

– И что?

– Я считаю, просвещённым кэломе пора объединиться. И сделать это надо не за счёт каких-то административных мер, а с помощью идеологии. Нужна принципиально новая система взглядов, которая отличала бы нас от людей, мотивировала бы... к чему-то высшему. Пока что я вижу обратный процесс: кэломе заимствуют всё у смертных. Нам нужен – я не знаю – какой-то символ, точка отсчёта, с которой мы могли бы начать свой, уникальный путь.

Жанна задумчиво промолчала. Она ещё не посвятила Марию в свои алхимические изыскания, но многое, подмеченное этой изящной придворной дамой, удивительным образом совпадало с её собственными целями. Общаясь с Марией, Жанна убеждалась, что красота и благородство свойственны королеве не только внешне, но и – что было редкостью среди вампиров – внутренне. Жанна украдкой бросила на собеседницу изучающий взгляд. Сейчас, при надёжном, ровном свете роскошных внутренних покоев дворца, отгороженных от тревожного мира ночи крепкими стена-

ми и обитыми железом прочными ставнями, была особенно заметна какая-то по-домашнему нежная, лучистая красота Марии: полное, стройное тело, холёные руки с хрупкими пухлыми пальчиками и прозрачными розовыми ногтями, глубокие золотисто-карие глаза, которые вместе с мягкими бархатно-чёрными бровями составляли светлым, почти пепельным волосам оригинальный контраст – но не броский, кричащий, а тоже какой-то на удивление утончённый и гармоничный. Мария умела одеваться элегантно и со вкусом, и осыпанные жемчугом светлые шелка окутывали её фигуру, как пышные лепестки.

– Ты похожа на белую розу, – сказала Жанна.

1

Как-то незаметно Мария привлекла к работе помощников, и Жанна с лёгким недоверием обнаружила, что среди кэлюме всё-таки попадались личности, помимо фатального успеха в кругу людвы заинтересованные судьбой расы. Нет, Мария не плела паутину тщательно законспирированного заговора, всё выглядело как собирающиеся по случаю то там, то сям кружки рядовых обитателей замка, беседы о текущих делах – некоторые специалисты потом занимали созданные королевой под их же собственные инициативы посты, и Жанна видела, как естественно, словно сама собой появляется политическая структура, которой отданы все силы, всё вдохновение. Благодаря Марии в обществе устанавли-

валось какое-то молчаливое согласие, единый порыв к действию, к творчеству. Глядя на неё, Жанна с изумлением понимала, что нетерпимые, себялюбивые лидеры, так популярные среди людвы, показались бы беспомощными в сравнении с этой королевой, с её обаянием и тактом. Мария излучала понимание и доброту. Тонкими, незаметными штрихами она умела выявить лучшие качества чужой души, гармоничное влияние и сдержанное, изящное руководство Её Величества украшали подданных. Рядом с ней каждому хотелось стать лучше.

Порой Мария казалась Жанне в чём-то антиподом Дьёрдя, который – тоже не прилагая специальных усилий – исхитрялся обрушиваться в чужое сознание, как шторм, и выворачивать наизнанку даже то, что казалось уже испорченным. К удовлетворению Жанны, в поведении Марии она ни разу не заметила никаких следов влияния Дьёрдя: вампирский повелитель для неё ничего не значил, хотя рядовых обитателей Чейте одно только упоминание его имени выводило из равновесия, – причём реакции были самые разные и труднообъяснимые: от болезненной неприязни до болезненного преклонения и даже страхов, напрямую к Дьёрдю не относившихся: например, человек вдруг вспоминал, что боится пожаров.

– Я думаю, он сумасшедший, – спокойно говорила Мария, полуприкрыв матовые веки. – В буквальном смысле.

Жанна про себя удивлялась; её смущала категоричность

формулировки. Она, хоть и знала отца всю жизнь, сама себе не смогла бы ответить с уверенностью: действительно ли Дьёрдь не в себе или притворяется. Однако цельность характера и ровное, изысканное обращение Марии, которая как будто всегда была во всех уверена и всему радовалась, внушали Жанне доверие, со временем переросшее в истинное, глубокое уважение – чувство, которого Жанна больше не испытывала ни к кому и никогда. Жанна знала, что самой ей случалось – невольно – и напугать, и оскорбить, и вообще она производила на окружающих отталкивающее впечатление, особенно если не старалась специально понравиться. Если бы не Мария, ей никогда бы не удалось поладить ни с кем, а изящная подруга смягчала своей спокойной улыбкой и ласковым, обволакивающим светом жгучую серебряную тень Жанны, чью незваную мудрость иначе никто не смог бы принять. Жанна понимала, что все её непрактичные искания, обретавшиеся где-то в закоулке жизни расы в виде неясных утопических проектов, благодаря Марии обретут жизнь.

1

Постепенно Жанна посвятила Марию в свои опыты по сгущению альрома внутри кристаллов. Мария не рисковала перемещать собственное сознание таким способом, только просмотрела несколько записей и долго молча о чём-то размышляла, после чего подвела итог духовным трудам подруги фразой:

– Я бы на твоём месте устроила где-нибудь подальше от Чейте надёжно законспирированную запасную базу. – Пока Жанна неуверенно всматривалась в перспективу переезда, Мария пробежалась мыслью в означенном направлении чуть дальше и деловито добавила: – А также уделила некоторое внимание изучению основ фортификации и... и работы с агентурной сетью. Потом у тебя уже не будет на это времени. Я познакомлю тебя с одним опытным человеком, он какое-то время был господарем Валахии и поможет нам устроить надёжно защищённую лабораторию. Впрочем, сначала я поговорю с ним сама... Кстати, ты брала уроки фехтования?

1.

Лаборатории Жанны мало подходили для приёма гостей, но Мария мужественно делала вид, что не замечает неудобных деревянных кресел с прямыми, как линейка, спинками и бесхитростно-голых каменных стен, молча давая себе обещание развить как-нибудь на досуге у подружки какой-никакой вкус. Жанна изучала не только кристаллы, но свойства энергетических полей вообще; не рискуя вмешиваться в опыты, Мария обходилась подсобной работой, добросовестно вникала во всё, что удавалось понять, оформляла, систематизировала, подсказывала, как получалось, – в основном наобум, но Жанну это порой наводило на свежие решения. В принципе, Жанна могла бы работать и одна, но Мария обеспечивала ей нечто большее, чем исполнение мелких

канцелярских поручений, – уважение и сочувствие, без которых легко было уходить в странствие за горизонты сознания, но трудно возвращаться. Если бы Жанну не удерживал ровный свет чьего-то внимания и веры, всё, что бы она ни нашла, осталось бы при ней и ушло вместе с ней, – в этом Мария не сомневалась. Душа, принадлежащая к иному миру, отмеченная даром провидения, необыкновенной силой памяти об истинной природе вещей, не стала бы ничего навязывать, рекламировать свой талант, как билет на цирковое представление. А между тем раскрытие новых способностей сознания могло произвести радикальный переворот в жизни всей расы... так, по крайней мере, повторяла Жанне Мария, тщательно сохраняя невозмутимое выражение лица. Однако опыты Жанны, льющиеся из ниоткуда вереницы причудливых видений, скользящие по застывшему с плотно сомкнутыми веками лицу и прячущиеся в зажатом в бесчувственных пальцах кристалле, где теперь будет вечно идти, вечно повторяться чья-то жизнь – кто ещё на такое способен?.. Сколько на это нужно сил? И, главное, зачем?.. Что, если эта дорога тоже никуда не ведёт?..

1

Жанна заинтересовалась добытым Марией отрывком рукописи, в которой кроме надписей на неизвестном никому даже из вампиров языке содержалось большое количество рисунков, изображавших неизвестные никому даже из вам-

пиров и определённо не встречавшиеся на окрестных землях растения, а также довольно странные фигурки, как бы совмещённые с растительным узором. Иногда соотношение масштабов просто поражало: получалось, что люди в огромных количествах текут внутри какого-то стебля и живут в зёрнах исполинских плодов; иногда какая-то фигурка вдруг как бы прорастала веточками и лепесточками, в общем, творилось нечто либо крайне аллегорическое, либо очень инопланетное, и будь растения не лишены тщеславия, книга бы им, наверное, польстила. К сожалению, прежний хозяин рукописи – а скорее всего, просто гонец, не знавший, что перевозит – погиб при невыясненных обстоятельствах, похожих на нападение разбойников, а рукопись Мария нашла случайно, заглянув в брошенную карету: непонятные рисунки грабителей, видимо, не привлекли, а потому частично разлетелись по ветру, а частично дождались новую владелицу в распоротой ножом сумке. Жанна дала неразгаданному произведению условное название «Люди как растения», с увлечением вертела картинку то боком, то вверх ногами и даже ползала по полу, стенам и потолку, вживаясь в образ: ещё ни одна книга не удостаивалась такого энтузиазма, – а потом села на мягкий турецкий диван, задумчиво откинулась на бархатные подушки и протянула:

– Знаешь, а ведь Пульс был растением, как ни крути. И очень крупным...

– Так ты всё-таки веришь в Пульс? – встрепелась Ма-

рия, листавшая в это время свежее сочинение очередного парижского теолога. Жанна слегка сузила ярко-серебряные глаза, так смущавшие неискушённых сородичей, и пожевала полупрозрачными бесцветными губами.

– Я в нём жила, – неопределённым тоном призналась она.

1

– Я вот думаю, – серьёзно заметила Мария, созерцая волны воздушных серебристых кудрей Жанны длиной до пола, – если сделать тебе высокую причёску, обмотав волосы вокруг головы, какого размера получится пучок?

– Я чувствую, твоя интеллектуальная жизнь на пике активности, – уважительно кивнула Жанна. Она разглядывала семечко гиацинта в микроскоп, пытаясь заметить хоть самые слабые токи альрома.

– Глядя на тебя, я начинаю понимать, что на самом деле означает выражение «волосяной покров», – продолжила Мария размышления в избранном направлении, и Жанна фыркнула, что в переводе на шкалу эмоций среднеарифметического кэлюме означало смех.

– Отдохни немного, – в третий раз активизировалась Мария. – Хватить лупить в окуляр.

Жанна, приняв к сведению практическую часть прозвучавшего, отодвинула наконец прибор и откинулась на спинку жёсткого неудобного кресла, но некоторое время продолжала сидеть, задумчиво глядя перед собой, а потом почесала

серебристую бровь.

– Земные цветы слишком маленькие, – подытожила она.

1

– Я в детстве была уверена, что города света, ну то есть высший мир, находятся в грозových облаках, но существуют только во время молнии. И можно их увидеть, если в нужный момент оказаться там, внутри.

– Ты, наверное, все облака излазила?

– Я так играла. Мне казалось, что нужно только поймать момент, когда увидишь молнию рядом. Я, честно говоря, и до сих пор верю, что там что-то такое есть, хотя и знаю теперь, что нет никаких доказательств. Но, если и существует какой-то народ, который живёт только в грозovém облаке, и только во время вспышки, это, должно быть, счастливые души.

Хлестал дождь, и платья насквозь промокли. Мария и Жанна бродили по пояс в чёрной, пенящейся реке, и быстрые волны крутились вокруг них бурунами. Над каменистым обрывом монотонно гудел высокий еловый лес. Противоположный берег лишь изредка проступал из проливной ночи собственным лунно-бледным отпечатком, когда его озарял отблеск грозы. Низко над наэлектризованной землёй клубились дымные тучи. Порыв ветра выбросил в реку такой шквал брызг, что казалось, по тугим волнам застучала густая оружейная дробь.

«В купании под дождём не хватает интриги, – мысленно передала Мария, чтобы не перекрикивать ветер, тем более что Жанна зашла в глубь, привольно разлеглась в волнах и куда-то отправилась вниз по течению. – Брызгаться нельзя».

Поразмыслив над этим обстоятельством, Мария погрузилась в реку и тоже поплыла. Дождь и волны заливали глаза, но всё равно вверху ничего не было видно, так что в бурном беге чёрных вод присутствовала своя гармония, скорее осязаемая, чем видимая. Бушующая свежесть омывала тело, крутя набрякшие водой складки платья, мимо проплывали бесформенные берега, едва заметные на бледно-лиловом фоне мерцающих туч.

«Грамотное отношение к электрификации и водоснабжению спасёт мир!» – внезапно отозвалась Жанна сквозь толщу воды, причём, судя по слышимости, её уже отнесло довольно далеко.

III. Океан

0.

...Снилось, что она летит над городом с необычной архитектурой. Там были небоскрёбы цилиндрической формы и приземистые параллелограммы подсобных построек – всё покрыто гладкими плитами из тёмно-серого, с металлическим отливом камня, похожего на магнит. По многоярусным трассам, крест-накрест пересекавшим ночное небо над городом, носились взад-вперёд рои жужжащих, с пылающими красно-рыжими фарами машин – обтекаемых легковушек и нахохленных фур. Но главной частью города были искусственные реки. В гуще трасс и дорог на разной высоте величественно располагались вместительные каменные русла, заполненные прозрачно-бирюзовой водой, которая светила изнутри. По каждому из таких каналов мог бы свободно проплыть круизный лайнер, но на воде не было видно ни одного средства передвижения: для транспорта использовались бегущие тут же рядом, параллельно, дороги. Реки изящно и свободно лежали в каменных ложах, как ожерелья в тёмном бархатном футляре, и светили вверх холодным, чистым серебристо-зелёным светом; волшебный блеск их волн проникал прямо в душу. Жанна поняла, что именно в этих, словно наэлектризованных, водах и сосредоточена истинная жизнь города, тайное движение его лучших сил...

0.

...и ей смутно припомнилась железная ванна на дне глубокого, плавно изогнутого русла...

0

...и конь, бросающийся в реку, – она почувствовала холодную волну...

0

...и стала погружаться на глубину, на дно великого океана.

4

Здесь шла совсем другая жизнь. Некоторое время Жанна совсем ничего не видела и двигалась наугад; в принципе, она спускалась вниз, но теперь чувствовалось, что у океана нет дна, а есть только поверхность.

Постепенно толща воды начала светлеть. Серебряными искрами проносились мимо мелкие рыбки. Из глубины поднялись прозрачные зелёные лучи и запереливались вокруг, словно приглашая войти. Жанна последовала за ними.

Из тёмно-синей мглы поднимались исполинские волнистые водоросли – целый подводный лес; потом открылась долина, вся словно вырезанная из переливчатого розового коралла, а в ней – огромный храм в виде ступенчатой пирами-

ды, как будто подсвеченный изнутри тёплым золотистым огнём. Приближаясь к храму, Жанна всё больше убеждалась, что размеры его невероятны; когда она наконец оказалась перед вырезанным в камне прямоугольным входом, грандиозная громада храма заслонила собой всё, да и коридор явно был рассчитан не на человеческий рост: в нём свободно разместился бы замок Чейте вместе со всей горной грядой, на которой располагался. У входа вилось несколько длинных рыб с гибким змеевидным телом, пышными радужными плавниками и тонкими, как антенны, усами над жемчужно-матовыми вывернутыми губами. Размером рыбы соответствовали своему обиталищу, а чешуя сверкала таким ярким золотым светом, как будто под водой полыхал пожар. Внимательно поглядывая на Жанну, рыбы двинулись в глубь храма, как бы призывая следовать за ними, и немного позже Жанна догадалась, что морские чудовища всего лишь служили при храме чем-то вроде естественного освещения.

Коридор вёл по диагонали вниз. Жанна плыла за рыбами. Через некоторое время она оказалась в циклопическом зале причудливой трапезиевидной формы, пустом, а затем в следующем, который поначалу тоже показался ей пустым; однако по центру, в полу Жанна скорее почувствовала, чем увидела круглую, ведущую отвесно вниз шахту и догадалась, что там кто-то есть. Рыбы остались в предыдущем помещении, почтительно крутясь у входа и тем самым укрепив Жанну в предположении, что её проводили в какое-то особое место.

Жанна как раз гадала, что ей следует делать: ждать? плавать кругами под потолком? лезть в шахту? – как из глубины колодца послышалось мысленное:

«О! Гости!»

«Да», – осторожно созналась Жанна.

Из шахты на мгновение вылезло щупальце, каждая присоска на котором соперничала по размеру с кратером вулкана, и – хотя Жанна не поручилась бы в темноте – кажется, выглянул мутный любопытный глаз.

«Хм! Ты маленькая, но глубоко забралась!» – констатировали со дна.

«Ээ... Я люблю воду», – обтекаемо сформулировала Жанна, которая чувствовала себя немного глупо, зависнув среди волн и разговаривая с колодцем.

«Правда? Я тоже её очень люблю! – обрадовались в шахте. – Похоже, у нас много общего: целый мировой океан!»

«А ты кто?» – осмелела Жанна.

«Я – Великий Спрут! – гордо ответили снизу. – Вот, сижу».

«Почему бы тебе не подняться? А то я тебя плохо вижу», – предложила Жанна.

«Понимаешь, если я вылезу целиком, нам вдвоём станет немного тесно, – виновато пояснили из глубины. – Вряд ли ты лучше меня рассмотришь, зажатая где-нибудь в уголку моим боком».

Жанна окинула взглядом зал, стены которого таяли в тём-

но-синей водной дали, и приняла обстоятельства к сведению.

«А, – сказала она. – Ну, тогда сиди в яме дальше. Кстати, что ты тут делаешь?...»

«Я веду напряжённую интеллектуальную жизнь», – пояснили из шахты.

«Да? – рассеянно уточнила она, думая о своём. – Ну и как?»

«Нормально», – заверили её. Жанна собралась с мыслями и решила перейти к делу.

«Слушай, у меня тут проблемка. Вообще-то я кое-кого ищу, а сюда попала случайно...»

«Да? – расстроились в шахте. – А я думал, посидим вместе, посплетничаем!»

«Это можно, – заверила Жанна. – Кстати, как тебя зовут?»

«Ло».

«А я Жанна».

«Привет!...»

«Ага. Ну так вот, у меня пропал друг. Альрома Чалэ, или Пульс. Ты ничего о нём не слышал?»

«Хм, – в шахте крепко задумались и даже выпустили в воду облачко лиловых чернил, которое начало медленно расплываться по залу в качестве дополнительного знака внимания. – А какое у него водоизмещение?»

«Видишь ли, – Жанна замялась, – он потерялся не здесь, а на поверхности».

«На поверхности? – удивились в шахте. – Ну, в таком случае, ты нашла, у кого спросить!»

«Да, но он тоже умел разговаривать мысленно, – торопливо добавила Жанна. – Как мы с тобой сейчас. В своё время у него был очень мощный сигнал, который проходил в любые миры! – для пользы дела Жанна слегка преувеличила: на её памяти голос Пульса силой не отличался. – Вот я и подумала, может, ты что-нибудь слышал. А если не ты, то твои знакомые».

«Хм, – повторил Великий Спрут своё любимое междометие, а потом неспешно пустился в рассуждения вслух. – Мой самый близкий знакомый – это мировой океан. В свою очередь, его самая близкая знакомая – это земля, Рея. Мы можем спросить у неё через него».

«Давай спросим, а?» – поспешно подхватила Жанна.

«Но ведь для того, чтобы поговорить с Океаном или Реей, нужно как следует настроиться, – осторожно напомнил спрут. – У нас, головоногих, для таких случаев предусмотрены специальные священнодействия. По особым дням. Ты думаешь, я просто так здесь сижу, шахту протираю? Я медитирую!...»

«Ну, давай и я медитну вместе с тобой!» – с готовностью согласилась Жанна.

«Медитнём вместе?» – неуверенно уточнил спрут.

«Ага!»

«Меня тревожит, что у тебя может оказаться недостаточ-

ное водоизмещение».

Жанна возмутилась.

«Ты не смотри, что я маленькая! Водоизмещение у меня хоть куда!» – уверенно возразила она, и Великий Спрут, поразмыслив, начал вылезать.

«В таком случае, приступим!» – объявил он.

5

В следующий момент Жанна услышала оглушительный шум воды, словно попала прямо в центр гигантского водопада; всё вокруг превратилось в сплошное течение, которое подхватило Жанну и куда-то понесло, барабани по сознанию шквальным градом непрекращающихся брызг. Поначалу мысли Жанны вообще смешались; потом она подумала (барахтаясь в каком-то водовороте), что в ходе эксперимента что-то пошло не так; и наконец сообразила, что, вероятно, в настоящий момент как раз и происходит диалог с мировым океаном, в котором она собралась участвовать. Честно говоря, даже изо всех сил прислушавшись (её крутило и болтало), она всё равно не разобрала ничего, кроме шипения, бурления и рёва воды, которая куда-то низвергалась, где-то неслась, а также испарялась, проливалась дождём, леденела и таяла. «Интересно, если меня впечатает в льдину, я убьюсь или проскочу насквозь?» – меланхолично подумала Жанна, пузырясь и ухая вместе с водой, и по здравому размышлению отстранённо предположила, что, скорее всего, всё-та-

ки последнее. Конца купанию не предвиделось, но и скучать не приходилось: неподъёмные волны и неизмеримые водяные столбы раскачивали, казалось, весь мир, и Жанна почувствовала, что её мысли тоже разлетаются брызгами и потом уже никогда, никогда не соберутся... «Тебя же предупреждали насчёт водоизмещения, – хладнокровно упрекнула она себя. – Терпи теперь...» Жанна попыталась «мысленно собраться» в болтанке и барахтаться как-то более упорядоченно, но впервые в жизни поняла, что значит – не по силам: обрушивающиеся в сознание водяные стены были монолитны, неумолимы, непреодолимы, и оставалось только надеяться, что у неё не всё оторвётся прежде, чем это закончится.

Между делом, в водяном грохоте – Жанна осознала это значительно позже – ей всё-таки удалось различить кое-какую информацию. Так, например, она узнала – вернее, ощутила физически – что спруты считают себя как бы частью единого организма океана. Мысли у них были общие, только Океан мыслил всё сразу, а спруты – всё по отдельности, но одна часть мыслей текла сквозь другую. Чем больше был размер спрута, тем больше тонн воды океанских мыслей он думал, – задним числом Жанна сообразила, что именно это Великий Спрут подразумевал, говоря о водоизмещении. Осадки, цунами, таяние ледников – всё это было для спрутов (и Океана) событиями внутренней жизни. Себя (заодно с Океаном) спруты не без оснований считали полноправными гражданами всея планеты, а остальных, кем бы те ни

были, – мелкотравчатыми пришельцами. Жанна уловила даже тень какого-то совершенно необъятного спрута, который слышал весь океан – где-то на дне – и всемирную систему подводных храмов в виде коралловых пирамид, со спрутами поменьше – и вдруг её, как пушинку, подняла в воздух высокая волна и выбросила на берег.

5

Прокатившись несколько шагов, Жанна приподнялась и потрясла головой, пытаясь привыкнуть к тишине: шум воды наконец-то прекратился, а потом огляделась вокруг – и раскрыла рот. Вдоль кромки лазурных волн тянулись, томно покачивая веерообразными листьями, тонконогие пальмы, кружева пенных волн с мягким шелестом накатывали на белый песок, а в ясном небе, как ни в чём не бывало, приветливо светило солнышко – прямо Жанне на макушку. Жанна сразу поняла, что оказалась где-то в не совсем привычной версии земного мира, ещё до того, как увидела прогуливающихся рядом, бок о бок, изящную лань и пятнистого чёрно-рыжего леопарда. Животные вели неспешную мысленную беседу, как два уважающих друг друга оппонента на теологическом диспуте. Жанна поднялась с песка, отрянула руки и задумчиво побрела под сень деревьев (не обратно же в воду было лезть?), причём высокая трава услужливо расступалась, и прямо под ногами предупредительно стелилась удобная тропинка, по которой игриво бегали солнечные

зайчики.

– Привет! Я – Рея, – вдруг раздался откуда-то с высоты приятный женский голос. – Ты что-то хочешь спросить?..

Жанна на всякий случай огляделась, но – как и следовало ожидать – никого не увидела. Не иначе как попала на приём к всея планете Земля? Радовало, что она всё-таки не утонула в Океане, но беспокоило: как возвращаться назад? (Хорошо бы другим путём!) Впрочем, раз уж пришла, следовало спросить, и Жанна, как попугай, повторила историю о пропавшем друге.

– Альрома Чалэ, – пояснила она, понятия не имея, скажут ли Рее что-нибудь эти слова. – Он похож на цветок.

– Мало ли кто на что похож, – философски заметил голос. – Как именно он взаимодействует лично со мной?

Жанна вздохнула; преодолевать языковой барьер оказалось нелегко.

– Скорее всего, никак не взаимодействует, – предположила она. – Но с Чалэ связаны мы – вот я, например – кэлюме или, как нас ещё называют в этом мире, – Жанна снова вздохнула, – вампиры, – похоже, сейчас придётся признать, что раса характеризуется убийствами людей... а вдруг Земля обидится и откажется помогать? – Мы... взаимодействуем с людьми в том смысле, что... питаемся их кровью. Но мы очень хотим покинуть этот мир, – поспешно добавила Жанна и запоздало сообразила, что последняя фраза тоже прозвучала двусмысленно. Впрочем, Рея, казалось, пре-

бывала в параллельных мыслительных потоках.

– Люди? – рассеянно протянула она. – Но люди – совсем не мой вопрос.

– Как не твой? – обалдела Жанна. – Разве они не твои жители?

– Планета Земля изначально предназначалась для эволюции животного царства, – мелодично просветил Жанну голос. – Те, кого ты называешь людьми, – побочный эффект, результат стороннего вмешательства.

Жанна разинула рот. Ситуация осложнялась.

– Я покажу тебе, – милостиво решил голос.

5

Лес исчез, и Жанна увидела карамельно-густое небо, кипящие со всех сторон облака, на которых лежал прозрачный золотой отблеск, а потом, в этой воздушно-матовой бездне, – огромного зверя, подобных которому она не встречала нигде – разве что на картинках, изображавших египетского сфинкса (кое-кто из кэлюме увлекался древней историей, хотя сама она в Египте не была). Его львиное тело было покрыто гладкой белой шерстью, переливавшейся тысячу искр, как первый снег, а лицо было человеческим, и во лбу горело солнце, заливая ослепительными лучами всё вокруг.

– Это – Царь Природы, – пояснил голос Реи. – Его пока ещё нет, он только будет.

Блистательный зверь прошёл прямо по воздуху, как по по-

диуму, и растворился, а вслед за ним рассеялись и облака, и Жанна увидела внизу нечто вроде тёмного мха, который стал приближаться, и оказался кишашей живностью зелёную непроходимых тропических джунглей. В то же время Жанна осознала, что к земле с невероятной скоростью летит нечто, похожее на метеорит, – сияющий камень обрушился в лес с оглушительным взрывом.

– Это произошло на континенте, который сейчас под льдом, – безмятежно пояснил голос, – много миллионов лет назад. Люди – изобретение моего гостя, камня, который называет себя Эрнауэре. Они произошли в результате подмешивания жидкого минерала в геном обезьян.

– А почему ты согласилась на это? – не взяла в толк Жанна; похоже, кэлюме были не единственным зигзагом местной истории.

– Ну так ведь интересно, – снисходительно пояснила Рея.

– И что потом?

– Да ничего, – благодушно отозвалась Рея. – Ничего нового. Пришельцы начали плодиться и размножаться; Эрнауэре лежит в землях Антарктиды, под слоем льда, и руководит их эволюцией. Сам он – представитель неорганической природы, минерал, не встречающийся на Земле, как бы разумный камень, и готовит гуманоидную форму как роботизированный проводник своей воли. В настоящий момент земная природа борется в людях с кристаллической, но со временем человечество окончательно окаменеет. Что касается подлин-

ных землян, это – животные. Если тот, кого ты ищешь, взаимодействует с людьми, тебе лучше поговорить с Эрнауэре.

Жанна вздохнула; ей начало надоедать, что все её куда-то посылают, хотя экскурсия, правда, получилась познавательной.

– Я надеюсь, к нему не придётся плыть через Океан?.. – вяло возразила она.

– К Эрнауэре?.. Что ты! Он... Минуточку. Соединяю. Он терпеть не может воду, – последние слова Реи растворились в каком-то потрескивающем шуме, и перед глазами у Жанны заплескали цветные точки, как на сумасшедшей дискотеке без звука, но с иллюминацией, – лучше вообще не упоминай о ней!.. – и Жанна оказалась в абсолютной темноте.

5

Она таращилась во все стороны, но ровно ничего не видела и не чувствовала. Потом наконец тьма забрезжила, и прямо навстречу Жанне выплыл большой бесформенный камень, похожий на каплю (будь они неладны!) жидкой лавы. Он переливался огнём и жаром. Размером он был значительно больше Жанны, но, кажется, поменьше Ло – где-то с земную гору.

– Эрнауэре? – с готовностью предположила Жанна.

– А я тебя знаю, ты – Жанна Островичи, – немедленно отозвался камень-проныра.

– Да, – удивилась Жанна.

– Что это вы, кровососущие, егозите, всё никак не успокоитесь? Один в ваннах из человеческой крови купается, другая лазает по гуманоидному геному! – осудил камень, но голос у него был скорее весёлый, чем строгий. Жанна решила не давать спуска нахальному представителю неорганики.

– Так мы думали, что людям нравится, когда на них нападают! – бойко сымпровизировала она. – Что надо их расшевелить!

– Правильно! – с энтузиазмом подхватил прародитель человечества. – Страх и боль – вот основа прогресса! Вот безотказный стимул духовного роста. Я очень люблю страх и боль. Если бы люди не отвлекались на всякую земную чепуху типа радости жизни, давно бы уже привыкли к страху и боли и стали неуязвимыми!..

– То есть ты не против того, чтобы мы питались людьми? – удивилась Жанна.

– Молодцы, коллеги! – грохнул бескомпромиссный камень. – Вы ведь тоже пришельцы?.. Ужасные легенды, которые бродят о вас среди нас, делают вам честь! Свирепость – это добродетель, но постоянная жажда крови – это истинный аристократизм духа, до которого нам, увы, ещё далеко, – Жанна почувствовала, что, будь её волосы покороче, они давно бы уже встали дыбом. – Общение с вами очень бодрит тех, кто остаётся в живых, а что касается погибших, – учитывая общую численность моих будущих носителей, ваше вмешательство вовсе не так фатально, как того опасает-

ся, идя на поводу у не совсем понятных мне предрассудков, Чалэ, ведь статистически...

Если бы Жанна не висела в пустоте, она бы подпрыгнула.

– Чалэ?! Ты его знаешь?!

– Конечно, – удивился осведомлённый камень. – Мы часто с ним болтаем. Он – почему-то – недоволен своими подопечными, а я – своими, так что... Кстати, о чём ты хотела спросить?..

– Где он?! – заорала Жанна, не веря своему счастью.

– Да вот, собственно... И зачем так кричать? Он находится на... А откуда ты говоришь? погоди... Тут с тобой ещё кое-кто хочет встретиться.

И прежде, чем Жанна успела возразить, она снова услышала потрескивающий шум, похожий на испорченное радио, и провалилась в сон.

0

Жанна увидела небольшой курортный пригород; вокруг толпились покатые холмы, в выгоревшей на солнце траве надрывались цикады, а в ложбинке между холмов змеились рельсы. Где-то неподалёку было большое, светлое озеро, Жанна не видела его, но знала о нём; все приезжали на его берег отдохнуть, но дойти самостоятельно туда было нельзя. К озеру возил специальный поезд, и вот сейчас он как раз отправлялся; туда уже набились пассажиры, и ждали только Жанну. Но войти в поезд разрешалось только тем, кто пере-

одет в купальник; специально для туристов посреди нагретой солнцем степи стоял деревянный барак для переодевания. Жанна, глотая пыль, торопливо стаскивала с себя одежду, безнадёжно отыскивая взглядом свободное местечко среди куч и россыпей чужого тряпья, не оглядываясь на зеркало, чтобы не тратить время, и чувствовала, что не успевает.

Внезапно в барак зашла женщина — она явно была не из туристов, не только потому, что снаружи уже давно никого не было, но и потому, что она совсем не торопилась, — Жанна поняла, что эта женщина пришла к ней, чтобы утешить, потому что Жанна ужасно торопится, и обязательно опоздает, и ненавидит это бессмысленное тряпье, эту жаркую степь и равнодушный, лязгающий поезд, но всё это совершенно неважно и не имеет над ней ровным счётом никакой власти... От женщины исходило ясное, спокойное сияние уверенности и силы; всё рядом с ней бледнело и исчезало, и оставалось только забвение и радость в сердце... Женщина подошла и обняла Жанну мягкими, светлыми руками.

Потом она вдруг куда-то исчезла, Жанна наконец выбралась из полутёмного, душного барака и, естественно, как и боялась, под прощальный гудок увидела отходящий поезд. Усталость навалилась на неё с непобедимой силой, Жанна знала, что другого поезда не будет, и теперь ей придётся ждать тех, кто уехал, до вечера, пропадая в бесцветной, скучной степи, пока все нормальные люди купаются в озере, ради которого только и стоит жить. От безысходности и оби-

ды Жанна почувствовала почти физическую боль и бессилие. Ей казалось, что надо куда-то идти, что-то делать, но она смогла только переползти через железнодорожные пути – в ужасе ожидая, что попадётся между подвижными частями рельсов, если сейчас передвинется стрелка – и без сил рухнула в ломкую, горячую траву.

И вдруг она увидела издалека, со стороны и себя, и степь, и железную дорогу. Оказалось, что поезд зачем-то петлял среди холмов, делая ненужный крюк, а на самом деле озеро было близко, практически там же, где начинались рельсы, и Жанна могла бы ещё до полудня добраться до него пешком. Но потом она снова сменила угол зрения, она смотрела теперь не на степь и не на озеро, а в небо над головой, и оно, это небо, сияло знакомым ровным, нежным, женственным светом... Жанна поняла, что женщина, которая приходила к ней, – это её небесная мать. И что сейчас, если вместо того, чтобы куда-то идти, она просто заснёт, её душа поднимется на небо.

0

Жанна проснулась и открыла глаза. Всё тело будто свинцом налилось; она чувствовала, что устала, потому что видела слишком много снов. Она лежала в зале, где жили такие же, как она, сновидцы; зал был круглый, под куполом в форме бутона, с множеством стен, похожих на спускающиеся сверху изогнутые лепестки, с одной стороны – каменные,

выложенные золотистой и зелёной мозаикой, с другой – стеклянные, прозрачные. Стеклопанель выходила в сад, который никогда не было видно, потому что вокруг всегда царил непроглядная ночь. Возле каждой каменной стены стояла кровать. Пол тоже был мозаичный, и узор на нём представлял собой карту, которую никто не понимал. В центре зала стояла сложная металлическая конструкция: подвешенные к тонким перекладинам изящные половники и черпаки с тягучим перезвоном покачивались над сверкающими соусниками и кастрюлями, в которых кипело что-то, похожее на густой расплавленный шоколад, и серебрилось что-то, похожее на прозрачный сладкий ликёр.

За стеклянными стенами вдруг метнулся и пропал длинный луч света; в этот момент все обитатели зала вдруг повскакивали с кроватей и столпились вокруг агрегата с угощениями. Жанне было тяжело вставать, уши словно ватой заложено, веки опускались, как каменные, но она тоже пошла к агрегату, потому что такое больше нигде не попробуешь.

0

Она была ветром, который летел над кромкой моря. Из моря тучами выбирались плотоядные серые крабы, состоявшие в основном из цепких, как пилы, клешней и стебельчатых глаз, высматривающих добычу. Крабы рвали на части отдохавших на берегу людей, берег тонул в их волнах, они спешили в глубь суши, чтобы разорвать ещё кого-ни-

будь, разорвать всех, но до Жанны они не могли добраться, она была слишком высоко. Она летела вперёд, и постепенно не стало ни крабов, ни людей, а впереди показались отвесные скалы, такой высокой и ровной стеной обрамлявшие море, что мир словно разделился на две равновеликие плоскости: просторы каменные и просторы морские. Жанна устремилась вверх, вдоль каменной глади, и вскоре бьющиеся у подножия волны превратились в крошечный пенно-белый узор по краю гранитного монолита. Она поднялась на вершину скалы и увидела там небольшую пещеру, вернее, выемку – уже над обрывом, но чуть ниже уровня земли...

Здесь в произвольном порядке стояли золотые колонны, которым нечего было поддерживать, и стилизованные статуи людей, похожих на перевёрнутые цветы. Жанна вдруг ясно поняла, что может остаться здесь навсегда. И всегда сможет сюда вернуться. Она будет вечно жить на высоте, над бесконечностью моря, глядя в бездну, не сравнимую ни с чем по красоте, в центре мира, в месте абсолютного покоя.

Жанна почувствовала, что её издёрганная мелочными заботами душа исчезает, а вместе с ней остаётся позади вся никчёмная, тягостная земная жизнь.

0

Потом она увидела гигантскую воронку света. Это была вся вселенная. Звёзды медленно плыли в общем потоке. Жанна узнала свою звезду. Она вспомнила встречу с небес-

ной матерью и поняла, что это была Аура, то есть звезда Бетельгейзе, от которой происходят Сущие – Высшие Я расы кэлюме, и она и есть одна из таких Сущих, и где бы она ни была, её душа всегда пребывает здесь.

Затем перед ней явилось белое небо, а в нём – множество огненных цветов, и она знала, что это – аэропорт, а цветы – космические корабли, то есть альрома. Ей открылись линии полёта этих цветов, мириады дорог, пронизывающих всю вселенную... Она готова была со скукой отвернуться от привычного зрелища, как вдруг в одном из цветков на конце далёкого, почти исчезающего пути ей почудилось что-то знакомое. Она вспомнила, что знала его в детстве; над её головой раскрывались его кипящие серебром лепестки, с ним спорили на непонятном лучистом языке те затерянные души...

«Чалэ», – мелькнуло воспоминание, и Жанна, не успев подумать, закричала во весь голос:

– Чалэ! – и ринулась вслед за кораблём.

1

Вздрогнув, Жанна открыла глаза – она сидела в лаборатории в подвале Чейте, и часть приборов у неё на столе была расплавлена электрическими зарядами, а часть кристаллизовалась и рассыпалась, но Жанна не обратила на это внимания, потому что её мысль побежала вдруг вперёд, вперёд и вдаль над поверхностью земли, и она увидела наконец, где собираются потоки альрома, и странно было, как ей удава-

лось раньше этого не замечать: вот же, в глубине континента, в пещере под землёй...

И тогда она увидела Пульс. Он сидел там, в защитной теплестической капсуле, свернувшийся в бутон, насупленный, и только с одного бока ещё оттопыривался один любопытный лепесток.

«Чалэ!» – крикнула Жанна, машинально вскочив на ноги, – не вслух, мысленно, но так громко, что услышали, наверное, все в замке – хоть и не поняли, что значит этот зов, – она сама почувствовала, как эхо её голоса прокатилось над землёй и достигло Пульса. Он недовольно насторожился. «Чалэ!» – снова крикнула Жанна.

«Я. Кто говорит?»

«Да ведь это я! Ты что, не помнишь? Я, Жанна».

«Жанна?... – неуверенно переспросил цветок. – Дочь Сорвахра и Аллат?»

«Ну да!»

Пульс удивлённо оттопырил ещё один лепесток.

«Вот уж кого не ожидал услышать», – искренне поразился он.

1

Мария, спустившись в лабораторию, застала Жанну торопливо собирающей кристаллы и приборы в специальный, с бархатными ячейками внутри, чемодан.

– Ты чего тут орала? – поинтересовалась она, с удивлени-

ем наблюдая за непривычно взбудораженной подругой. Жанна на мгновение остановилась и задумалась.

– Так. Сон приснился.

Она стряхнула со стола мусор, захлопнула чемодан и накрепко защёлкнула застёжки.

– Собралась куда-то?

Жанна молча присела, словно только сейчас заметила, что куда-то собралась.

– Хочу поехать в одно место, – неопределённым тоном медленно проговорила она. – На некоторое время.

– Ты, как всегда, предельно точна в своих выражениях, – одобрительно заметила Мария. Жанна всплеснула руками:

– Марика, тебе что, всё надо объяснять?.. Говорю же человеческим языком: я отправляюсь искать Пульс!

IV. Страж

1

Павел всю жизнь провёл в грандиозном подземном святилище древних, строго по расписанию выходя на телепатическое дежурство, и был этим очень доволен. Происходившее на поверхности земли его ничуть не занимало, и вампиров, живших среди людей, он искренне считал мутантами, повредившимися умом. Павел происходил из семьи потомственных стражей Пульса, его родители даже носили неземные имена, хотя не были изначальными. Правда, сам он освоить альде так и не сподобился: громоздкий, отмирающий язык, большинству понятий из которого не было в окружающей реальности ровно никаких соответствий, – все эти многоэтажные метафоры казались чьей-то пафосной, но совершенно бесполезной выдумкой. Так же бездумно он относился и к исполнению своих «духовных обязанностей»: требовалось в соответствии с графиком, составленным исходя из расположения светил, или по особому сигналу Пульса появляться в одном из наблюдательных пунктов – лабораторий, уставленных сундуками с кристаллами, – и принимать картины, поступающие с поверхности, – в основном крайне неприглядные и порой категорически не поддающиеся дешифровке эпизоды, по-видимому, из жизни одичавших сородичей. Впрочем, вникать в бушующие страсти не требова-

лось, наоборот, работа считалась эффективной до тех пор, пока удавалось сохранять позицию наблюдателя, но всё равно из-за нагрузки на психику у стражей развивалась высокая профессиональная утомляемость, так что телепаты всё чаще покидали подземный храм, чтобы начать обычную жизнь, с одним условием: скрывать от непосвящённых правду о своём прошлом и о местонахождении Пульса. Некоторые кэлюме, оставив службу, отправлялись путешествовать; другие занимались научными изысканиями, пытаясь разгадать тайны древних. Что касается действующих телепатов, многие жили как в полудрёме, регулярно наведываясь внутрь Пульса, чтобы выловить в волнах альрома какую-нибудь экзотическую грёзу: официально эта процедура предназначалась для реабилитации после дежурства, но фактически «изменение сознания» обрело популярность и превратилось в едва ли не смысл существования подземного храма. Кэлюме, волею судеб, традиции и родословной оказавшиеся в привилегированном положении хранителей альрома, не отказывали себе в удовольствии окунуться в мир фантасмагорических видений, кипевших внутри цветка. Стражи объясняли причудливый эффект наличия у Пульса «как бы сознания» понятиями изначальных о декоративной отделке техники, а сам Пульс считали чем-то вроде особо прочного топливного бака.

Павел принципиально держался в стороне от любых загадок и разгадок. Ни во что не вмешиваться и вообще как

можно меньше делать, а в свободное время отдыхать внутри Пульса – вот был его жизненный принцип. В мире грёз он чувствовал себя в безопасности. Поговаривали, что в альрома попадают и мрачные картины, однако Павел на собственном опыте убедился: настоящий кошмар – это внешний мир с мелочными заботами и глупыми амбициями, а непорочно чистая духовная реальность – единственный надёжный приют для утончённой, разборчивой души. Вот и сейчас он, с чувством выполненного долга сдав смену, втянулся в лепестки альрома и задремал.

3

...и чёрный лес гудел от молний, но это была не гроза. Я слышал мысли стражей, возводивших защитный экран вокруг Пульса. После того, как цветок уйдёт под землю, его невозможно станет ни найти, ни уничтожить, однако сейчас до успеха, похоже, было далеко. Зато, как кровавая стена, приближались «вампиры» Аллат, их беснующиеся души вспыхивали то там, то сям, норовя прорвать оцепление, – по счастью, Пульс успевал вовремя подавать сигналы опасности, и мы блокировали пробуждённых, они плохо видели нас и стреляли больше наугад.

В какой-то момент я заметил её силуэт между деревьев. Она вроде бы и шла на нас, а вроде бы и стояла на месте, – трудно было судить, она напоминала смерч. Насчёт ситуации, если кто-то из нас заметит её, существовали чёткие ин-

струкции. Мы долго колебались, долго искали другие пути, но было принято решение её убить, потому что она сама уже убила многих из нас, и было ясно, что она не остановится. Я обернулся к своему напарнику – для удобства мы работали всегда по двое, кто-то фокусировал внимание на физических действиях, а кто-то контролировал альрома. Он тоже заметил её и застыл в нерешительности, неловко держа арбалет – такими штуками пользовались против нас смертные, а мы раньше даже представить не могли ничего подобного.

– Стреляй! – крикнул я.

Он поднял оружие с выражением ужаса на лице, а потом опустил.

– Не могу, – с отвращением проговорил он.

В этот момент она взглянула на меня своими винно-красными глазами, и меня словно окатило огнём, в котором была эта её обычная гамма – легкомыслие, и угроза, и призыв, и власть. Я понял, что из-за перепалки отвлёкся, и теперь мне казалось, что она движется на меня, словно бежит по воздуху... Не давая себе времени передумать, я выхватил из рук напарника арбалет и выстрелил, не глядя, и серебряная стрела поразила её прямо в сердце. Я сам буквально всем телом почувствовал, как остриё со свистом пронзило тугую человеческую плоть, как закипели вокруг багряные тучи. Заставляя себя ни о чём не думать, я бросился вперёд и успел увидеть алебастровую фигуру в упругих волнах распущенных тёмных кудрей, тяжёлые покатые плечи – по челове-

ским меркам её тело было, наверное, роскошным. Она стояла, вцепившись окровавленными руками в конец вонзившейся ей под грудь стрелы, на её змеившихся губах пенилась кровь, и на лице не было ничего, кроме насмешки над нелепой судьбой и бешенства, как будто она вообще не чувствовала боли и жалела только, что по чисто техническим причинам придётся остановиться. Снова волна жутких переживаний этой души захлестнула меня, жадность до земных страстей, многие из которых мне были даже не понятны, я толкнул её в траву, в последнем разумном порыве сорвал с её пояса мягкую шёлковую шаль и закрыл её лицо, чтобы она на меня больше не смотрела, с силой отвернул её голову, вдавив в землю, выхватил нож и – по милости божьей, это удалось сделать одним ударом – отсёк ей голову.

Только после этого до меня дошёл весь ужас произошедшего, всё злодеяние, хотя мы вроде и сделали то, что хотели. Я никогда и не думал, что именно мне суждено стать убийцей, тем более что за мной предполагались обязанности телепата, когда мы обсуждали всё это. А теперь, стало быть, ничего уже не вернёшь. Я с запозданием понял, что багряные волны отхлынули куда-то, утекли, превращаясь в серебряные. Неужели нельзя было никак без этого обойтись? Не брать на себя убийство? А что, если такое не прощается? Вообще никогда? Может, лучше было самим умереть?.. Может, мы сделали это из трусости? Я сделал.

Я теперь уже не удивился бы, если мои собственные со-

родичи отвернулись от меня. Всё-таки одно дело – обсуждать, и другое – правда убить. Я сам чувствовал себя изгоем. Мне вспомнилась эта дурацкая поездка на корабле, как всё начиналось. Кто бы мог подумать, что всё закончится таким кошмаром?.. Я толком и не знал Аллат, но сейчас вдруг как наяву услышал её беспечный звонкий смех – единственное, что хорошо запомнил. Когда принимали решение повернуть к Земле, меня даже рядом не было, я даже не смотрел, куда мы летим. Заметил только, когда корабль начал падать.

Я бросил нож и сам без сил лёг в траву. Поляну уже обступили робкие силуэты других вампиров. Они с испугом смотрели на куски её тела, словно до них только сейчас, без неё, дошло, что им тоже придётся отвечать за всё, что они натворили, и то, что она внушала им как игру, на самом деле не было таковой. Некоторые из них уже беспокоились о том, как будут возвращаться, и почти все думали одно и то же: «Сорвахр с ума сойдёт».

Мне впервые в жизни захотелось плакать, хотя я не знал, как это делается, и часто удивлялся, глядя на плачущих людей. Мы ведь не были такими. Как мы могли так низко пасть?.. Неужели для этого достаточно было неудачно приземлиться на незнакомой планете? И как незаметно всё произошло!

Кольцо фигур уплотнялось, кто-то подошёл ко мне и неуверенно обнял, глядя на труп.

«Ничего, – услышал я безжизненную, словно оглушённую

мысль. – Может быть, теперь будет лучше».

В этот момент я почувствовал движение альрома. Пульс опускался под землю. Эксперимент с возведением защитной капсулы завершился. Мы могли возвращаться на базу.

3

Тело «Рады» после недолгих дебатов передали нам. В отсутствие своей неуправляемой вдохновительницы наши бывшие противники заметно присмирели.

– Мы боимся это везти, – призналась от лица коллектива какая-то женщина, подразумевая труп.

– Сорвахр сойдёт с ума, когда узнает, – безнадёжно озвучил кто-то из мужчин.

– А он и так уже знает, – неопределённым тоном отозвалась какая-то из женщин. – Рада говорила мне... что он предупреждал её... что так случится.

Все снова растерянно уставились на труп.

– Что – «так»? – недоверчиво уточнил кто-то из наших. – Что она погибнет?..

– Ну... Рада так поняла... что вроде да.

Все испуганно покосились друг на друга и на труп. А вдруг она следит за нами откуда-то с небес и отомстит? Или восстанет из мёртвых в виде какого-нибудь монстра? Я поспешно наклонился, завернул тело в плащ, который ради такого случая одолжил кто-то из наших бывших врагов, – никто из стражей не нуждался в человеческой одежде, – и прибрал

к рукам, стараясь ни о чём не думать. Уж лучше растворить это на солнце. Дома, на Бетельгейзе, не было никакой смерти, мы даже не задумывались об этих проблемах, но кто знает, во что здесь превращается душа после такой уродливой агонии оболочки?..

Но когда мы на следующее утро сжигали тело Рады в солнечных лучах, я вдруг подумал, что она, возможно, здесь самая счастливая. Она и те, кто погиб ещё раньше. А больше всех повезло тем, кто испарился на солнце с самого начала. Нас, оставшихся, окружала тьма. Я понял, что нормальной жизни уже никогда не будет.

Да, мы укрыли Пульс, но что с того? Дальше-то что?.. С тех пор мне часто снился один и тот же сон. Я видел женщину, которая мчалась верхом на коне через тёмное поле. Её раздувающееся платье отливало багряным светом, а сумеречное небо за спиной окрашивал блеск зари. Я долго не мог разобрать значение этих снов, пока не понял, что всадница — это Аллат. И она явилась не затем, чтобы отомстить мне, во все нет. Она просто говорила: солнце, хоть и чужой, но тоже свет. Лучше сгореть, чем истлеть. И я как-то раз, в бесшабашном настроении, зачем-то аккуратно оседлал коня, обмотал руки покрепче поводьями, словно боялся свалиться, стегнул животное как следует по шее и выехал на полной скорости на солнце. И не так уж оказалось и страшно. Огненный ветер хлестнул меня в грудь и вынул душу. А тело, кажется, развалилось и сгорело, и было, правда, больно,

но недолго.

1

Павел проснулся и долго не мог понять, кто он (это было странное ощущение, но он чувствовал себя как бы тем существом из сна, и словно бы сон продолжался). Потом он наконец сообразил, что сидит, как всегда, в подземелье. После причудливого кошмара у него остался привкус гари во рту, словно он действительно сгорел на солнце, хотя в реальности он солнца ни разу даже не видел. Было у него какое-то предубеждение против выхода на поверхность в опасное время. Зачем рисковать?.. Он чувствовал приближение ночи с точностью до секунды. Вот через час-другой после того, как угас последний луч, можно спокойно подняться, запасть люмэ и вернуться назад, в родное убежище. На глубину около ста километров под землёй солнце вряд ли проникнет даже в случае сильного землетрясения. Да и условия тут гораздо комфортнее. Техника, испокон веков доступная стражам Пульса, не шла ни в какое сравнение с «цивилизацией» на поверхности. Павел не особо интересовался людвой. Какое могло быть дело нормальному кэлюме до их жалких лацуг (в его представлении дворцы смертных не слишком отличались от трущоб, всё было сделано словно из мишуры) и бессмысленной суеты, которую они почему-то называли «общением» (хотя она почти полностью состояла из мыслей о том, с кем бы переспать и у кого бы украсть денег), когда

здесь, рядом с Пульсом, любую страждущую душу ждали величественные своды овейных легендами храмов, прохладные просторы блистательных пещер и неограниченное количество альрома, в чьих ослепительных потоках водилось столько заманчивых видений?..

Интересно, куда пропали изначальные, от которых остались эти многочисленные подземные города циклопических размеров, возведённые с варварской роскошью и геометрической строгостью?.. Считалось, что первые кэлюме были – выражаясь языком человеческих суеверий – богами... В принципе, немаловажный вопрос, но при мысли об изначальных Павел почему-то всегда впадал в неясное раздражение, словно ему не хотелось что-то вспоминать. Хотя жалеть ему было не о чем, он отлично помнил каждый день своей жизни, которая прошла размеренно и однообразно, чем он весьма гордился. Павел придерживался убеждения, что если ни во что не вмешиваться, проживёшь идеально. Жить надо так, как будто тебя вообще нет. Павел знал, что родители в своё время ещё копались в каких-то архивах, и даже сам честно пытался заглянуть в историю каких-то экспериментов со светимостью Пульса, но у него сразу же разболелась голова, как у человека, который перегрелся на солнце. Павел искренне считал, что Пульс – это машина для поддержания жизнедеятельности кэлюме, оставшаяся с древних времён, такая же необъяснимая, как и сами изначальные. Что там было в ней улучшать, он не понимал, она и так функци-

онировала нормально.

Правда, в эту ночь... Странно, ему действительно и раньше снилась всадница в тёмно-красном платье, и он ещё понять не мог, откуда такой настойчивый образ, а теперь она ему привиделась как бы внутри другого сна, и там это тоже был чей-то повторяющийся сон... При воспоминании о самосожжении на солнце Павла передёрнуло. Впрочем, кошмар привиделся ему в первый и, вероятно, в последний раз. Он понадеялся, что дальше пойдут более приятные сны, глотнул воды – люмэ что-то не хотелось, да не так уж он и любил человеческую кровь, хотя никуда от неё было не деться, – и вернулся в альрома.

3

Я вдруг проснулся на дне какого-то, как мне показалось, океана. Сквозь толщу голубых волн виднелись странные перевернутые города, а за спиной у меня была холодная чёрная глубина. И мне хотелось уйти, раствориться в ней, но я плыл и плыл, пока не увидел солнце и не вспомнил, что я почему-то попал в верхние слои атмосферы той планеты. И вот я как будто чего-то жду, но спускаться не хочется, а уйти нельзя.

Так я плыл и плыл, пока не услышал где-то в отдалении голос, который повторял: «Креон. Креон...» – и я долго не обращал на это внимания, пока не сообразил, что ведь это моё имя и, стало быть, зовут меня.

«Чего?» – квакнул я, неожиданно для себя, довольно сварливо, хотя обычно стараюсь быть вежливым.

«Ничего, – передразнил голос. – Долго ты собираешься здесь висеть?»

«А что? – я слегка поёрзал в атмосфере. – Места вроде хватает».

«Да кому оно нужно, твоё место? – пренебрежительно отозвался голос и перешёл на деловой тон. – Давай-ка спускайся».

«Зачем?» – тоскливо возразил я. Мои худшие опасения подтвердились. Вот и ещё кто-то, кроме меня, считает, что я должен спуститься.

«Есть идея, как отремонтировать Пульс», – строго заметил голос. Я что-то такое припомнил и безнадёжно махнул мыслью.

«Уже всё перепробовали. Не полетит».

«Если бы ты разул глаза, – резонно возразил голос, – то заметил бы, что он изменился. Так что, не хочу тебя расстраивать, но с самоубийством ты поторопился. Впрочем, остальные держались не лучше. Сорвахр оказался сильнее вас всех. Он, по крайней мере, несёт свой крест в полной памяти».

От этих загадочных, на первый взгляд, заявлений передо мной сами собой потекли непрошенные картины, от которых мысли вставали дыбом. Я вспомнил, как мы упали на эту планету, как потом сражались за Пульс... как я убил Радугу и потом покончил с собой. А Сорвахр, значит, всё ещё там?..

О, господи, я думал, это закончилось... Сколько можно переживать один и тот же кошмар?!

«Ты кто?!» – спросил я насколько мог свирепо, хотя опасался, что вот сейчас мне и предъявят долгожданный счёт, по которому я не буду знать, чем заплатить.

«Я – новая душа, пришедшая с нашей истинной родины специально, чтобы помочь. Наша небесная мать знает, что случилось. Вас не оставят. Я соберу души, которые потерялись здесь, и мы вернёмся».

«А если не получится?» – подозрительно спросил я.

«Получится. Я же сказала, вас не оставят. Здесь уже много новых душ. И будут прибывать ещё. Если понадобится, мы поднимем всю эту планету до уровня нашей звезды, а потом опустим обратно. Но пока таких кардинальных мер не требуется, – мне показалось, что голос улыбнулся. – Мы просто должны поддержать Пульс. Мы поднимемся в своём сознании над всем, что пришлось совершить на этой земле. Кэлюме и альрома связаны. Когда светимость расы восстановится, Пульс освободится».

Я сомневался. Всё это красиво звучало, но... не лучше ли вообще ничего не делать?..

«Ты не можешь простить себе убийство Аллат, – грустно сказал голос. – Я понимаю. Но ты можешь отдать долг. Я – её дочь».

Я так и замер с разинутыми мыслями. Мне смутно припомнилось какое-то причудливое существо, не то кэлюме,

не то человек, которое нередко оставляли поиграть возле Пульса безалаберные родители. Мы не обращали на девочку особенного внимания, да и родители, по-моему, тоже.

«Так это ты – та самая зверушка, что родилась у Сорвахра и Аллат?» – вне себя от удивления ляпнул я.

«Сам ты зверушка, – фыркнул голос. – А я – первая рождённая кэлюме на земле. Поэтому я сильнее вас, изначально. У меня иммунитет, а вы давно на куски развалились. И если я вас не соберу – рассыплётесь в пыль», – многозначительно добавила она.

Тут я заметил, что воздух передо мной стал как бы сгущаться, переливаясь серебром. Из сверкающего марева проступили тонкие руки, выющиеся волосы, потом и весь хрупкий силуэт... – да, по здравому размышлению, Жанну трудно было назвать зверушкой, её огромный, почти непрозрачный ореол напомнил мне океан серебра в недрах Бетельгейзе... Внезапно яркие глаза полыхнули на меня, как звёздные лучи, и меня как будто что-то сдёрнуло на землю.

1

Павел проснулся и долго не мог понять, кто он. Это было странное ощущение, но он чувствовал себя как бы тем существом из сна, а потом понял, что так оно и есть. Он смутно припомнил свою земную жизнь в качестве стража, а потом и предыдущую, когда был изначальноным... Боже, как давно это было!.. А потом он, выходит, сам перестал верить в соб-

ственное существование!

Из темноты перед ним выступил серебристый силуэт. Теперь он лучше разглядел Жанну. Высокая стройная девица с пепельными кудрями чуть ли не до пола и чопорно поджатыми бледными губами деловито подбоченилась.

– Короче, – глуховатым бесцветным голосом сообщила она. – Хватит распускать нюни.

1

– Территория святилища строго охраняется от чужаков! – встревожено бубнил Павел, опасливо провожая бесцеремонную гостью окольными путями в необитаемую часть подземных пещер, окружающих Пульс. – Сюда не допускают непосвящённых!

– Сам ты непосвящённый, – усмехнулась Жанна, вольготно плывя вслед за ним по воздуху, как волны серебряного света. – Мы с Чалэ договорились о встрече.

В принципе, сил Павла, даже если не считать новых, не вполне освоенных энергий, пробудившихся в результате злополучного откровения – он всё ещё с трудом увязывал своё привычное мышление со шквальными видениями откуда-то из верхних слоёв атмосферы – хватало на то, чтобы замаскировать несанкционированные перемещения непонятно кого по святилищу, но Жанна, по его мнению, могла бы помочь, или по крайней мере держаться менее беспечно; складывалось впечатление, что ситуация её забавляла.

– Как ты вообще сюда попала?

– Секрет фирмы, – усмехнулась Жанна из-под потолка. –

Ты так не сможешь.

Павел тяжело вздохнул. Жанна оживилась – место показалось ей подходящим – и по такому случаю даже осела на пол.

– Ты хочешь сказать, что знаешь о Пульсе нечто... что Пульс – не совсем то, что мы о нём думаем?..

– Разберёмся, – деловито кивнула Жанна, осматривая пещеру.

– Что ты собираешься делать?

– Я буду говорить с Пульсом, – глубоко посаженные глаза цвета тёмного серебра скользнули по его лицу. – А ты будешь делать то, что я скажу. В частности, сейчас ты проследишь, чтобы мне никто не мешал, – в складках скромного дорожного платья обнаружился роскошный многозарядный пистолет. Жанна вручила его Павлу рассеянным жестом человека, мысленно уже переключившегося с текущих мелочей на предстоящую серьёзную работу, и поплыла по воздуху в глубь каменного лабиринта.

– И долго ты собираешься там сидеть? – крикнул ей вдогонку Павел.

– Сколько потребуется, – буднично отозвался голос, и Павел даже удивился, как ему самому не пришёл в голову такой простой ответ.

Жанна почувствовала Пульс ещё издалека, и почти не обращала внимания на бубнёж своего занудного проводника. Мысленно она уже листала огромные пласты энергий и памяти, приближавшиеся к ней, как длинная вереница сверкающих жизней, как распускающиеся лепестки мистического цветка.

0.

Потом она оказалась в комнате, которую окружал лес. В камине горел огонь, на полу лежал пушистый коврик, старинное глубокое кресло стояло возле низкого узорчатого столика, на котором ждала бутылка красного вина и до половины полный бокал, но Жанна чувствовала, как под полом скребутся узловатые ветви. Эта комната существовала отдельно, без дома, прямо среди деревьев, и её качало, как на волнах; лес шумел, какие-то особенно настойчивые ветви полезли в окно, разбили стекло, и осколки с хрустом посыпались на пол. Жанна не стала даже подходить к столику, вместо этого она распахнула дверь, и комната сразу исчезла.

0

Её потянуло куда-то вперёд и вверх, Жанна плыла среди деревьев и чувствовала, что её руки превращаются в ветви. Она зазмеилась чёрным плющом вокруг какой-то затерянной в лесу мраморной статуи, потом зашелестела по корням деревьев мхом и низкими кустами диких ягод, а потом врос-

ла в землю.

Жанна стала пускать корни, она превратилась в стебель и начала давать побеги, и почувствовала бег сока, и созревание семян, и цветов... И в какой-то момент она ощутила всю планету, в которой прошлое, настоящее и будущее, и смешение народов и эпох, и распад цивилизаций, и созревание новых, и леса, и океаны, и рост и кипение идей было ни чем иным, как превращением вещества.

6

«Привет, Жанна».

«Чалэ?»

«Да. Как добралась?»

«А я добралась?»

«Естественно».

«Хм... Нормально».

Пульс помялся, потом вздохнул. Жанна слегка удивилась.

«Какие новости?»

«Ты мне скажи».

«Какого лешего ты спрятался в подземелье? Что вообще происходит?»

Пульс снова вздохнул.

«Ты в принципе кто?» – насела Жанна.

«Наверное... надо начать с начала», – осторожно предположил Пульс.

«Ну уж начни откуда-нибудь, – буркнула Жанна. – А то

меня там ещё этот остолоп ждёт. Ну, из тех, которые тебя охраняют».

Пульс вздохнул.

«Не волнуйся. Я придержу стражей».

«Так кто ты всё-таки такой?»

И Пульс начал длинное, запутанное объяснение. Он – цветок альрома, проводник света. Для него весь космос – всё равно что земля, в которой он растёт, ему доступны любые уровни реальности, какие только могут быть. Но вот беда – действовать он совершенно не способен, только воспринимать и записывать информацию. Он – хранитель памяти, но для того, чтобы собрать данные, пережить опыт, он вынужден обращаться к другим существам – тем, кто способен ограничивать своё сознание, фрагментироваться, воплощаться, выступать на разных уровнях реальности в разных своих проявлениях...

«Понятно?» – уточнил Пульс.

«Пока не очень», – честно призналась Жанна.

Короче, ему захотелось пожить на планете Земля, посмотреть, как там и что. Для этого он обратился к расе кэлюме, звёздным жителям, которые часто использовали альрома для космических путешествий. Он договорился с Высшими Я своего будущего экипажа – Сущими, что они на нём полетят. План состоял в том, что изначальные частично смешаются с местным населением, попривыкнут к земным реалиям, а потом Пульс поможет им восстановить целостное,

чистое сознание, и они все вместе благополучно отбудут во-
свояси.

Однако опыт оказался травмирующим, и теперь вырисовывается вероятность, что все участники эксперимента, кроме самого Пульса – тут Пульс ещё раз душераздирающе вздохнул – погибнут на этой планете.

«То есть Сущие, разумеется, останутся в целости и сохранности, – поспешно прибавил он. – Они наблюдают за ходом эксперимента так же, как и я. Но их души, созданные специально под этот полёт...» – тут Пульс окончательно пригорюнился и умолк.

«Отлично, а я кто – душа или Сущее, как ты там сказал?» – внесла провокационный вопрос Жанна, усиленно шевеля мозгами. Пульс слегка оживился.

«Ты – душа, которая практически полностью восстановила связь со своим Высшим Я, – обрадовал он её. – Ты способна выходить на уровень коллективного сознания расы, а через него – на планетарный и космический уровень. Ты даже говорила с самой Бетельгейзе», – уважительно добавил он.

«Да?» – Жанна наморщила лоб.

«Небесная мать», – напомнил Пульс.

«Ты слышал?...» – удивилась Жанна.

«Конечно. Я же говорю: я всё записываю. Для меня нет ничего недоступного. Твой прорыв уникален. Мы гордимся тобой».

«Кто это мы?»

«Ну, остальные участники экспедиции».

«Погоди-ка... Разве на нашем языке эта звезда тоже называется „Бетельгейзе“?..»

«Космический путеводитель – единый для всех, – снисходительно отвлёкся на постороннюю тему Пульс. – Иначе география увязла бы в местных диалектах. Поверь, слово „Земля“ тоже не земляне придумали...»

«Но планета назвалась Реей», – вспомнила Жанна.

«Правильно, – терпеливо пояснил Пульс. – У каждого Высшего Я есть своё, личное имя. Познакомиться с планетой или звездой – великая честь. А путеводитель – стандартный».

«О'кей, вернёмся к основной теме, – запуталась Жанна. – Мы говорили о других участниках... А как у них с прорывами?»

Пульс снова вздохнул.

«Глухо, – признался он. – В настоящий момент мы валим эксперимент вчистую... Почти все души ушли в перерождение и так раздробились, что стали хуже местных... По счастью, коллективное сознание человечества пока поддерживает это противостояние „людей“ и „вампиров“... Ты говорила с Эрнауэре...»

«Какой-то неорганический маньяк, – при воспоминании о кровожадном камне Жанна вздрогнула, – даже не думала, что такие бывают...»

«Он состоит из магмы, Жанна, – примирительно пояснил

Пульс. – В его родном мире практически невозможно умереть – ни естественно, ни насильственно. Травма, особенно смертельная, считается там пикантным удовольствием. Если кому-то удаётся причинить себе или другому вред – такой удаче завидуют».

«О, боже, – Жанна закатила глаза, – нам бы его проблемы».

«Поверь, он то же самое думает о нас, – рассмеялся Пульс. – Короче говоря, он всячески приветствует конфликты, войны и, по возможности, смерть, сопряжённую с нанесением разнообразных травм. Но вот для кэлюме это совершенно неподходящий опыт... Сознание расы распадается с такой катастрофической скоростью, что, боюсь, через некоторое время потерявшие души даже не смогут удержаться на Земле: их разнесёт по всей Солнечной системе, и как потом собирать – непонятно. Впрочем, мы пока пытаемся этого избежать. Но как восстановить в душах память об их истинной природе, как снова поднять их к звёздам?..»

«Постой, но ведь для того, чтобы подняться к звёздам, мы должны починить тебя», – возразила Жанна.

«Видишь ли, тут вот такая штука... – Пульс немного замялся. – Я – лично я, альрома Чалэ – могу улететь с этой планеты в любой момент. Не развоплотиться – это и так понятно – а именно улететь, по воздуху. Авария была инсценирована мной по договору с Высшими Я экипажа, Сущими, которые сами приняли решение исследовать планету в таком

вот экстремальном режиме. Понимаешь, на каком-то определённом уровне это – игра. Которая на некотором другом уровне игрой быть перестаёт...» – Пульс примолк, встревоженный молчанием Жанны.

«То есть ты что, хочешь сказать, что никакой аварии не было? – с усилием включилась в обсуждение новостей Жанна. – И мы, все мы, можем улететь отсюда в любой момент?»

Пульс виновато вздохнул.

«В том-то и дело, что нет. Я же сказал: я – могу. В данный момент ты – тоже можешь. В самые первые века, во времена изначальных, улететь могли все, но я сделал вид, что это невозможно. Они должны были раствориться среди людей, это было условие игры, понимаешь? Ожидалось, конечно, что их сознание нарушится, но я на то здесь и присутствую, на то и веду запись. Мы – то есть я и Сущие – планировали, что некоторое время спустя я вмешаюсь и начну давать информацию, пробуждать воспоминания, в общем – возвращать к свету. И все мы, с новыми силами, со знаниями об этом необычном, недоступном ранее мире покинем эту планету».

«Но?» – подсказала Жанна голосом, который помимо её воли получился недовольным.

«В принципе, похожий вариант и сейчас возможен, – мягко ушёл от прямого ответа Пульс. – То есть сейчас, глядя на тебя, я начинаю думать, что он возможен, – признался

он, – потому что ты делаешь именно то, чем, по плану, должны были заниматься изначально... Никто не ожидал, что связь с Высшим Я нарушится вплоть до полной потери памяти, до расщепления душ, до смерти и перерождений. Но в какой-то момент просто лавина какая-то пошла, души посыпались, как карточные домики, и буквально в несколько десятилетий, вскоре после смерти твоей матери, связь с истинной реальностью оборвалась практически у всех, причём очень грубо. Ты видела Креона, вот яркий пример: эта душа покончила с собой, после чего впала в протрацию на века. Существу с трудом удалось вернуть в земной мир лишь небольшую часть души, ту самую, что сейчас караулит мой физический корпус, а основная часть зависла на орбите в полном бездействии. Остальные – не лучше. Большинство перерождаются, но... ты сама их видела».

«А мой отец? – вдруг вспомнила Жанна. – Он – последний изначально. Значит, он может улететь с тобой?»

«Может, – поколебавшись, сдержанно признал Пульс. – Но его отбытие станет приговором для всех остальных».

«Почему?» – изумилась Жанна.

«Сорвахр – последний, кто несёт в себе полный, изначально геном расы кэлюме на Земле. Из-за этого его сознание работает с ужасными искажениями, но для распадающихся душ, для Сущих, для меня, именно Сорвахр – лучший и, возможно, единственный шанс, что ход эксперимента ещё удастся исправить. Угаснет эта, последняя память – и, скорее

всего, начнётся необратимое переваривание расы земным миром, растворение кэлюме среди людей – вплоть до полного слияния. Ты знаешь по себе, насколько быстро идёт мутация. Посмотри, как выглядишь ты, рождённая от изначальных, и как выглядят остальные – внешне их уже не отличить от людей, ну, правда, они чуток посимпатичнее. Ты ещё помнишь времена, когда в Чейте было полно техники, – где она сейчас? Ты сама порой пишешь при свечах гусиным пером! Срок жизни кэлюме сокращается, сознание деградирует, каждое новое поколение ближе к людям, чем предыдущее. В таких условиях Сорвахр несёт на себе колоссальную нагрузку. То, что для других кэлюме уже стало «нормально», для него по-прежнему ужасно, ты не можешь представить себе, насколько, ведь он-то помнит совсем другую жизнь. Странно, что так получилось... Понимаешь, когда составляли план – я имею в виду Суших – предполагалось, что он вообще ничего не будет делать, Сорвахра брали как наблюдателя. Его имя на альде означает «око будущего мира», он был провидцем на Бетельгейзе. Никто не рассчитывал, что придётся забивать скрипкой гвозди... Но, как теперь уже – задним числом – приходится констатировать, видимо, именно его сильная связь с духовным миром Ауры и стала причиной, по которой он – единственный, кто ещё помнит о своей истинной природе.

Как это ни прискорбно и вместе с тем ни удивительно, он сохраняет память отнюдь не из каких-то высших побужде-

ний типа спасения расы, в которое – в своём нынешнем состоянии – ни на секунду не верит. Просто земной мир остался для него чужим. Абсолютно неприемлемым, невыносимым. Он бы давно выбрал смерть, как это сделали – в той или иной форме – другие изначальные, но утрата памяти для него хуже, чем жизнь в отчаянии, без малейшей надежды. Его интуиция провидца подсказывает ему истинное положение вещей. Он догадывается, что его нынешние сородичи – это и есть бывшие изначальные, что смерть – не выход. Субъективно он чувствует себя в вечной ловушке, в кошмарном сне, от которого не будет избавления никогда. Духовная вселенная представляется ему одним сплошным предательством, обманом. Поэтому он – на непосвящённый взгляд – ведёт себя несколько неадекватно», – дипломатично намекнул Пульс.

«Да уж», – вздохнула Жанна. Она вспомнила, что нередко ловила себя на самом настоящем отвращении к отцу; он отличался таким бессмысленным изуверством, что его просто невозможно было не обвинять. Теперь ситуация рисовалась Жанне в несколько непривычном свете.

«Всё, что он делает, происходит по договору с коллективным сознанием кэлюме и людей, а также Реей, – сочувственно, но твёрдо продолжил Пульс неприятную для Жанны тему. – Именно в этом состоит уникальность его миссии. Никакого прямого контакта с Высшим Я у него, конечно, давно нет. Но остался – это как раз и есть самое поразительное –

неосознанный, интуитивный. Даже когда его поступки не соответствуют никакой видимой целесообразности, на самом деле он действует в гармонии с высшим планом развития расы и всей планеты, хотя сам этого не знает. Он – единственный из всех кэлюме – никогда, ни на кого не нападает без причины, без глубинной на то необходимости, продиктованной не его личными предпочтениями, а запросом той, другой души. Поскольку он сохранил изначальную память всей расы, он интуитивно понимает программу и задачи всех кэлюме, хотя они сами об этом забыли – вот в чём ценность его пребывания на Земле, как бы неприглядно это ни выглядело со стороны. Специально он, конечно, об этом не думает, по крайней мере в бодрствующем сознании. Но, Жанна, твои способности к сновидению – дар тебе от этой души, – Пульс улыбнулся впервые с тех пор, как заговорил о Сорвахре. – Тебя создавали специально под эту миссию, хотя, признаться, никто особо не верил, что удачно получится... Это была идея Аллат – родить кого-нибудь, кто нёс бы в себе и земное, и звёздное сознание, и, помню, – Пульс снова улыбнулся, – по тем временам это сочли чуть ли не кощунством...»

«Я им покажу кощунство! – возмутилась Жанна. – Кэлюме недоделанные».

Пульс рассмеялся.

«Да, ты молодец, – признал он. – Ну так вот, насчёт отбытия с планеты... Пока на уровень развития, который позволил бы вернуться ко мне и выйти в космос, вышла только ты.

Ты объединила в себе память о земной жизни и высшее знание, ты даже разговаривала с самой Аурой отсюда, с Земли, — и всё же вернулась, за что я тебе премного благодарен, потому что в тот момент у тебя действительно была возможность покинуть эту планету навсегда и забыть всё, что здесь происходило... Однако сейчас вопрос состоит в том, сможет ли кто-нибудь из перерождённых повторить твой подвиг?... Эту тему нужно отдельно обсуждать с душами расы и составлять под такое дело новый план».

«То есть нам нужно подняться к этим самым Сущим?»

«Да...»

«Как-то ты не очень уверенно говоришь».

«Если хочешь, можешь остаться здесь. Я сам с ними встречусь и потом передам тебе решение...»

«Почему это? Если я поднялась до Ауры один раз, то и второй поднимусь».

Пульс вздохнул.

«Я боюсь, тебе будет трудно не подняться, я спуститься потом обратно, — признался он. — Подумай, ты встретишь там тех, кого знала с детства. Тех, о ком сохранила только неясное, но светлое воспоминание... Ты встретишь своих родителей, и они будут не теми чёрствыми эгоистами, какими ты знала их при жизни, а совершенными, бесконечно любящими существами. Я легко пойму, если ты не захочешь возвращаться ко всей этой грязи...»

«Другими словами, ты опасаясь, что я тебя тут брошу?

И не только тебя, но и всех, о ком ты там говорил: родителей, изначальных и так далее. Вернее, их души?»

Пульс поколебался.

«Жанна, для таких случаев существует одна хитрость, – осторожно предложил он. – Ты должна поклясться, что вернёшься в земной мир. Дело не в том, что я тебе не доверяю, твою свободную волю всё равно ничто не ограничит, просто выбор, сделанный заранее, станет чем-то вроде маяка, и тебе будет проще переключиться. Ещё: будь готова к тому, что сфера Высшего Я – очень высокая. У тебя сохранится только самое схематичное воспоминание о ней».

«Клянусь, что вернусь на Землю», – скучающим тоном подытожила Жанна его кудахтанье. Пульс снова вздохнул, на этот раз немного укоризненно и немного довольно.

«Ты неисправима, – констатировал он, после чего встрепенулся. – Ну что ж, приступим».

7

Кэлюме (бурная радость).

Ио (слегка обалдев):

– Привет.

Кэлюме (бурная радость):

– Жанна, ты молодец! Мы за тобой наблюдаем!

Ио:

– Ага. Спасибо.

(Пауза).

Ио (неуверенно):

– Ну, чего будем делать?

Латану (деловито):

– Ладно, давай я тебе сразу объясню, как устроен мир.

Тем более что первый, кого ты видела в общерасовом геноме, был я.

Ио (с сомнением):

– Разве?

Латану:

– Да, но об этом позже. Сначала о геноме. Ты знаешь, что это такое?

Ио (честно):

– Нет.

Латану:

– И не надо. Важно, что память – это, на определённом уровне, и есть реальность. Так вот эта память-реальность и работает как геном. Понятно излагаю?

Ио (поразмыслив):

– Не понимаю, как это можно операционализировать.

Латану (ласково):

– Операционализировать – это как раз и есть самое сложное. Дело в том, что геном характеризуется бесконечной мерностью. В нём можно жить и умереть сколько угодно раз. Вот после того, как у тебя это получилось, считай, что операционализация состоялась.

Ио (подозрительно):

– А у вас с этим как?

Латану (снисходительно):

– Нормально. Давай поясню на примерах.

Ио (с облегчением):

– Хотелось бы.

Латану:

– Возьмём твои эксперименты. Тебе случалось проживать эпизоды чужих жизней.

Ио (сосредоточенно):

– Было дело.

Латану:

– Это уровень генома расы. На самом деле, довольно поверхностные слои – так называемые перерождённые души. Хотя тебе приходилось встречать и более глубокие потоки – где всё виделось таким расплывчатым, сияющим?

Ио:

– Да, мне всегда казалось, что это что-то особенно близкое...

Латану:

– Это память изначальных, ещё не фрагментированных душ. Отсюда ощущение цельности и полноты бытия, которое возникает на этом уровне.

Ио (грустно):

– Понятно.

Латану (мягко):

– Целостность душ можно будет восстановить. Далее...

Ты видела духовную реальность других рас, Великих Спрутов, например. Да и людей... Это чужой геном. Потом, существует ещё уровень планет и светил... всё это, в каком-то смысле, заключено одно в другом, похоже на матрёшку. К примеру, Великий Спрут – это коллективное сознание головоногих, а Океан – это уже планетарный уровень, хотя они отчасти одно и то же, – примерно понятно?

Ио:

– Смутно...

Латану (со вздохом):

– С практической точки зрения, ключевая особенность генома состоит в том, что часть его – вполне определённая, а часть при этом – уходит в бесконечность. Это как точка, которая с виду – проще некуда, а на самом деле – пустота. Представь, вот рисунок, состоящий из множества точек, и он выглядит, как некая сплошная, вполне осмысленная, красочная картина, как нечто единое. Это и есть ткань реальности. Картина мира. А теперь представь, что каждая из этих точек, в другом измерении, живёт своей невидимой, отдельной жизнью. И если развернуть все скрытые уровни, то вместо маленькой картины у нас получится большой взрыв. Это и есть геном всего сущего. Память, вполне определённая, но уходящая в бесконечность.

Ио (осторожно):

– И?..

Латану (пожав плечами):

– И это означает, что с уровня истинной реальности можно сделать всё, что угодно.

Ио (уважительно):

– Солидно звучит. Но?..

Латану (со вздохом):

– Но этот уровень трудно запомнить.

1.

Павел сидел в подземелье, то бездумно заглядывая в дуло пистолета, то шаря мыслями по окрестностям. Если сейчас кто-то появится – что он скажет? А не было ли ошибкой с самого начала привести к Пульсу неизвестно кого, неизвестно зачем? – вдруг обомлел он. До него только сейчас начало доходить, что всё произошло словно в каком-то наваждении. Что он видел?.. И почему? Неужели правда, что он и есть изначальный, какое-то неземное существо, которое дожидалось на орбите неизвестно чего, потому что...

3.

...убил Аллат. А где сейчас остальные изначальные? Неужели Пульс ещё можно поднять?.. Что вообще происходит? Он припомнил свои – то есть своей подсобной души – наблюдения за поверхностью земли... Господи, прошло, наверное, уже несколько веков. Да, «вампиры» всё те же... Пульс закрыт, отгорожен намертво. Что же он, просидел всё это время в подземелье, без всякой связи с...

1.

...Наверху промелькнула исполинская тень – вдалеке, на краю восприятия, но Креон сначала инстинктивно отшатнулся, потом машинально убрал свои мысли с поверхности, и только потом, преодолев дрожь ужаса и тщательно, глубоко запрятанной вины, задумался. Он узнал этот жуткий образ, хотя, казалось, узнать было невозможно. Значит, Сорвахр ещё жив. А больше никого?.. Лучше не рисковать с розысками без Жанны. Она вернётся и расскажет... Кстати, что она задумала? Креон поудобнее перехватил пистолет, проверил – всё правильно, серебряные пули... Его задача – взять под контроль подземелье, и никто сюда не пройдёт прежде, чем Жанна завершит встречу с Пульсом. Как изначальный, он напугает апатичных и безынициативных стражей одним своим видом, если появится в естественной форме... Креон почувствовал, словно куда-то поднимается, и рассеянно взглянул на свободную руку – очертания тела менялись, растекались, тонули в широких синих и серебряных лучах, потолок пещеры, который прежде терялся где-то в высоте, сейчас казался низким, а темнота, где только что отчётливо виделся каждый камешек, закачалась и загудела. Креон вспомнил о пистолете, осторожно засунул его в какую-то щель и тут же о нём забыл. Ему стали слышны голоса: Жанны и ещё чьи-то.

Латану:

– Чалэ уже сказал тебе, что прямая связь с Высшим Я прервалась почти у всех, то есть наши души отделены от нас, от своих, так сказать, создателей. Ситуация прискорбная, но мы пытаемся извлечь из неё пользу. В частности, мы изучаем различные, условно говоря, жизненные сценарии, энергетические возможности перерождённых душ, потому что никогда не знаешь, что пригодится. Дискретность пространства-времени и всё такое... Ты сама, наверное, знаешь, что твоё рождение не приветствовалось.

Ио:

– Ну?..

Латану:

– Ну и чудим, кто во что горазд. Я, например, – «проклятие Варна».

Ио:

– В смысле?

Латану:

– Хочешь детективчик? Проследи за историей моих трагических жизней и безвременных кончин. Мои души рождались в одной и той же семье, из поколение в поколение. Все они были пробуждёнными. По достижении некоего достаточно зрелого возраста один мужчина и одна женщина в роду, независимо друг от друга, превращались в кэлюме. У бедолаг это стало известно как «проклятие рода Варна».

У меня тут целое генеалогическое древо моего «проклятия» с ветвями, уходящими в самые разные отсеки памяти уважаемой планеты Земля. Некоторые истории дотянулись до эпохи, когда материки оказались полностью покрыты льдом, а люди переселились на искусственный спутник – Вторую Луну... Представляешь, какую сенсацию произвело появление вампира среди немногочисленных выживших на космической станции! Знатная паника поднялась. Хотя мы, Сущие, стараемся избегать крайностей, а то недолго и вообще с планеты вылететь... Обычно мы держимся самых густонаселённых уровней реальности и работаем, по возможности, в рамках своей расы, мы ведь всё-таки в гостях. Убиваем преимущественно альтернативные версии самих себя, хотя всякое, конечно, случается, но у нас есть договорённость с коллективным сознанием человечества.

Ио:

– С Эрнауэре?

Латану:

– Да. Кстати, твой головоногий друг, пользуясь случаем, передаёт привет. Он сидит сейчас в Океане и глубоко недоволен тем, что ты куда-то смылась, а ведь обещала посидеть и посплетничать.

Ио (виновато):

– Передайте Ло, что я ещё обязательно к нему сплаваю.

Латану:

– О'кей... В общем, если мне не изменяет память, тебе

встречались кое-какие мои души. Сейчас, тут где-то у Чалэ были записи...

Ио (радостно):

– А! Малахольный наркоман и гламурное кисо!

Латану (обиженно):

– Всё как у людей...

Ио (неуверенно):

– Кстати, они, по-моему, и были людьми.

Латану (наставительно):

– Правильно, они ещё не прошли перерождение. Их предки – ты видела родителей в их воспоминаниях – это были муж и жена, пробуждённые кэлюме... Женщина, к сожалению, повредила умом: это она опрокинула на себя керосиновую лампу. Её мужа застрелили охотники, а детей – брата и сестру близнецов – раздали в разные семьи... Ты видела их уже по отдельности. Они не общаются, а брат к тому же страдает частичной потерей памяти, он забыл детство... Короче, пока не знаю, как дальше пойдёт. Звёзд с неба мои души не хватают, но они не для того и нужны. Фокус в другом: я открыл механизм перераспределения информации между душами! Допустим, если какая-то из моих душ – к примеру, вот эта Лили – знает светский этикет, это знание на интуитивном уровне присутствует и у всех остальных! И если мы, допустим, сейчас вынем Тео – это её брат – из притона и приведём на приём к английской королеве, он в одну минуту разберётся, какой бокал или какую вилку брать!

Ио (уважительно):

– Хм...

Латану (торжествующе):

– Вот именно! Подсознательная база опыта и знаний – общая для всех душ Высшего Я. Более того: мы работаем над базой, общей для всех Сущих – участников экспедиции на Землю. В принципе, мы и сейчас делимся информацией, можно просмотреть любую из прожитых кем-то из нас жизней, но планируется практически мгновенная передача нужных решений в нужную точку – ты понимаешь, чтобы души не топтались на одних и тех же граблях по нескольку раз... Тогда вся раса сможет действовать, как единое целое!

Ио (растерянно):

– Неплохо...

Латану (непринуждённо):

– Ещё бы! Думаешь, почему твоя Эва запросто ведёт политику двора? У неё в фоновом режиме один король Польши, три короля Трансильвании, по очереди свергнувшие друг друга, несколько Габсбургов в разных поколениях и турецкий военачальник!

Ио:

– Эва?..

Латану:

– О, боже!.. Ну, Мария Надашди.

Ио (потрясённо):

– Марика! И ты здесь?..

Эва (скромно):

– Да, это я...

Ио и Эва (бурная радость).

Латану:

– В общем, это был пример. Я сейчас занимаюсь исследованием пробуждённого сознания, есть и другие варианты... Но в целом перерождённые души ограничивает принцип перераспределения энергии: условно говоря, приходится негативные свойства сбрасывать по одним направлениям, а позитивные возвращать по другим. Равновесия в замкнутой системе. Выглядит это как чудовищная несправедливость: среди моря, условно говоря, посредственностей, а то и полных отморожков, без видимой причины вдруг возникает проблеск, что называется – алмаз в мусорной куче. На самом деле всё это – единая духовная система, порой даже один и тот же Сущий: и жертвы, и палачи, и быдло, и стукачи, и борцы за добро и правду, – короче, вся вапмука. Что там моя фамильная эпопея, у нас некоторые умудряются целые деревни самих себя сжигать армиями самих себя. Сколько народу у нас в борьбе против самих себя за свободу от самих себя безжалостно осуждено на казнь самими собой!.. Мы иногда забываем, кем уже были, а кем ещё нет – по счастью, всё записывается, но, честно говоря, всё чаще возникает ощущение, что где-то я это кино уже видел. Ты, насколько я понял, знакома с Эрнауэре, так вот, именно у него мы и позаимствовали метод, который, насколько я понимаю, он

в свою очередь позаимствовал у животного царства Земли. На Бетельгейзе так не принято, ни о каких «противоречиях» и тем более «насилии» там не слыхали...

Множественность душ позволяет нам получить разнообразный опыт, собрать данные о планете – правда, сейчас пока непонятно, что мы с этими данными будем делать. Как интегрироваться обратно – вот в чём вопрос?.. Эрнауэре хорошо – он строит своё царство света в одном отдельно взятом подвиде обезьян, а мы гоняем собственные фрагментированные души – понимаешь, чем мы рискуем?..

Ио (осторожно):

– И какие перспективы?

Латану (со вздохом):

– Да безрадостные... В настоящий момент – Чалэ, кажется, уже упоминал – осталась только одна душа, способная послужить эталоном многомерного сознания, она в практически нерабочем состоянии, но цела – это Сорвахр. Если не появится других вариантов, то... вырисовывается ситуация, при которой эту душу придётся разобрать на составные элементы чисто технически. Пульс обратится к Рее, и с нарушением так называемых законов природы физического мира произойдёт следующее: душа будет извлечена из тела и передана другим кэлюме, которые к тому моменту образуют вокруг Пульса нечто вроде научной лаборатории, но действующей вивисекторскими методами, в том числе и в духовной сфере. Используя структуру захваченной души, кэлюме су-

меют интегрироваться за её счёт. Но такой метод нежелателен. Потому что, восстановив чистое сознание технически, в ходе эксперимента, смысл которого сами не будут до конца понимать, – ими будет руководить Пульс – они поймут, что натворили, но исправить ничего будет нельзя.

Ио:

– А куда денется извлечённая, как ты сказал, душа?..

Латану:

– Теоретически, её можно попытаться спасти... но практически – уже сейчас понятно, что травма будет слишком сильной. Если бы речь шла о каком-то здоровом, полностью осознающем ситуацию кэлюме – таком, как обитатели Бетельгейзе в своей естественной среде – можно было бы произвести операцию на добровольных началах и потом восстановить душу, послужившую донором, – нормальный кэлюме справился бы даже с такой нагрузкой, но не Сорвахр и не на Земле. У него и так повреждены почти все связи в организме. Он не переживёт. Не то что физически не переживёт – это и так понятно, но его сознание будет разорвано в клочья. Это событие войдёт в легенды. В том виде, что его как бы заживо растерзали ангелы возмездия.

Ио (мрачно):

– Легендарная жизнь – легендарная смерть... Слушай, а сам-то он – я имею в виду его душу – знает о такой перспективе?

Латану:

– Естественно, всё это будет возможно только с его согласия. Другой вопрос, что если вариантов не останется, ему придётся согласиться, так как не болтаться же нам, и ему в том числе, на этой планете вечно.

Ио:

– То есть он знает?..

Латану:

– Ну конечно. Ты что думаешь, он нас сейчас не слышит?

Ио:

– А он слышит?..

Латану:

– Разумеется.

Ио:

– А почему молчит?..

Латану:

– Не знаю... Сорвахр, ты почему молчишь?

Сорвахр (неприязненно):

– А что сказать? Что вы все – идиоты и скоты, попусту теряющие время, пока я жилы рву?

Ио (оживлённо):

– О, узнаю папу... Привет, па! Рада тебя слышать.

Сорвахр (вяло):

– Взаимообратно...

Ио (осторожно):

– А маму можно позвать к телефону?

Аллат (радостно):

– Ах, Жанусик, ну конечно, я тебя отлично слышу и вижу!.. Ты у нас умничка! Вот только одеваешься что-то совсем не модно! Ты бы хоть кружавчиков добавила!..

Сорвахр (хихикает).

Латану (вздыхает).

Ио (озадаченно):

– Да, я вижу, не у всех всё так плохо, как кажется...

Аллат (светски):

– Ну конечно, Жанусик! Я вообще не вижу никакой трагедии в том, чтобы умереть! Ну, умер и умер, с кем не бывает! Правда, Хору, лапушка?..

Сорвахр (неуверенно):

– Да, может быть и так...

Аллат (бойко):

– Жанусик, я уверена, ты что-нибудь придумаешь!.. Но, главное: сделай уже себе какую-нибудь причёску!

Ио (слегка обалдев):

– Ага... Непременно. А ещё есть какие-нибудь варианты?.. То есть, я имею в виду, не насчёт моей причёски, а в плане пробуждения, так сказать... воссоединения... всеобщего обращения к свету?

Чалэ (деловито):

– Именно это мы и хотели бы обсудить с тобой. Понимаешь, варианты всегда есть, вот только желающих реализовать их не найдёшь. Что называется: подавать надежды проще, чем их оправдывать. Я упомянул об этом с самого на-

чала. Я – альрома – способен находиться на всех уровнях реальности одновременно. Я знал всё, что ты слышала сегодня, ещё до того, как мы все вообще попали на Землю. А толку? Вести запись – совсем не то же самое, что действовать, творить... Если бы хоть один кэлюме мог постичь то, что доступно альрома... ну, в общем – мы бы с тобой сейчас не разговаривали. Короче: всё зависит от тебя, Ио! Реальность перерождённых душ сейчас – как та законченная, монолитная картина, о которой говорил Латану. Души не видят выхода. Твоя задача – раскрыть эти точки реальности, разомкнуть их. Тогда из бесконечности вселенной придут и силы, и знания. Лично ты способна подняться очень высоко. Если кэлюме, которые живут сейчас на Земле, смогут хоть на мгновение возвыситься до твоего уровня, – все спасутся.

1

Жанна, увидев Креона, замахала руками.

– О, боже, соберись, соберись обратно в кучу!.. Незачем пугать сограждан.

Креон, помявшись от неожиданности, попытался вернуться в человекообразную форму. Жанна уже плыла к выходу. Креон поспешил за ней, на ходу втягивая непослушные разливающиеся лучи.

– Пистолет заberi, – бросила Жанна через плечо. – Высокая духовность – это святое, но пуля в башку как последний аргумент тоже хорошо действует.

Креон вздохнул, подумав про себя, что в Ио всё-таки отчётливо чувствуется смешанное происхождение, но спорить не стал.

– Какое оно у меня смешанное? – не оборачиваясь, насмешливо возразила на его мысль Жанна. – Мои родители – изначальные.

– Я имел в виду влияние Реи, – вздохнул Креон вслух.

– Так ты слышал? – если Жанна была удивлена или довольна, то её бесцветный голос не отразил этих чувств.

– Да...

– Верно, здесь клювом щёлкать не приходится... И это отличный повод действовать быстро и эффективно, а не болтаться веками на орбите...

– Да что ты меня, через слово теперь будешь этим попрекать? – обиделся Креон и, поколебавшись, сунул пистолет за пояс.

1

– Решено провести смотр сил. Мониторинг, – бойко заявила Жанна, отбывая из убежища стражей в неизвестном направлении. Из её дальнейших распоряжений Креон понял, что она, по-видимому, намерена привезти на следующий контакт с Пульсом какую-то свою подругу, а возможно, и «ещё кое-кого». Креон должен был оставаться в подземном храме под видом Павла – своей «текущей земной души» – и проследить за тем, «чтоб к нашему приезду всё было в по-

рядке», а «в случае чего» советоваться с Пульсом. Слегка оглушённый впечатлениями, Креон засел размышлять.

Он помнил теперь, что по договору Суших с Чалэ именно ему предназначалась руководящая роль, во всяком случае, он должен был сформировать своего рода ось самосознания расы на Земле, оставаться рядом с Пульсом и, когда придёт время, собрать на корабле остальных, обеспечить единство изначальных. На Бетельгейзе он руководил огромной сетью храмов, его имя на альде означало «твёрдый в вере». Креон привык быть духовным правителем и вождём, и ему казалось, ничто не сможет поколебать его веру и нравственные убеждения. Парадоксальным образом, он выполнял сценарий и сейчас, но... складывалось всё совершенно по-другому!..

Сначала многое шло, как и было задумано, падение Пульса не слишком напугало или шокировало его. Но вот к чему он оказался не готов – это к реакции остальных, к тому, что далеко не все предпочтут жить в смирении и духе так, словно ничего не случилось и они на Бетельгейзе. Ужас Сорвахра перед этой землёй, гнев, в который он впал, когда корабль, вопреки его просьбе, отказался повернуть назад... всё это было настолько нетипично для кэлюме, которые жили на Бетельгейзе в глубокой гармонии, без тени тревог... что показалось Креону чем-то абсурдным, даже постыдным. Он попросту не обращал на Сорвахра внимание, а теперь получается, что именно провидец – последний изначальный, благо-

даря которому кое-как перебивающиеся души кэлюме ещё сохранили надежду...

Остальные изначально вели себя немногим лучше. Кто-то впал в уныние, кто-то часами предавался бесплодным сожалениям и вспоминал Бетельгейзе. Но особенно возмутительным Креону казалось легкомысленное любопытство Аллат. Она как будто в минуту забыла, кто она и откуда. Пить кровь? Что ж, это весело и даже интересно! Давненько я ничего не пила! – И потом убийства, как лавина...

Наверное, если бы не Аллат, они никогда не достигли главной, хоть и тайной цели «запланированного падения» – ведь Чалэ хотелось узнать земную жизнь... И вначале, не зная никакой другой жизни, кроме вечной, они поддержали его... Но как теперь выбраться из этой ямы?.. Стоит ли какая-то там «память» таких жертв? Зачем вообще нужна такая память? На кой ляд нужен опыт ныряния в дерьмо?..

Признаться, сородичи его чудовищно разочаровали. Наверное, поэтому он и покончил с собой, а не от чувства вины. Его скорее поразило, что кто-то может дойти до такого состояния, когда его хочется убить. Нужно убить. Когда нет другого выхода. Ему не хотелось жить рядом с теми, кого можно захотеть убить.

На каких таких «уровнях реальности» можно спастись от самого себя?.. Зачем преодолевать в себе это отвращение, эту горечь – абсолютно справедливые!..

«Стоит, – возразила какая-то часть его души почему-то

голосом Аллат. – Потому что всё зло уйдёт, исчезнет в небытии. А всё прекрасное, что мы сотворим, будет жить вечно».

Креон не был уверен в правильности такой позиции, но от этого голоса ему стало легче.

1

Креон ожидал от соседей-стражей определённого, пусть неосознанного, противодействия: заметят же они рано или поздно, что он изменился, да и к повторному визиту Жанны следовало, вероятно, провести какую-никакую «идеологическую подготовку» – правда, не совсем понятно, в чём она должна заключаться: обещать всем царствие небесное? призывать задуматься о своей жизни? пропагандировать погружение в скрытую реальность? – но обитатели подземного храма, казалось, сами слегка изменились. Вероятно, тайная активность Пульса не прошла даром: общество, в последние десятилетия совсем сонное, незаметно оживилось. Стражи без видимой причины вспомнили, что такое беседы и споры, совместные прогулки под самоцветными сводами храмов и работа в архиве, вспомнили даже, что «вампиры» с поверхности земли – вообще-то их родственники. Возобновились дискуссии на тему «что делать?» (раньше все соглашались на том, что для счастья вполне достаточно не делать ничего). Креон со дня на день ждал возвращения Жанны – однако никто так и не объявился.

Поначалу Креон был этому даже рад: он по-прежнему

считал, что в бездействии, как ни крути, есть свои несомненные плюсы. Потом он счёл, что подземное общество уже вполне достаточно мобилизовалось, чтобы воспринять новые веяния, откуда бы те ни поступили. Наконец, мелькнула мысль спросить о Жанне у Пульса, но Креон во время «откровения высших миров», помимо собственной прошлой (настоящей? параллельной?) жизни на Бетельгейзе вспомнил и ещё кое-что: альрома были невероятно хитры и замкнуты. Именно поэтому расе кэломе, обитавшей бок о бок с альрома на протяжении тысячелетий, так и не удалось толком узнать о мистических цветах ничего кроме того, что они готовы служить в качестве транспортного средства.

Таким образом, оставалось только ждать событий, и Пульс, вероятно, сам того не желая, полностью подтвердил мнение Креона об альрома: он ни с того ни с сего вдруг распустился.

Такого не бывало со времён изначальных; во всяком случае, для стражей неожиданное преобразование «топливного бака» оказалось самым ярким событием текущей жизни, в которую тут же, впрочем, хлынули прошлые, соседние, высшие и новые; картина мира рассыпалась на множество фрагментов, чтобы сложиться вновь, обрести немислимый доселе объём и окраситься в устрашающий, но волнующий цвет. В одно незаметное мгновение, когда обитатели подземного храма рассеянно сидели мыслями среди далёких снов, а «вампиры» наверху вообще ни о чём не думали, цветок па-

мяти раскрылся – и все души захватила багряная симфония крови, боли и страха, и страсти к жизни, и света.

7

Ио (мрачно):

– По-моему, итоги проверки неутешительные. Пробные прогоны действующих на данный момент душ показали, что интегрироваться со своим Высшим Я смогли только двое: Эва и Креон.

(заглядывая в записи Пульса)

При определённых усилиях смогут, полностью или почти полностью, собраться ещё несколько душ... трое – из числа стражей и четверо – из числа новых Суших, рождённых уже на Земле... это не считая меня.

Чалэ (деликатно):

– Таким образом, новые души спасутся все.

Ио (рассеянно):

– А толку? Наша задача – поднять изначальных, то есть полноценно завершить эксперимент...

Чалэ (со вздохом):

– Сейчас приходится признать, что для этого просто не хватает производственных мощностей.

Ио (строго):

– Варианты?

Чалэ (виновато):

– Либо продолжать запрашивать новые души с Бетельгей-

зе. Пока они не перевесят тех, кто завяз. Но такой путь, признаться, чреват недоразумениями с Реей. До каких пределов придётся расползтись вампирской популяции?.. Планета ведь не резиновая. Удельный вес наших душ должен оставаться в разумных пределах.

Ио:

– Другие варианты?

Чалэ (более уверенно):

– Можно попробовать уравновесить ситуацию из другой ветки реальности.

Ио (с любопытством):

– Это как?

Чалэ (с готовностью):

– Сначала отыграть как получится. А потом вернуться и переиграть.

Ио (задумчиво):

– Это возможно?

Чалэ (скромно):

– Это такой ход конём. Прошрое и будущее – весьма относительная штука.

Ио:

– То есть можно, грубо говоря, умереть, а потом вернуться...

Чалэ:

– ...и жить дальше.

Ио:

– И что конкретно мы предпримем?

Эва:

– Предлагаю, во-первых, немного поработать в подземном храме и поднять на уровень Сущих те души, которые в принципе к этому способны.

Чалэ:

– Резонно. Поддерживаю.

Эва:

– Получится, скажем так, запас высокой духовности, который лишним не будет. Создадим небольшую общину продвинутых кэлюме. Впоследствии, если с первого раза вознестись не получится, подземный храм можно будет расширить.

Ио:

– Согласна.

Эва:

– А потом... Я так понимаю, прогнозы по остальным душам совсем глухие?

Кэлюме:

– Да. Бездёжно.

Эва (пожав плечами):

– Тогда попытаемся поднять с Земли хотя бы некоторых.

Чалэ (задумчиво):

– В принципе, у нас пока чисто технически нет другого выхода... Но тогда остающиеся в земном мире Сущие должны дать согласие на перспективу полного растворения в че-

ловеческой расе. Потому что Сорвахра я заберу с собой.

Ио (удивлённо):

– Но каким образом он уйдёт? Он же неспособен восстановиться!

Чалэ (твёрдо):

– Таково моё решение. Даже если мне придётся улетать вообще пустым, я подниму его с планеты при любых условиях. Даже если сам он, лично, не пробудится ни на секунду. Ему пришлось страдать больше всех. Остальные переродились и, значит, в той или иной мере приняли земной мир, а он – нет. Тем самым Сущие, я считаю, в достаточной степени определились в отношении перспективы покинуть этот мир без какого-либо результата: для Сорвахра важнее – в принципе уйти, для других – нет. Я уже говорил об этом с Реей. Если понадобится, произойдёт нарушение так называемых законов природы. Для непосвящённых всё будет выглядеть так, словно он – хе-хе! – провалился под землю. То-то шума будет!

(Чалэ на мгновение развеселился, но потом взял себя в руки)

На самом деле ни в какой ад он, конечно, не попадёт, а просто перейдёт в ядро Земли, где Рея раскроет ему правду об эволюции животного царства, вмешательстве Эрнауэре и прочем – то, что ты уже слышала. Это избавит его от чувства вины, которое, собственно, и держит его в этом мире. И после он просто перейдёт ко мне на борт.

Ио (неуверенно):

– А... мама?

Чалэ (со вздохом):

– Аллат?.. Тут, к сожалению, ни о каком осознанном пробуждении не может быть и речи... И по совершенно другим, нежели у Сорвахра, причинам... Видишь ли, земная жизнь её полностью устраивала – как, впрочем, и любая другая жизнь в любом другом мире... Но тут, я думаю, возможен вот какой вариант. Я пока не говорил об этом с Аллат, но, думаю, именно она ни в малейшей степени не затруднится покинуть душу, которая держит её на Земле, и отбыть без неё. Если для большинства кэлюме такой выход означает что-то вроде неудачи, признания своего поражения, то Аллат начисто лишена сожалений о чём бы то ни было. Боюсь, Сорвахр, когда узнает, будет больше переживать из-за того, что ей пришлось так поступить, чем она сама. Впрочем, она его быстро утешит...

(Чалэ улыбнулся)

Он её очень любит и примет, я думаю, любой, даже если душу придётся полностью поменять.

Ио (со вздохом):

– Да, звучит жутковато... А ещё какие-нибудь варианты есть?..

Чалэ (поколебавшись, решительно):

– Я предлагаю Сорвахра убить.

Ио (сбившись):

– В смысле?

Чалэ:

– В реале. Вы с Марией вернётесь в Чейте и разыграете ему красочную, драматичную смерть со всеми спецэффектами, приличествующими феодальной Европе. Что-нибудь такое в шекспировском духе. Заклание безумного тирана на осквернённом вопиющими преступлениями ложе.

Ио (смущённо):

– Зачем так пафосно?

Чалэ (непринуждённо):

– А всё по тому же закону отрицания отрицания, который он с успехом применяет к окружающим.... Пусть подумает, в процессе предсмертной агонии, действительно ли он хочет умереть. Тут как раз и я подключусь.

(слегка виновато)

Этот сценарий – наиболее надёжная гарантия того, что душа не самоуничтожится сразу после распада физической оболочки, и я успею перетянуть его на борт, связав с Высшим Я.

(помявшись)

Правда, должен признать, этот сценарий – ещё и наиболее трудоёмкий, то есть для самого Сорвахра. В его случае гораздо легче просто исчезнуть, чем проходить интеграцию от нынешнего состояния к изначальному. Собственная генетическая память грозит устроить душе натуральный Страшный Суд.

Ио (рассудительно):

– В таком случае, основной вопрос: согласен ли сам Сорвахр на этот вариант? Как Высшее Я оценивает готовность души к испытанию?

Сорвахр (неуверенно):

– Я согласен попробовать. Убивайте.

V. Око будущего мира

5

Я приехала в аэропорт поздно и, главное, непонятно зачем. Вообще-то я не люблю аэропорты, потому что тут никто ни на кого не обращает внимания. А уж аэропорты на Бетельгейзе – отдельная история. У нашего народа какое-то особое пристрастие к летательным аппаратам – наверное, потому, что наземный транспорт у нас всё время ломается. Не успеваешь провести монорельс, глядь – он уже уплыл, вместе с остальным континентом, на другое небо, а то и вообще исчез – пространство у нас капризное, короче, аэропорт возле Инфанты – континента, где я родилась – это определённо крик души. Гигантская воронка альрома занимает все небеса, до которых может дотянуться, вот уж поистине – транспортный узел. Даже просто толкаться на прилегающей территории, среди кипящих облаков – сплошной стресс для психики, а уж о том, чтобы зайти внутрь, я и думать не хочу. Не люблю путешествовать. К чему, когда всё под рукой.

В общем, не знаю, зачем я тогда пришла. Мне всего-то надо было проводить подругу, даже не подругу, так, случайную знакомую, и я частью души держалась рядом с ней, а в остальном бессмысленно скиталась от платформы к платформе. У меня было такое ощущение, словно я кого-то ищу. Знаете, так бывает, делаешь что-то, а потом только понима-

ешь, зачем ты это сделала. Когда моя подруга уехала, я окончательно поняла, что должно случиться что-то важное, собралась и решительно пошла напрямиком к монорельсу, потому что ни с того ни с сего решила, что мне надо немедленно уезжать, и вот тут-то дорогу мне преградил шумный поток пассажиров из только что прибывшего альрома. Я остановилась и от нечего делать стала разглядывать толпу.

Тот, кто мне был нужен, вышел последним. Я его сразу узнала, хотя и не сообразила сначала, что это он, да и вообще я раньше его никогда не видела. Но он был похож на потерявшегося ангела, и пересечение лучей в его светимости напоминало склонённые крылья – два, четыре... шесть. Они то появлялись, то исчезали, эти гигантские протуберанцы. Когда он взглянул на меня, у меня возникло странное впечатление, что лоб у него горит звёздным светом – говорят, такой ореол бывает у провидцев и сновидящих, хотя никакого третьего глаза в буквальном смысле у них, конечно, нет, это всё предрассудки... Я невольно пошла ему навстречу. Он брёл с рассеянным видом, разглядывая паутину платформ и монорельсов, а в руке у него был такой огромный чемодан, каких мне ещё не приходилось видеть, прямоугольный, с железными застёжками на винтах и в общем похожий на гроб. Тут между нами как раз завис вагон монорельса, я залезла в него со своей стороны и спросила через окно:

– У вас там что, зимний гардероб?

На его лице появилась ласковая улыбка, по которой, впро-

чем, трудно было понять, относилась она к кому-то или чему-то вовне или к его собственным мыслям, потому что он молча запихнул странный чемодан в вагон, потом поднялся сам и только после этого обратил на меня свой взор.

– Это краски, – сказал он с улыбкой, на этот раз определённо предназначавшейся мне. – Попрошу на этот ящик не покушаться и вообще не дышать...

Я, конечно, знала, что краски у художников летучие и частично взрывоопасные, но не представляла, что их перевозят в таких вот громоздких агрегатах. Мне немедленно захотелось заглянуть под крышку и перерыть все отсеки, футляры и донышки. Наверное, именно от таких, как я, там и вбиты железные скобы. От любопытства я даже засунула палец в рот – дурацкая привычка – и сказала:

– Я никогда раньше не видела настоящих художников!..

Он взглянул на меня своими пронизывающими глазами – словно две серебряные реки потекли мне прямо в душу – и сказал:

– Я тоже вас никогда не видел.

Я вынула палец изо рта и стала придумывать, что бы ещё спросить.

– А куда вы едете? – сказала я после паузы.

Он обратил свой ослепительный взгляд за окно и ответил:

– В Юну, – причём чувствовалось, что это название ему ровно ни о чём не говорит. Я оживилась: как раз Юну-то я знала неплохо. На Бетельгейзе города то появлялись, то ис-

чезали, как впрочем и континенты, — очень нестабильная атмосфера, но кое-какие уровни реальности держались относительно надёжно, и Юна ещё пока существовала.

— Я знаю этот город! — радостно сообщила я.

— А я не знаю, — равнодушно отозвался мой собеседник и опять смолк.

«А чего ж вы туда едете», — подумала я, но решила больше не донимать его расспросами. У нас многие ездили неизвестно куда, неизвестно зачем. Просто обитатели звезды иногда слышали что-то вроде зова — где они должны быть — потому что атмосфера сама привлекала души туда, где они могли пригодиться, а потом отпускала. Если души куда-то перемещались, значит, что-то собиралось произойти, ну а у нас всё время что-нибудь происходило: то ураган, то потоп — каждый раз ужасно интересно. На самом деле, однообразных метеорологических явлений у нас не наблюдалось — при нашем-то обилии стихий, так что метеорологическая служба не дремала, а вместе с ней постоянно бодрствовало и министерство транспорта. Требовалось с удовлетворительной вероятностью предсказать очередную погодную аномалию, а потом ликвидировать последствия. Иногда приходилось вручную восстанавливать чуть ли не целые континенты, так что народу на этих работах занято немерено. Я и сама, случалось, на стройке работала. Это ужасно забавно, потому что всё время приходится придумывать что-нибудь новенькое. Наверное, если бы кто-нибудь составил полную карту геогра-

фии наших реальностей, разрушенных, исчезнувших и отреставрированных, этим свитком можно было бы обмотать всю звезду, как плотным коконом. Что касается транспортной сети, наши монорельсы имеют дурную привычку куда-то частично исчезать даже в хорошую погоду, вместе с поездами (и пассажирами), и потом их совершенно невозможно отыскать, либо они сами возвращаются, когда их уже никто не ждёт. Поэтому, отправляясь куда-то, никогда не знаешь наверняка, куда попадёшь. Это было бы очень неудобно, если бы мы не могли находиться в нескольких местах одновременно. А так можно быть уверенной, что уж какая-нибудь часть тебя добралась туда, куда планировала, а остальные по мере возможности к ней подтянутся, если только не найдут для себя что-нибудь более подходящее.

Занятая такими мыслями, я выглянула в окно и убедилась, что мы пока находимся в более-менее известной мне части неба, где-то шестого или пятого, и снова взглянула на незнакомца, а он сидел, опустив глаза, и, кажется, рассматривал свой драгоценный ящик, а может, думал о чём-то своём. В нём была какая-то исключительность, и держался он замкнуто, и мне сразу понравился, потому что я люблю всё особенное, всё, чего я не понимаю, и поэтому хочу заполнить. Я поёрзала на сидении, не зная, как к нему подступиться. И вдруг он поднял глаза и улыбнулся мне так ласково. У меня сразу потеплело на сердце, что я ему не надоедаю. И я стала строить планы, как бы мне повернуть дело. Я во-

обще-то легко схожусь с людьми, и все всегда делают то, что я хочу. Наверное, это мой дар, хотя я особо не задумывалась над тем, есть ли у меня какой-нибудь дар. По большому счёту, я бесталанная, но все всегда как-то мне подчиняются. И я стала думать, чего я хочу. И поняла, что ничего. Это был какой-то особый момент. Хотя мы не знали друг друга, я вдруг почувствовала к нему вечную любовь, и поняла, что она всегда была в моём сердце. Я как будто увидела себя со стороны.

5

Она была такой красивой, как алый водопад, и мы заметили, что остались одни, только когда поезд остановился. Тогда мы поняли, что вагон давно опустел, а мы заехали так далеко, что поезд дальше не идёт. Тогда мы вышли там, где пришлось, хотя она, наверное, тоже проехала свою остановку, а я и понятия не имел, где вообще эта Юна. Платформа была безлюдна, а поезд, естественно, исчез, как только вышли последние пассажиры.

– А что вы делали в аэропорту? – спросил я, немного смутившись, так как чувствовал себя виноватым, что она попала вместе со мной непонятно куда. Вообще-то у меня было свойство затягивать чужое сознание, и наверное поэтому я старался поменьше общаться, так как чьё-то присутствие рядом было мне вовсе ни к чему. Я уже догадывался, что город, в который мы приехали, совершенно пустой, а вот ей, похоже, такое было в диковинку.

– Я?... Ах, я провожала подругу... на... корабль... – рассеянно отозвалась она, озираясь по сторонам. Мы сошли с платформы на небольшую площадь. – Вы не волнуйтесь, я вовсе не собиралась непременно возвращаться домой, – добавила она, словно прочитав мои мысли, – но... я никогда здесь не была!..

– Здесь никто ещё не был, – вздохнул я. – Это пустой город.

– Правда? – она вскинула на меня горячий винно-красный взгляд и пробежала немного вперёд по ближайшей улице. – Вы уверены?..

– Мне часто такие попадают.

На Бетельгейзе с уровнями реальности был швах, и меня почему-то постоянно заносило в какие-то совершенно не тронутые цивилизацией глубины. Нередко мне доводилось бывать на небесах значительно ниже нуля, что для большинства кэлюме скорее исключение, чем правило, а моя теперешняя спутница и вовсе была похожа на столичную барышню – что она тут же и подтвердила, охнув:

– Я никогда ещё не видела пустых городов! Только слышала, что такие бывают!..

Города на Бетельгейзе росли, как грибы, и хотя обитатели обжитой части об этом не подозревали, большинство из них пустовало. Географические карты метеоцентра, хоть и обновлялись почти непрерывно, всё же учитывали меньше половины поверхности звезды, хотя какое кому, в сущности,

дело до небес, на которых нет никого или почти никого. Моя спутница подбежала к одному из домов и заглянула в пустую комнату через окно. На крыльце возле двери стояла бутылка свежего молока. Я знал по опыту, что все вещи настоящие, такие, как будто здесь правда кто-то есть. Возможно, звезда создавала пустые города для будущих детей, или детей, о которых мечтала.

– Ужасно интересно! – воскликнула моя спутница, пощупав резную, нагретую солнцем раму. Я вздохнул. Мой интерес в настоящий момент сводился к тому, чтобы поставить куда-нибудь чемодан, а самому лечь спать.

– Мы можем переночевать в каком-нибудь из этих домов, – сообщил я, машинально двигаясь за ней вдоль улицы, пока она разглядывала каждый дом, как музейный экспонат. Она оглянулась на меня, опалив багряными глазами, – похоже, такое будничное предложение в отношении первозданных окраинных пространств поразило её воображение.

– А потом?.. – неуверенно спросила она. Я пожал плечами.

– Потом появится, наверное, какой-нибудь монорельс. Надо же нам будет как-то отсюда выбираться. – Звезда обычно следила за тем, чтобы транспортная сеть была доступна всем желающим.

– Так вот куда они пропадают!.. – она зачарованно обвела глазами небесный свод, словно ожидая, что прямо сейчас, просто потому, что мы об этом заговорили, оттуда вынырнет

какой-нибудь комфортабельный поезд. Как бы не так.

– Вы, наверное, из Ситы?

– Да, а как вы догадались?.. – простодушно удивилась она, снова оглянувшись на меня через плечо. Я вздохнул.

Между тем дома вдруг расступились, и улица оборвалась – похоже, материковая часть подошла к концу. Перед нами открылось небо – глубокое, безбрежное, оно восходило, слой за слоем, от густо-фиолетовых тонов на самом дне, до мягких синих, и лёгких сиреневых, и молочно-голубых, и почти прозрачных – всё выше и выше. Далеко внизу под нашим летающим островом, в почти неразличимой тьме слышался шум серебряных волн. Как я и думал, мы оказались довольно близко к ядру звезды. Моя спутница, казалось, не почувствовала близость океана – она застыла, поражённая открывшейся панорамой атмосферы.

Я молча поставил чемодан на обочину, понимая, что у неподготовленного зрителя созерцание небесных красот непременно займёт приличное время. Впрочем, вид с обрыва неизменно волновал и меня, особенно если открывался так, вдруг, разбивая скучную путаницу улиц и улочек... В такие мгновения понимаешь, что лучшая часть души каждого из нас всё же остаётся там, на дне, в океане...

Только я об этом подумал, мельком глянув вниз, как буквально не поверил своим глазам. Океан поднимался к нам. Только что был слышен лишь отдалённый шум его брызг, а теперь он разливался бесшумными, сверкающими волнами

прямо под островом, приближаясь, как вторая земля от горизонта до горизонта. Такого ещё не видел даже я. Моя спутница продолжала смотреть в небо, я тронул её за рукав, чтобы привлечь внимание, она опустила взгляд и тоже увидела. Она отступила на шаг от края, коснувшись меня плечом, и я невольно обнял её. Волны поднимались прямо к нам, потом вдруг остановились. Тёмное серебро монолитом простиралось во все стороны. А потом вдруг океан начал проседать, словно бы раскрываться. Серебряные стены обрушились в неведомую глубь, и я почувствовал, что наш остров тоже затягивает в разверстую пропасть, что он летит всё быстрее и кружится, кружится...

Земля дрожала от шума волн. Вокруг носились тучи брызг. Потом пенные потоки расступились, и океан стал опадать, разливаясь, а из бурлящих волн поднялся новый континент – не исполинский, но больше среднего, со свежей, юной атмосферой, в зелёных кудрях пронизанных светом лесов, почти без построек, в паутине облаков, слегка подкрашенных розовым заревом.

Сейчас, когда океан схлынул, можно было оценить расстояние, и новая земля находилась, конечно, очень далеко от нас, и всё же была достаточно хорошо видна. Шипение волн растаяло где-то в фиолетовой дымке. Остров, занесённый штормом на более глубокий уровень, чем прежде, занял, похоже, место на орбите вокруг нового континента и теперь начал плавное движение по дуге. Небо просветлело.

Мы наконец заметили, что всё ещё держим друг друга в объятиях, и разжали руки. Она отошла на несколько шагов и села на камень с краю обрыва.

— О, боже, это было так... чудесно... — в волнении проговорила она, снова всматриваясь вдаль. — Я никогда в жизни не видела ничего прекраснее!..

— Я тоже, — сказал я больше из вежливости. Вообще-то, мне даже трудно было говорить. Мы помолчали. Она сцепила руки и подтянула колени к груди.

— У нас на Инфанте... говорят... что те, кто видел рождение континента, муж и жена перед звездой... их души навечно вместе... — она произнесла это словно в забытии, всё ещё очарованная величественным зрелищем, и как будто вовсе не применяла этого давнего поверья — известного, конечно, и мне — к настоящей ситуации. Однако мне, кажется, впервые пришли на ум некоторые невысказанные вопросы.

— Я не верю, что мне суждено быть с кем-то, — неуверенно сказал я. — Я всегда один.

— Ну, это ведь только примета, — насытившись впечатлениями, она, похоже, пришла в своё обычное деловитое расположение духа и, сбегав с края обрыва на улицу, окинула наконец трезвым взглядом дома. — Экзотика экзотикой, а где мы будем ночевать?..

0

Я ехала в поезде и заснула, а когда проснулась, оказалось,

что проехала свою остановку. Я поняла, что скоро конечная, все вокруг вставали и шли к дверям. Я выглянула в окно и увидела большой указатель, на котором было написано: «Край».

Мимо прошёл проводник, и я спросила:

– Как, уже край?

– Да!

– И мне теперь придётся возвращаться?

– Да...

– А дальше поезд куда идёт?

– Мы сейчас меняем колёса и отправляемся на Рею!

Я не знала, что такое Рея, но тут как-то сразу поняла, что это на удивление светлая и красивая страна; когда я думала о ней, то видела нечто просторное. Не знаю почему, но мне тогда и в голову не пришло, что я могу отправиться туда; я поспешно собралась и вышла из вагона.

Возле кассы вокзала собралось довольно много людей, так же, как я, попавших на край случайно. Я подошла поближе к толпе и услышала, что все возмущаются дороговизной обратного билета. Мне тоже захотелось поскандальить, но я поняла, что сама виновата.

Потом вдруг стемнело, и я оказалась уже на улице. Вернуться можно было только по океану. Здание вокзала стояло на краю суши. Я шла вместе с остальными пассажирами по влажной земле, сжимая в руках билет, и глядела вокруг. С одной стороны бархатно-синее небо стелилось почти вро-

вень с прохладным тёмным морем, а вдалеке, на противоположном берегу, теснились дымчатые силуэты гор. С другой стороны сплошной стеной поднимался океан серебра, и у него не было краёв. По нему проходили исполинские, от земли до неба, тени волн. Мы смотрели на него как бы издалека и сверху, потому что он располагался в другом измерении относительно всего. И оттуда к нам плыл корабль.

5

Я не сразу сообразила, где я и что со мной. Потом я почувствовала, что обнимаю моего вчерашнего незнакомца; его грудь горела светом, как серебряный щит, мои руки обвивали его узкую талию, и всю меня пронизывали его ищущие лучи. Я вспомнила о нашей встрече перед рождением континента... Вообще-то в пустом доме над обрывом, где мы в итоге временно поселились, хватало свободного места, но, похоже, я как-то незаметно для себя залезла к нему в постель.

– Мне снился такой необычный сон... – пролепетала я, чуть приподнявшись на локте, чтобы немного прийти в себя, – его близость действовала на меня немного оглушающе, прикосновение его кожи так и гудело в пальцах. Мой нечаянный спутник не отвечал и вообще не открывал глаз, но я отлично чувствовала, что он меня слышит. – Но это была не совсем я!.. Я никогда ничего подобного не видела... Это был твой сон!..

Его тяжёлые матовые веки чуть дрогнули, и он наконец медленно, словно неохотно поднял длинные серебристые ресницы, хотя я была уверена, что он уже давно не спит.

– Сновидение может быть совместным, – буднично проговорил он, как справочник. Я пошевелила мозгами, всё ещё переживая восхитительное ощущение чужих фантазий. Самой мне если что и снилось, то почти всё то же самое, что и наяву.

– Ты, должно быть, очень сильный сновидящий, – мечтательно заметила я. Он неуверенно отвёл глаза, но потом всё же решил ответить.

– Слишком сильный, чтобы это афишировать... – На Бетельгейзе не принято было хвалиться успехами: чем выше личная сила, тем тщательнее душа оберегала свой труд от ненужного внимания. – Я работаю почти исключительно со звездой. То есть непосредственно с ядром и больше ни с кем.

– Некоторые сновидящие сотрудничают с правительством, – задумчиво заметила я. Он равнодушно усмехнулся, и на его лице появилось выражение вроде: «А что ещё с них взять?»

Тут я осознала, что держу редкостное сокровище буквально в руках, а стало быть, просто обязана этим воспользоваться.

– Значит, мне повезло, что мы встретились, – деловито подытожила я, – и теперь я не выпущу тебя.

Я почувствовала, что он улыбается.

– Сначала сама выберись отсюда, а потом меня не выпускай, – провокационно предложил он.

– Ах, не о том речь, – возразила я, решительно взмахнув кудрями, чтобы откинуть их с лица, – тебе придётся остаться в зоне моего влияния!..

Он озарил меня своим бездонным взглядом, поразмыслил и сказал:

– Ужасно мило.

0

И, надо сказать, корабль назывался очень странно: «Аура». Я почему-то думала, что Аура – это страна. Но, как мне объяснили, именно в честь страны корабль и назван, и вообще всё тут – Аура: и живописные берега с какими-то удивительно просторными и нарядными городами, которые мы проплывали, и бездонные гранитные русла, по которым разливался разбитый на отдельные потоки океан, и наш замок, вместе со скалой, на которой когда-то стоял, отколовшийся от суши и теперь плававший под видом корабля.

Мы ныряли с крепостных стен, любовались открывающимися пейзажами, а вот внутрь заходить никто не решался. Мне сказали, что существует легенда о хозяйке этого замка – тоже Ауре. Как будто она когда-то пропала там, внутри, и если встретишь её – она сделает тебе опасный подарок, который лучше оставить там же, в замке. Ну, я тут же поняла, что

это-то и есть самое интересное, и отправилась её искать.

Я долго ходила по замку, и в нём не было ни души, зато было много удивительных предметов. Наконец я встретила женщину, чьи волосы цвета белого вина светились в темноте, и сразу поняла, что это Аура.

Она взяла меня за руку и дала мягкий горячий камень опалового цвета. С одной стороны он горел, а с другой тёк. Аура сказала, что это – огонь души, и из него можно лепить интересные сувениры.

Я стала лепить, стараясь распределять жар так, чтобы камень светился изнутри и застывал снаружи. У меня получилось что-то вроде распятия из женской фигурки. Ноги у неё были огненные, с яркой кровавой нотой, середина – как остывающая лава, а верхняя часть – как нежная молочная река. Аура сказала, что это преображение. Я подарила статуэтку ей, она повесила светящееся распятие на тёмную стену, и получилось очень красиво.

5

Я снова проснулась – надо же, не заметила, как заснула! Или это был не сон, а что-то вроде видения?.. Или продолжение предыдущего сна? Я взглянула на своего спутника – он улыбался как-то немного лукаво... похоже, для него это всё шутки!..

– Я вас попрошу вылезти из моей души! – официальным тоном заявила я, слегка отстранившись; он рассмеялся, и я

вдруг сразу почувствовала, что на самом деле мне никогда не было так хорошо, как с ним сейчас. Наши души были созданы друг для друга, его холодные лучи, как прозрачный туман, и мои, как горячее красное вино, соединяясь, они кипели, и это было так восхитительно... Я снова обняла его.

— Меня раньше никто не брал в сновидение... — мечтательно вздохнула я. — Правда, я раньше никого об этом и не просила...

— Ты и меня не просила, — тихо возразил он.

— Ах, но как-то же ведь я оказалась в твоей постели, — пояснила я.

— Если честно, я сам тебя позвал, — пряча улыбку, признался он.

— Что?.. Ах ты, хитрюга! — я поискала поблизости какое-нибудь подходящее оружие и хлопнула его подушкой. — А я-то мысленно упрекаю себя в нескромности!.. — я бросила подушку и снова обвила его руками. — А почему ты меня позвал?..

— Не знаю, — он улыбнулся мне своей обычной ласковой улыбкой, которая так странно сочеталась с мягким серебром его печальных глаз. — Мне никогда не было так хорошо, как с тобой сейчас. Ты как горячее крепкое вино.

Я рассмеялась; признаться, мне не в первый раз приходилось слышать нечто подобное.

— Ах, ты мне тоже сразу ужасно понравился!.. — заверила его я.

Кажется, я снова задремала, а когда проснулась и выглянула в окно, обнаружила, что наш дом бессовестно откололся от острова и теперь как ни в чём не бывало летает где-то в небе сам по себе. Мой спутник сказал, что ничего, раз уж дом куда-то полетел, то, скорее всего, рано или поздно куда-нибудь да прилетит, и тогда нам не придётся самим искать выход отсюда. Я согласилась (ничего другого-то не оставалось) и вышла на веранду пить люмэ.

С веранды открывался потрясающий вид на обширное небо, внизу безоблачное, а сверху залитое гладкими волнистыми облаками. Нижний край терялся в густой фиолетовой дымке, как и вчера (пока оттуда не поднялся океан). Вспомнив рождение континента, я в очередной раз мысленно изумилась: сколько приключений на мою голову всего за два дня! Везёт же некоторым, кто часто такое видит!.. Тут я украдкой покосилась на моего спутника и заметила, что всё это время он смотрел на меня.

– Ах, – упрекнула я, – что ты меня разглядываешь?.. Такая красота кругом!..

Он рассмеялся и ничего не ответил, а я глотнула люмэ и стала смотреть на проплывающий мимо континент. В некоторых местах на нём как будто виднелись полуразрушенные постройки, что было необычно: на обитаемых землях города быстро восстанавливали, а в незаселённых местах нечему

было и ломаться, так как там не строили коммуникационных сетей.

– Странно! – воскликнула я, подходя с чашкой к балюстраде, окаймлявшей веранду. – Выглядит так, как будто оттуда одновременно исчезли все жители!..

– Эта земля была раньше обитаема, – поколебавшись, ответил он. – Но её путь уже закончен, и скоро она вернётся в океан. Мы последние, кто её видит.

– Потрясающе, – прошептала я и даже свесилась с балкона, чтобы как можно больше приблизиться к этому эксклюзивному зрелищу. Он засмеялся.

– Смотри не свались, – предупредил он. – Удар об землю, какой бы эксклюзивной она ни была, не самый безболезненный, а сила притяжения здесь знаешь, какая?

Я покраснела и поспешно отошла от перил. Излишне было признаваться ему, но летала я, действительно, не очень хорошо. То есть я, конечно, умела кое-как держаться в воздухе, но только в самых, самых высоких слоях атмосферы.

– А ты хорошо умеешь летать? – полюбопытствовала я, вернувшись за стол.

– На нижних небесах никогда не пробовал, – признался он.

– Почему?

– Не знаю... – он, в свою очередь, поднялся и задумчиво прошёл до края балкона и обратно. – Мне кажется, меня может затянуть в океан. Тут только начни спускаться – уже

не остановишься.

Я примолкла. Я о таком и не думала; в самом деле, неужели возможно вот так запросто спуститься в океан?..

– Я думаю, к океану невозможно настолько приблизиться, – неуверенно произнесла я.

– Я не проверял, – неохотно ответил он и больше ничего не добавил. Я взглянула на него с беспокойством; мне отчего-то показалось, что он не раз думал о возвращении в океан, о развоплощении – вместо того, чтобы покинуть звезду тем, кто он есть, но я не стала об этом говорить. Большинство рождённых на Бетельгейзе продолжали жизненный путь где-то на просторах мерцающего мириадами других звёзд космоса, и лишь очень немногие возвращались в океан по причинам, которые обычно никто не мог толком понять. Возможно, в случае с моим спутником дело было отчасти в том, что его, провидца, соединяла со звездой особенно глубокая связь, не знакомая нам, рядовым жителям, топчущим облака, ни о чём не задумываясь. Но у меня сжалось сердце при мысли о том, что он, может быть, однажды покинет небо, и меня заодно, таким странным способом. Поэтому я тихонько подобралась к нему поближе и крепче обняла. Он, казалось, удивился, а я сказала, может быть и не очень в тему:

– Я согрею тебя. Тебе будет хорошо со мной.

Когда я вспомнила о своих снах, оказалось, что он видел совсем не то же, что и я.

– Я всего лишь взял тебя в сновидение, – мягко пояснил он, – но сны, которые ты видишь, – только твои.

Я застопорилась; признаться, я-то рассчитывала, что он объяснит мне, что это я такое увидела.

– Расскажи, – с ласковой улыбкой предложил он, и я, размахивая руками от недостатка слов, сообщила о крае и о корабле. Он слушал, задумчиво устремив на меня безмолвный взор; я сперва даже решила, что он в затруднении, но оказалось, затруднение у него вызвала моя непонятливость.

– Если честно, символы довольно прозрачные, – с лёгким удивлением пояснил он. – «Край» значит, что некий период твоей жизни подошёл к концу. Распятие значит испытание.

– Испытание?! – обрадовалась я. – Поскорее бы! Это, наверное, ужасно интересно!

– Обычно те, кому приходится проходить испытание, мечтают только о том, чтобы оно побыстрее закончилось, – улыбнулся он.

– Вот чудачки! – я всплеснула руками. – Так ты, значит, провидишь будущее?..

– Реальность многомерна. События могут располагаться так, что будущее становится прошлым и наоборот... Предсказание может сбыться, но при этом остаться тайной.

– Как сложно, – протянула я, с усилием вникая в его объяснения... возможно, потому, что по большей части следи-

ла за движением его красиво очерченных губ и мечтала, как он снова обнимет меня. — А я... как-то... работала на стройке... потом ещё диспетчером на монорельсе, чуть-чуть... — Мне стыдно было признаться, что и там, и там я проработала всего несколько дней: в первом случае согласилась помочь приятелю, а во втором это вообще была обязательная практика по окончании общеобразовательного курса... Только сейчас я с ужасом поняла, что, похоже, совершенно ничего не умею!.. Всю жизнь я только и кочевала с вечеринки на вечеринку. — Кажется, у меня талант к ничегонеделанию... — растерянно признала я.

— Это самый полезный талант из всех, что я знаю, — серьёзно заметил он, и я сразу почувствовала себя незаменимой.

5

Вернувшись в его спальню, я чуть не споткнулась о неподъёмный ящик с красками; странно, прошлой ночью мне удалось как-то безболезненно его миновать, но уж теперь я вцепилась в него намертво. Перво-наперво я pokrутила винты, потом подёргала скобы. И только после того, как ни одна из моих манипуляций не увенчалась успехом, я выглянула в окно и елеиным голосом сообщила:

— У меня что-то не открывается твой ящик с красками.

— А зачем ты хочешь его открыть?.. — елеиным голосом возразил он, уклонившись от прямого ответа не менее виртуозно, чем я уклонилась от прямого вопроса.

– Я хочу посмотреть на краски, – призналась я.

– Они находятся в герметичных вакуумных колбах под замками, код от которых известен только мне.

– А зачем ты тогда запираешь ещё и сундук? – поразилась я. В жизни не видела столько запертого сразу в одном месте!

– Чтобы сэкономить время любопытствующих, – пояснил он. – То бы ты зубами каждую колбу в отдельности грызла, а то остановилась на крышке сундука.

Я насупилась.

– Ты всё знаешь заранее, – грустно подытожила я, вернулась несолоно хлебавши вниз и хотела было запить досаду люмэ, а то и чем-нибудь покрепче, но он поймал меня и усадил к себе на колени. Я хотела немножко рассердиться, но он поцеловал меня в лоб и сказал:

– Чтобы открыть краски, нужно соблюдать технику безопасности. Существуют специальные формулы. Если хочешь, я как-нибудь научу тебя.

– Конечно, хочу! – оживилась я. – Это, наверное, ужасно интересно!

– Да, – сказал он и поцеловал меня в ухо. Я вздохнула и поёрзала. Мне хотелось непременно всё о нём разузнать и всем завладеть.

– Боже мой, у тебя сразу две опасных профессии!.. – мечтательно простонала я.

– Дар сновидения – это не профессия, – мягко возразил он.

– Всё равно... А что ты рисуешь?..

Он, как обычно, колебался прежде, чем отвечать.

– Да в основном то, что вижу, вернее, предвижу... – неуверенно сказал он. – Здесь, на Бетельгейзе, очень много стихий. Очень много уровней реальности. И далеко не все из них открываются... ну... для общего доступа. Это потому, что звезда сама точно не знает, хочет она, чтобы кто-нибудь там жил, или нет. Когда я рисую что-нибудь, она обдумывает то, что видит... видит в будущем... или прошлом... и решает, скрыть это или нет. Поэтому большинство своих картин я, честно говоря, прячу. Хотя всё равно многое, что на них изображено, сбывается. Они не для просмотра. Они просто для размышления... реальности... о самой себе. Я, наверное, небедительно объясняю?

– Не знаю... – растерялась я. Мне казалось, нет ничего лучше, чем быть художником. Публика! Выставки! Успех!.. А он, выходит, свои картины прячет?.. Зачем же тогда рисовать?

– Я думаю, что картины нужны обществу, – неуверенно протянула я, – а уж предсказания – тем более...

– Когда я пишу, я разговариваю со звездой, – терпеливо попытался объяснить он. – А через неё – со всеми душами. Они всё равно увидят то, что я нарисовал. В реальности.

Я поёжилась. Всё это казалось ужасно грандиозным. Я-то, наоборот, думала, что картины – это как раз способ отвлечься от реальности...

– Послушай, а что, если... если бы ты увидел... или нарисовал... что-то, что тебе не понравилось бы? – смутилась я. – Получается, ты бы всё равно знал, что это случится? Ты не смог бы... отказаться? Или бросить?..

Мой вопрос, похоже, привёл его в мрачное настроение, он нахмурился и прикусил губу, словно и сам боялся чего-то подобного; хотя, по правде сказать, только я могла сморозить такую глупость. Ну где и когда может случиться что-нибудь страшное?.. Смешно даже думать об этом.

– Тогда, наверное, пришлось бы переделывать уже в реальности, – через силу ответил он и умолк.

5

К вечеру на горизонте собралось ржаво-багровое марево, подозрительно похожее на отсвет извержения какого-то пожелавшего остаться неизвестным вулкана.

– И ни одного телефона, чтобы позвонить в метеорологическую службу! – я шутливо закатила глаза. Средства связи и транспорта никогда не появлялись в пустых городах; их приходилось настраивать своими силами, если, конечно, знаешь, как. Одна моя подруга как-то пыталась научить меня проводить интернет, но я ничего не запомнила – возможно, потому, что связь у меня ещё ни разу не пропадала.

– На уровнях ниже минус четвёртого сигнал не проходит, – машинально возразил он.

– Ты на нижних уровнях как дома, что ли?.. – только

и всплеснула руками я. Он смутился.

– Да, часто приходится бывать, – признался он.

– Ну надо же, а, – слегка позавидовала я. Большинству кэлюме не приходится и мечтать, чтобы звезда вот так за- просто посвящала их в тайны чуть ли не ядра. Так, клубимся где-то на поверхности. Но потом я подумала: а что бы я сделала, если бы увидела нечто особенное, попала в грозу, например? Побежала бы звонить подружкам?.. (Как только восстановилась бы связь, разумеется). Сейчас я поняла, что для звезды это было чем-то очень личным. Наверное, и для моего возлюбленного это было чем-то личным. Так они и помалкивали друг о друге. Я тоже решила молчать.

5

И только решила, как облака в небе неподалёку прорезал гигантский лавовый гейзер. Он вырвался откуда-то из-за ближайшего континента и хлынул вверх. Воздух так и задрожал, а по густому белому мареву над головой разлились яркие алые отсветы. Я невольно вздрогнула и прижалась к своему спутнику; не знаю, почему, но он и сам как-то незаметно стал ассоциироваться у меня с неведомыми стихиями, хотя, наверное, это было глупо, – ведь он, в конце концов, такой же кэлюме, как я. Он тоже смотрел на огонь, хотя я чувствовала, что он-то, в отличие от меня, и раньше видел гейзер не только в учебнике по природоведению... Воздух стал накаляться, светлеть, а облака над головой, клубясь, таяли

и расступались – слой за слоем, открывая небо всё выше... Мне казалось, я смотрю в какой-то волшебный перевёрнутый колодец.

– Я никогда ничего подобного не видела! – вырвалось у меня, хотя я, наверное, уже успела утомить его этой фразой.

«Я никогда ничего подобного не чувствовал», – подумал он, и я услышала эту мысль. Я взглянула на него, и тут в небе возникла ещё одна вспышка – появился новый столб лавы, далеко, за горизонтом. Я обернулась.

– Теперь... это значит, где-то сейчас происходит землетрясение, да?.. – сказала я, собрав в кучку все свои скудные знания по метеорологии.

– Да, – глухо сказал он. И, помедлив, прояснил картину: – Сейчас раскололся континент Рута. По линии 4, 5, 6. На две самостоятельные тектонические плиты и архипелаг островов... – у меня на Руте жили дальние родственники. То-то они, должно быть, обрадуются: такое событие! Столько новых энергий!.. Вот им и повод превратить свою аграрную провинцию во «вторую Инфанту», как они всё давно обещают. – И... ещё... раскололось несколько других областей пространства, – скомканно заключил он, по-видимому, решив не нагружать мою бесталанную голову своими неизмеримыми знаниями из сновидческих глубин.

– Ты всё это видишь прямо сейчас?.. – наивно удивилась я.

– Нет... я видел это раньше... – Тут гигантский лавовый

поток с рёвом ударил в небо прямо возле нас – наш дом плавно обогнул столб, и огненная стена вспыхнула сразу за лёгкой полукруглой балюстрадой. У меня прямо дух захватило, да, признаться, в раскалённом добела воздухе уже и трудно было дышать. Я подбежала к краю веранды и краем глаза заметила, что мой спутник тоже протянул руку к огню. Потoki пурпурово-красных туч клубились над головой, расходясь. Я обернулась к нему.

– А меня ты тоже видел в своих снах? – смеясь, спросила я. Он медленно покачал головой. – Почему? Я не настолько важная персона? – пошутила я.

– Просто... Провидец не может предсказывать своё будущее... зачем, если это всё равно произойдёт... – неосторожно обронил он и тут же добавил: – Я, кажется, глупости говорю. Я хотел сказать: я же вижу не всё на свете.

– Ну уж нет! – перебила я, возмущённая его покушением на такую заманчивую перспективу. – Ты сказал: я твоё будущее, я прекрасно слышала!..

Он вздохнул.

– Да это с самого начала было понятно, – признался он. Я подбежала и схватила его за руки – возможно, слишком крепко, так что он даже отшатнулся: ничего, он ещё привыкнет мне принадлежать.

– Но это же чудесно, – сказала я, не в силах сдержать улыбку: ужасно люблю, когда мне достаётся что-нибудь особенное!.. Дом, медленно кружась, отплывал от огненного стол-

ба, и воздух темнел; дышать стало легче, только я, кажется, разругмянилась от жары.

– Ой, я чуть не задохнулась, – засмеялась я, приложив к щеке тыльную сторону руки.

– Я тоже, – сказал он.

5

– Скажи мне твоё имя, – попросила я.

– Сорваур, – ответил он.

Вообще-то у нас не принято спрашивать имя у каждого встречного-поперечного. Тот, к кому ты обращаешься, и так поймёт, потому что ясно же, куда направлены мысли. А имя содержало в себе уникальный код, оно произносилось не так, как другие слова. По имени можно было понять предназначение, то, какой видела душу сама звезда, породившая всех нас, ведь это от неё мы получали имена. Изначально, при рождении, имя знали только сама душа и предвечный океан. Некоторые кэлюме всю жизнь проводили, так никому и не назвав своего имени.

– «Око будущего мира», – вслушавшись, медленно разобрала я. – Как интересно, должно быть, жить с таким именем!..

– Думаю, примерно так же, как и с любым другим, – неуверенно возразил он.

– А я – Аллат!.. Ну, что это?.. Совершенно несерьёзно!.. Моё имя означало «первый луч летней зари», и, хоть убей-

те, я не представляла, о какой такой особой миссии в жизни оно могло говорить. По-моему, выходило, что моя душа на удивление бесполезна. Надо же мне было родиться с таким обыкновенным именем! А ведь в числе моих родителей был, если мне не изменяет память, даже кто-то из рудокопов, не говоря о нескольких министрах, — люди, можно сказать, самых творческих профессий... Правда, ни с одним провидцем я и близко в родстве не состою. Поэтому я думала, что мой спутник будет разочарован моим скучным именем, но он смотрел на меня со своей ласковой улыбкой, в которой — как мне в последнее время казалось — порой мелькала необъяснимая боль, а потом сказал:

— Может быть, это и не очень серьёзно, зато так тепло...

— О, некоторым со мной бывает не то что тепло, а и ужасно горячо!.. — не подумав, брякнула я, и он рассмеялся.

5

Как-то раз, проснувшись без причины среди ночи, я заметила в окно, что дом медленно плывёт среди прозрачных золотистых облаков, поднимаясь куда-то вверх. Я почувствовала, что пустые земли остались позади. Мы возвращались в обитаемую часть. Мой спутник, вопреки обыкновению, спал крепко и, казалось, без сновидений, и я тоже погрузилась в дрему, обняв его. Когда я проснулась в следующий раз, дом уже стоял на шумной, оживлённой улице, а мой спутник опять притворялся спящим, в действительно-

сти просто лёжа с закрытыми глазами. Мне показалось, что ему не хочется никуда уходить; похоже, в пустых городах он чувствовал себя лучше. Мне тоже не хотелось, чтобы он куда-нибудь ушёл от меня, так что наши интересы совпадали, и я покрепче обвила его руками.

– Это Юна, – сказала я шёпотом, чтобы не нарушать очарование наших воспоминаний. – Я чувствую землю, особенно если уже была там... Я училась на «отлично» по географии! – я рассмеялась, вспомнив, как на общеобразовательных курсах, на которые я зачем-то записалась, из меня безуспешно пытались сделать вдумчивую особу. Мой спутник улыбнулся, но глаз так и не открыл, и, кажется, рассеять его тревожное настроение мне не удалось. Тогда я решила попробовать другую тему и сказала:

– Мне кажется, я люблю тебя. То есть я хочу, чтобы мы всегда были вместе.

Это сообщение вызвало более живой отклик, он раскрыл глаза и посмотрел на меня с надеждой, что я приняла за «да», и тут спохватилась:

– А зачем ты, собственно, сюда ехал? – напомнила я ему.

– Я всю жизнь искал только тебя, – ответил он. Тут я окончательно успокоилась: значит, мне не придётся ему разъяснять, что мы созданы друг для друга. Я умиротворённо опустила голову ему на грудь.

– В таком случае... где мы будем жить?.. – элегическим тоном продолжила я, как мне казалось, ту же самую тему,

однако у него практический вопрос, похоже, вызвал затруднение. – Может, здесь и останемся?.. – подсказала я, так и не дождавшись предложений. Он кинул за окно опасливый взгляд и молча кивнул. Похоже, он взял себе за правило во всём, что ему не интересно, соглашаться со мной. Это меня устраивало, поскольку я уже успела заметить, что его не интересовало практически ничего. – Мне нравится этот дом, только он тесноват. Я его слегка перестрою, – осмелела я, и он снова молча согласился.

5

Рассеянно кивнув в ответ на предложение Аллат перестроить дом, я и не подозревал, какие это будет иметь последствия. Улице пришлось изрядно потесниться. Дом быстро разросся ввысь, вширь и даже вглубь, поскольку под полом обнаружилось большое месторождение полудрагоценных камней, так что Аллат присвоила и шахту заодно, а первым гостям было предложено поработать старателями, а потом и дизайнерами. Ещё некоторое время и количество фантазии ушло на строительство многоярусной системы искусственных водопадов. Блуждая по дому, можно было обнаружить несколько пиршественных и бальных залов, чтобы те, кому нечем заняться, могли что-нибудь выпить и заодно познакомиться друг с другом, а также отягощённые пышными садами обширные ступенчатые террасы, с которых открывался прекрасный вид на оставшийся далеко внизу конти-

нент. Несколько недель спустя после начала косметического ремонта можно было уже с уверенностью сказать, что это не дом стоит на краю улицы, а улица идёт где-то с краю дома. Когда Аллат вызвала меня из спальни посмотреть на нововведения, я чуть в обморок не упал и задал, как я теперь понимаю, самый риторический вопрос на свете:

– Зачем тебе столько места?

Аллат даже руками развела и пояснила:

– Да ведь надо ж как следует гульнуть!..

Если бы я лучше знал её, то, конечно, ничему бы не удивился. Впрочем, удивлялся я недолго. Аллат позвала на новоселье своих друзей, знакомых и знакомых их знакомых, и вскоре в доме яблоку негде было упасть. На всех этажах, кроме верхнего – моего – всё гудело, галдело и всячески получало удовольствие от жизни. Если такие, как Аллат, и населяют Ситу, понятно, почему этот город стал бессменной столицей развлечений всея Бетельгейзе. Как-то я раньше об этом не задумывался. Когда Аллат наконец поднялась ко мне после интенсивной вечеринки, длившейся несколько месяцев, растрёпанная, раскрасневшаяся и довольная, и я с ужасом спросил её, нормально ли она себя чувствует, она искренне распахнула свои глаза цвета тёмного вина и горячо заверила меня:

– Что ты, Хору! Я в жизни не выпивала скромнее!..

Признаться, поначалу я не спешил влиться в беспечную толпу многочисленных отдыхающих в нашем доме, поскольку опасался, что меня затопчут, но в принципе законы гравитации на Бетельгейзе таковы, что кэлюме затоптать физически невозможно, даже такого неискушённого, как я. Таким образом, моё уединение постепенно нарушилось, а кстати и выяснилось, что моё имя здесь уже окутано легендами, потому что один из гостей, посмотрев на меня с опаской, сказал:

– Так это ты – тот самоубийца, который согласился жить с Аллат?

Мне показалось странным, что он так говорит о своей же знакомой, – сам-то он, можно подумать, был при смерти? – и я рассеянно сказал:

– Она ужасно милая, – а он обрадовался, словно услышал правильный ответ, и согласился:

– Точно, она предупреждала, что ты немного сумасшедший.

Я любил наблюдать за гостями, а особенно за самой Аллат. Ей всё было интересно, она так живо расспрашивала других, а о себе почти не говорила. Мне кажется, рядом с ней каждый чувствовал себя значительнее, талантливее, сильнее, чем на самом деле, но я-то отлично видел, что именно от неё исходило это головокружительное желание жить, творить, радоваться свету. Это она была источником вдохновения и любви, правда, дерзкой и дикой, не знающей удержу,

которая при других условиях могла бы, наверное, и смутить, и напугать... Впрочем, нет таких условий. Это всё моя фантазия художника.

В массовых оргиях я участия не принимал – достаточно того, что я не мешал Аллат их устраивать – зато, когда она, подустав от веселья, сама поднималась ко мне, то принадлежала мне одному, и я всегда наслаждался её пьянящим, горячим светом, как в первый раз. Она, хихикая в подушку, рассказывала заплетающимся языком всякие забавные истории. Она казалась осенней розой, источающей самый крепкий и пряный аромат в последние дни, навстречу сумеркам и прохладе. Я, конечно, понял, да и с самого начала догадывался, что её легкомыслие было показным. На самом деле она чувствовала одиночество оттого, что не знала, к чему применить свою странную силу, хаотическую, не признававшую оков, планов, целей. Думаю, она любила меня потому, что я лучше других понимал её.

5

Иногда, пока её не было, я брался за свой «ящик с секретом», как она говорила. Вообще-то никакого секрета не было, просто Аллат я до всего этого хозяйства так и не допустил. Чтобы открыть краски, требовалось знание специальных формул, которые переключали сознание между уровнями реальности; взявшись за картину, надо было соблюдать дисциплину – как раз то, чего Аллат совершенно не умела –

и внимательно следить за всеми оттенками сразу, иначе они могли разлететься по атмосфере, выпасть где не надо в виде радиоактивных осадков или устроить пожар.

Если получалось как следует сосредоточиться, и освещение ложилось удачно, то в результате определённой духовной работы краски сгущались в кристаллы, многослойные, живые и наполненные светом пойманных лучей – зрелище, которое Аллат находила завораживающим. Она была убеждена, что если бы я выставлял свои картины, публика бы просиживала бы в моих галереях веками. Надо признать, в этом я с ней соглашался и как раз поэтому старался убрать свои произведения сразу после их создания, хоть и знал, что Аллат считала мою привычку прятать картины немного странной.

Большинство художников на Бетельгейзе – по совместительству галеристы. В картинных галереях всегда толпится народ, хотя смотреть на картину – трудная работа. У нас даже есть специальные практики концентрации, рассчитанные на то, чтобы удалиться с картиной в медиторий и там её созерцать – меньше, чем на неделю, картину никто не берёт, поэтому на посещение выставки, а тем более музея, записываются заранее, иногда за несколько лет. Впрочем, абонемент в некоторые галереи входит в общеобразовательную программу. Но, честно скажу, всё это всегда было мне чуждо, потому что есть знания, которые существуют сами по себе, которым даже лучше без постороннего внимания. В об-

щем, я свои картины обычно замуровываю в пол или стены. Поскольку раньше я жил в пустых городах, вряд ли кому попадались мои произведения, и даже если пустой город позже становился населённым, с какой стати новым жильцам ломать дом? Поэтому я надеюсь, что мои картины достаточно надёжно спрятаны, и только Аллат считает, что это напрасно, тайком извлекает их и смотрит. Но, мне кажется, для неё можно сделать исключение.

5

Как-то раз во время создания картины – получалось несколько фигур, сидящих вокруг небольшого круглого стола – я без особой причины выглянул в окно и увидел на веранде точь-в-точь то же самое зрелище. Не знаю, что меня подтолкнуло, наверное, это совпадение, но я зачем-то спустился вниз и прислушался к их разговору, хотя вообще-то редко выходил к гостям. Аллат была с ними, тоже навеселе, но трезвее остальных. Речь шла об альрома.

– Почему бы нам не прогуляться? Давайте куда-нибудь слетаем.

– Только не по стандартным экскурсионным маршрутам. От соседних звёзд у меня уже зубы сводит.

– Тогда надо брать небольшую туристическую лодку.

– На ней особо не разгонишься.

– А зачем выезжать на трассу? Отплывём подальше от цивилизации.

– Придётся спуститься как минимум до планетарного уровня.

– На некоторые планеты невозможно приземлиться.

– Есть мнение, что альрома на самом деле способны спускаться и подниматься куда угодно, только это скрывают.

– Где ты это читал? В жёлтых газетах?

– Нет такого понятия «невозможно»!

– У меня родственница работала в обсерватории, пыталась наблюдать альрома. Так вот, до сих пор никто не знает, откуда они растут. Они ужасно хитрые.

– А по-моему, все эти разговоры о какой-то там собственной воле альрома – сплошная провокация! Совершенно антинаучно! Это придумывают технократы, пытающиеся пересадить доверчивое население Бетельгейзе на неповоротливые космические корабли из ртути.

– Покажите мне альрома, который будет за мной наблюдать!..

После этого гениального предложения разговор надолго выпал из конструктивного русла, потому что гости пустились фантазировать на заданную тему, а потом ещё и изображать свои озарения в лицах, так что на и без того тесной веранде образовалось нечто вроде небольшого светомузыкального бедствия, и я вернулся к себе. Я странным образом никогда не думал об альрома. И почему мне пришло в голову нарисовать эту бестолковую компанию именно сейчас? Обычно сюжеты моих картин приходили из будущего – наша звезда

пыталась таким образом что-то решить. Я поймал картину, летавшую по комнате, и попытался взглянуть в неё с помощью фильтров. Но чем больше линз я выставлял, тем более странным становилось изображение. Фигур становилось больше, а краски становились темнее. Мне показалось, что так, в принципе, можно довести до ровного чёрного фона, и я бросил это бесполезное занятие.

Гости частью разошлись, частью завалились отдыхать от радостей жизни в складках местности. Поднялась Аллат и сказала, что они – то есть те, кто был на картине, хотя сейчас их уже трудно было узнать, – договорились покататься на лодке, и она дала согласие за нас обоих. Это напомнило мне об альрома – я попытался представить наш будущий корабль, и по картине разлился цвет красной тени – никогда таких не видел. Я поспешно припрятал все последствия творчества под пол и не хотел ничего говорить, но как-то само собой вырвалось:

– Я видел... что-то, чего не понял, но по-моему это относилось не к Бетельгейзе. Мы должны быть осторожнее в этом путешествии, – я неуверенно взглянул на Аллат, по привычке ожидая от неё слов утешения и поддержки; она рассеянно улыбнулась.

– Ну что ж... мы будем осторожнее... хотя что может быть опасного в космосе, я даже не представляю?.. – она рассмеялась и обняла меня, игриво склонив голову к моему плечу. – Хору, ты слишком многого боишься. Иногда мне ка-

жется, что ты боишься несуществующих вещей. Что бы ни случилось, нужно просто быть собой. Гармония, она в душе, а не снаружи.

– Что значит быть собой, – возразил я, невольно вздрогнув, словно речь шла о чём-то неприятном.

– Значит радоваться жизни, – сказала она.

1

Диана была для него богиней, вообще всем, что в его мечтах составляло образ «идеальной женщины». Возможно, Люк думал так потому, что ему едва исполнилось семнадцать лет. Наверное, на самом деле так не бывает, но Диана как будто читала его мысли и предугадывала желания. Они познакомились, когда Люк, любивший одинокие прогулки, в очередной раз отправился в горный лес и, немного заплутав, вышел на шоссе ближе к полуночи – тут к обволакивающей темноте прибавился ещё и обильный, буйный дождь. По счастью, погода стояла тёплая, и Люк апатично побрёл вдоль шоссе сквозь серебрящиеся прохладные струи, сильно сомневаясь, что даже если мимо пронесется какая-нибудь припозднившаяся машина, водитель заметит голосующего на обочине туриста. Он периодически оглядывался в надежде увидеть свет фар, но замысловатое спортивное купе вырвалось из мглы и водной пыли молниеносно и практически бесшумно, и затормозило возле юноши, не успел он и подумать. Ему даже неловко было поместить свою мокрую

насквозь персону в объятия роскошного кожаного сиденья, но эффектная дама за рулём так непринуждённо хохотала, что, среди прочего, стало ясно: дорогие спортивные машины – привычная маленькая безделушка в её жизни, не более.

Сама Диана выглядела, наверное, лет на двадцать семь – двадцать восемь и вся казалась роскошной, блестящей, шелковистой и в общем вышедшей из другого, сияющего и благополучного мира. Люк никогда в жизни не встречал таких женщин, и дело было не в красоте, а в какой-то необъяснимой, великолепной беспечности, с какой Диана держалась, причём естественно, без малейших усилий – казалось, так могут вести себя только особы королевской крови. Люку доводилось встречать миловидных и обеспеченных женщин, державшихся, как ненужное приложение к собственным претензиям на «красивую» жизнь, ещё одним предметом чужого интерьера; в общем-то, на всех женщинах, с которыми Люк был сколько-нибудь знаком, независимо от их социального и семейного положения, возраста, привычек, внешних данных, лежала печать суетливости, униженности, обиды – даже на тех, кто пытался спрятать свою неуверенность в будущем за фальшивой бравадой. Диана была не такой; она не смотрела дорогой игрушкой, она была хозяйкой – себя самое и всего, что её нравилось. И хотелось нравиться ей.

Люк не удивился, что она стала с ним флиртовать: одного взгляда на Диану было достаточно, чтобы понять – она выше

мещанских предрассудков и стереотипов, движения её души непостижимы. Она выбирает не из соображений престижа, не из страха перед мнением знакомых, не из желания себе что-то доказать. Она явилась в его жизни кометой и сожгла всё мелкое, второстепенное. Они вместе катались на её невероятной машине по ночным дорогам – Люк никогда в жизни не видел такого вождения на такой скорости. Смеясь, Диана призналась, что даже участвовала пару раз в профессиональных гонках. Она была дочерью одного из австрийских аристократов, любила путешествовать, сменила несколько университетов, но так и не нашла себе занятие по вкусу, вследствие чего пришла к выводу, что жить надо просто для собственного удовольствия.

– Знаешь, почему-то принято считать, что у человека в жизни должна быть цель, – беспечно усмехалась она, изящно вписываясь в повороты горной дороги на гудящей и воющей скорости, не включая фар. – Вроде как меня самой в этом мире недостаточно. Нужно ещё что-нибудь сделать, чтобы оправдать факт моего появления на свет – как будто меня спрашивали перед тем, как зачать! – она залилась мелодичным смехом – если бы Люка попросили назвать в личности Дианы что-либо искусственное, то это был бы её смех: звонкий, он всё-таки таил в себе жёсткие, жестяные нотки; впрочем, безупречная женщина просто обязана иметь какой-нибудь маленький недостаток, ведь это означало бы, что у неё действительно есть абсолютно всё. – Ты – это то, что ты

делаешь... По-моему, если думаешь так, то тебя как будто нет. И вот я решила, что мой особый талант – это искусство быть, – она снова рассмеялась. Люк улыбнулся. Что ж, с этим её выводом трудно было спорить. – Кстати, ты не против, если мы заскочим ненадолго к одному моему знакомому? – в разговоре Диана обычно поворачивала так же круто, как на серпантине.

– Он что, живёт в горах? – удивился Люк.

– Родовое поместье, – подтвердила Диана и прибавила скорости.

Люк рассеянно смотрел на проплывавшие мимо тёмные массивы леса, на поднимавшиеся к смутно-серебристому небу неожиданно-близкие горные вершины. Он думал о том, что раньше он, в сущности, уже несколько раз был уверен, что влюблён. На самом деле, ему было лет девять, когда он восхищался соседской девочкой лет восьми – чьей-то дальней родственницей, приехавшей на лето погостить, – и в некотором смысле действительно глубоко любил, хотя они так и не сказали друг другу ни слова – она, кажется, даже и не смотрела на него. Странно, именно это полузабытое, тайное впечатление детства теперь в чём-то напоминало ему его отношения с Дианой. Потом, конечно, были интрижки, флирт, всё, как полагается у подростков, и секс был, но... это вспоминалось сейчас как нечто постороннее, не имеющее отношения к истинной любви, какой она открылась ему с Дианой – безмолвной, всеобъемлющей, которая просто есть. Хо-

тя он знал, что между ним и Дианой никогда не будет сказано об этом ни слова. Просто он понял, что любовь может быть первой не по счёту, а по глубине. Диана была его первой любовью, а всё остальное рядом с ней казалось ничем.

Тут он заметил, что машина въезжает в подземный гараж – это была настоящая автостоянка в несколько этажей; Люк смутился и предложил:

– Может, я подожду в машине?

– Ты с ума сошёл! – всплеснула руками Диана, доставая с заднего сиденья свою похожую на кожаное ювелирное изделие сумочку. – А вдруг тебя кто-нибудь украдёт? – Она расхохоталась. – Здесь просто. Хозяин любит большое общество.

– Заметно, – неуверенно согласился Люк, ловя краем глаза блики ламп на обтекаемых формах роскошных автомобилей, выстроившихся длинными рядами. Диана поспешила к выходу.

Спускаясь за ней куда-то по коридорам обширного, судя по всему, особняка, Люк заметил ещё одну странность: женщины здесь, похоже, не слишком обременяли себя одеждой, во всяком случае, возле лифта им попалась потрясающей красоты молодая дама в весьма причудливом полупрозрачном наряде, с самым невозмутимым видом разговаривавшая по мобильному телефону.

– Не обращай внимания, – шепнула ему Диана, войдя в лифт, на приборной панели которого, к удивлению Люка,

значилось «минус сто восемьдесят девять» этажей. – Здесь сегодня вечеринка.

К тому моменту, как они приехали на последний этаж, Люк понял, что хозяин поместья, должно быть, большой оригинал.

– Это что, все жилые? – потрясённо уточнил он.

– Чейте – это небоскрёб наоборот! – засмеялась Диана.

Наконец они куда-то пришли – именно куда-то, потому что на этаже и в комнате было абсолютно темно; о присутствии хозяина Люк догадался только по алевшему где-то чуть дальше и выше огоньку сигареты, и ещё удивлял странный запах – сладковатый, невероятно тяжёлый; казалось невозможным долго находиться в такой духоте. Впрочем, Диану как будто ничего не смущало; судя по звукам, она обо что-то споткнулась и воскликнула:

– Господи, Дьёрке, ну и бардак у тебя! – зашелестела, нащупывая кресло, и упала в него. Люк, опасаясь сделать неловкое движение, остался стоять неподвижно. Дверь закрылась. Диана блаженно вздохнула где-то в стороне, потом зазвенела какими-то стаканами.

– Ужас, как я намаялась с этим Вейерштрассом! – сообщила она куда-то в темноту. – Ты знаешь, они ни под каким видом не хотят отдавать нам часть аэропорта. Придётся туда внедрять кого-то из наших.

Огонёк сигареты невозмутимо промолчал, но Диану это, похоже, не удивило. Люк чувствовал себя дураком. Или

здесь так принято?!

– Эрика предлагает выкупить этот аэропорт однажды и навсегда, но это же такой геморрой! – невидимая Диана возмущённо зашевелилась; её чрезвычайно молчаливый, а может, и не слушавший вовсе собеседник никак не отреагировал, если не считать ответом затушенную сигарету. Люк, переминаясь с ноги на ногу, оглянулся на невидимую дверь.

– Мрак! Вот так скучаешь целый вечер на каком-нибудь приёме, уламываешь без результата какого-нибудь самовлюблённого придурка, да ещё синоптики обещают дождливую неделю, и после этого страшно хочется кого-нибудь убить, – пожаловалась Диана; молчание в ответ затягивалось.

– Я думал, тебе нравится дождь, – негромко возразил Люк просто для того, чтобы что-нибудь сказать, или хотя бы обозначить своё присутствие. Со стороны Дианы, кажется, задумались.

– Нет, – наконец честно призналась она, и в этот момент чья-то невидимая рука схватила его за горло.

Он совершенно не ожидал такого поворота событий и потому не сразу начал сопротивляться, а когда начал, то быстро понял, что это бесполезно: противник был выше, явно сильнее и действовал чётко, как по отлаженной схеме. Пока он волок Люка через всю комнату, то успел его порядком придушить, так что когда Люк упал на что-то мягкое, по-видимому на кровать, и железные пальцы на мгновение отпусти-

ли горло, он первым делом закашлялся; перед глазами плыли цветные круги, да и куда было бежать? Не видно же ничего! Зато Люк заорал как резаный, когда незнакомец начал стаскивать с него штаны, но тут горло ему снова что-то сдавило – на этот раз, похоже, железная проволока с шипами. Он снова закашлялся и больше не смог выдавить ни звука. Он просто поверить не мог, что такое бывает. Он читал в криминальной хронике о глупых мальчиках, которые вот так попадают в притоны, но Диана...

От удушья в голове у него мутилось, и вообще он не чувствовал ничего, кроме боли, и даже не сразу сообразил, когда именно незнакомец его отпустил, – казалось, мучение продолжалось бесконечно. Правда, удавка на шее так и осталась, но насильник куда-то отбыл, а потом всю комнату залил яркий свет. Люк не нашёл в себе сил повернуть голову и так и лежал, уткнувшись лицом в смятую простыню, зато услышал укоризненный голос Дианы:

– Здесь что, неделю не убирались?..

Её собеседник с завидным спокойствием хранил молчание, зато тонкие женские пальцы обхватили запястье Люка, и в следующее мгновение он почувствовал укус – такой болезненный, что, не будь удавки на шее, снова заорал бы во всё горло; затем он, кажется, на короткое время потерял сознание.

Когда он медленно и с перебоями вернулся в реальность – всё виделось словно сквозь толщу воды – то понял, что висит

сверху ногами, а кровь капает вниз с пальцев рук. Перед глазами покачивалась очень большая и светлая комната и, приглядевшись, Люк понял, что ему не показалось: вдоль стены были свалены мёртвые тела, а через пол тянулись кровавые разводы. Диана и хозяин как ни в чём не бывало сидели посреди этой живодёрни в креслах, причём Диана расслабленно сняла туфли и поставила их рядом с собой на стол, а хозяин положил на стол голову и, казалось, дремал. Даже после всего происшедшего зрелище произвело на Люка впечатление, хотя ему всё равно почему-то не верилось, что его вот так убьют.

– А ты что думаешь по поводу этого аэропорта? – озабоченно поинтересовалась Диана. – Может, забить на него вообще?

– Мне похер, – наконец подал голос незнакомец, не поднимая головы, и Диана, удовлетворённо вздохнув, встала, словно получила обнадеживающий ответ.

– Ладно, я тогда переговорю об этом с Арманом... Если найдутся желающие там работать... Посмотрим, как пойдёт, – она сняла свои туфли со столешницы и, не надевая их, направилась к двери; на пороге обернулась и окинула задумчивым взглядом комнату. – Хочешь, пришлю тебе уборщиков?

Мужчина так долго думал, что Диана, не дождавшись ответа, вышла; через некоторое время после того, как за ней закрылась дверь, незнакомец откинулся в кресле и как ни

в чём не бывало сказал:

– Нет.

Потом рассеянными движениями вытряхнул сигарету из пачки, закурил и подошёл к Люку, который пытался всмотреться в своего, судя по всему, убийцу, но запомнил только тёмный силуэт – сознание расплзлось и ускользало.

– Знаешь, что меня больше всего смущает в классическом психоанализе? – вдруг поинтересовался незнакомец, в котором, как видно, проснулось желание поговорить. – Считается, что сын, в тайниках своей так сказать души, не предусмотренных патриархатом, непременно хочет убить отца и изнасиловать мать. И никто странным образом не обращает внимания на другую, не менее блестящую возможность, но я, честно признаться, не вижу причин, почему бы сыну не хотеть убить мать, чтобы изнасиловать отца? – мужчина сделал глубокомысленную паузу. – А ты, будь у тебя сын, что бы предпочёл? – поскольку Люк, естественно, не ответил, незнакомец продолжил рассуждать сам с собой. – Знаешь, у меня дочь, и я даже подумать боюсь, что бы предпочла она, – признался он, – особенно если учесть, что моя жена уже несколько веков как умерла и, выходит, за обоих родителей остался я один. Трудно представить, какие бы опасности мне грозили, если бы моя дочь не умерла тоже... – мужчина задумчиво затянулся сигаретой. – Можно, конечно, искать утешение в мысли, что всё это: фигура отца, фигура матери – чисто символические понятия, абстракции, архе-

типы, — он недоверчиво покачал головой, явно сомневаясь в такой прекраснодушной трактовке. — Но всё же... Кто их знает, эти цветы жизни. Не исключено, что дети всё воспринимают всерьёз! — мужчина затушил сигарету, улёгся в кровать и, зевая, подытожил: — У самого меня был, дай бог памяти, восемьдесят один родитель, и я, честно говоря, ни разу в жизни не задумался о том, кого из них убить, а кого изнасиловать. Но, будь я человеком, сказал бы, что Фрейд без причины поскромничал.

3

Потом яркий свет ламп, и тёмные лохмотья мёртвых тел, и бурые пятна завертелись и смешались, он увидел куб комнаты глубоко под землёй, и твердь породы, и синюю атмосферу вокруг — и не сразу понял, что видит это уже в окне, а не в мыслях. Корабль приближался к планете. Сорвахр отвернулся от окна и хотел сказать, что эта поездка ему не нравится, но не решился. К чему, если остальные считают, что всё в порядке?..

— Тебе что-то не нравится? — мягко спросила Аллат, очевидно, верно истолковав выражение его лица. Сорвахр поколебался.

— Я... вижу... — он запнулся, не испытывая особого желания переводись в слова картины, которые не хотел понимать, — тьму...

— Но что это значит? — ласково спросила Аллат, глядя

на него со своим обычным заинтересованным, воодушевлённым выражением. Сорвахр отвернулся.

– Это значит, что надо немедленно убираться отсюда, – хмуро пояснил он. – Передай всем, что лучше не приближаться к этой планете и вообще выйти из Солнечной системы.

Аллат недоверчиво покачала головой, хотя простодушно озвучила его совет. Вообще-то Сорвахр мог бы и сам говорить с остальными в пространстве общего сознания, но он предпочитал отделять свои мысли от чужих и приближать к себе только тех, кому особенно доверял. Привычка общаться через Аллат образовалась ещё на Бетельгейзе, но сейчас у него были особые причины избегать мысленной связи.

– Но всё-таки, что ты видишь? – деликатно подступилась к нему Аллат. – Скажи хотя бы мне.

Сорвахр поморщился.

– Н-нет... У нас и слов таких нет. – Он снова встревожено выглянул в ночь. Местная звезда сияла жёлто-красными огнями. Может быть, он преувеличивает опасность? – Они сочтут, что я их разыгрываю, – вслух добавил он, и в этот момент голубая планета вспыхнула и снова расплылась...

1

Вообще-то в нашем баре и раньше случались заварушки – район неблагополучный. Хорошо ещё, что сама забегаловка небольшая, так что для массового побоища просто не набе-

рётся народу. Я на всякий случай держал при себе пистолет – не настоящий, просто чтобы припугнуть, если потребуется, но он так ни разу и не понадобился – наверное, я слишком привык полагаться на кулаки, всё-таки вырос на этих улицах. Но в тот вечер я почувствовал, что такое настоящая беспомощность и роковая встреча.

Ещё когда на улице раздались выстрелы, меня как будто паралич хватил. Я сразу понял, что это к нам. Потом дверь распахнулась, и я увидел мужчину – в полумраке трудно было разглядеть лицо, я заметил только, что он был в тёмной спортивной куртке и с длинными чёрными волосами, падавшими на плечи. Он сразу молча принялся методично расстреливать всех, кто находился в баре – где-то человек пятнадцать или чуть больше. Он двигался так буднично, самоуверенно, что сразу было ясно: здесь можно не суетиться понапрасну. Многие, конечно, попрятались под столы, но фактически все те, кого он не застрелил сразу, просто ждали своей очереди. А я так и вообще застыл на месте, как будто сон смотрю. Достаточно сказать, что когда у него кончились патроны, в живых оставались ещё три человека, а он спокойно перезарядил пистолет и добил их, и выбежать никто не пытался. Кажется, некоторых он не убил, а только тяжело ранил, потому что как раз тогда, в наступившей по техническим причинам паузе, я слышал стоны и какую-то возню в отдалении – он не обратил внимания, да и стрелял особо не целясь, просто трудно было не попасть с такого расстоя-

ния. Когда он вышел на свет, под лампу, я лучше разглядел его, впрочем к первому впечатлению почти ничего не прибавилось – он так и остался для меня тёмным силуэтом, потому что у него было на удивление правильное, какое-то нечеловечески красивое лицо. Он деловито застрелил оставшихся, прошёл к стойке походкой мечтателя на прогулке, сел на высокий табурет и дружелюбно посмотрел на меня.

– Слушай... плесни-ка мне чего-нибудь, а?.. – он неопределённо помахал пистолетом.

– Чего? – спросил я, хотя самое тупое в этой ситуации было поддерживать разговор. Гость скосил глаза на преysкурant.

– Маргариту с клубникой, – сказал он серьёзным тоном, хотя глаза его смеялись. Я полез за проклятой текилой, чувствуя, что он предоставляет мне время, которое мне совершенно некуда девать. О чём полагается думать перед смертью? Можно ли, в принципе, умереть достойно, когда тебя просто давят, как крысу в подвале? Лучше бы застрелил сразу, как всех.

– Люблю клубничку, – светским тоном пояснил он, наблюдая за тем, как в шейкере измельчаются ягоды. Я не ответил. Мне лично казалось, что в голове у меня не осталось ни одной мысли, но он вдруг заговорил, и фразы его, похоже, были ответом как раз на то, что я успел подумать.

– Знаешь, эта твоя Илона... Она давно уже спит с Янку – ты не знал?... А они между прочим поженятся в следующем

месяце, и у них родится самый тупой ребёнок во всём Бухаресте... Нет, на математический ты бы в жизни не поступил, и вообще, мне кажется, программирование – это не твоё. Зачем мы живём на этом свете?.. Что ж, интересный вопрос! И сдаётся мне, ты узнаешь ответ значительно раньше, чем я... Почему я это делаю? – тут он внимательно рассмотрел ногти на свободной от пистолета руке и признался: – Хочу выпить. – С этими словами он взял давно стоявший перед ним бокал и сделал глоток, но сразу же подавился, прижал к губам пистолет и помотал головой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.